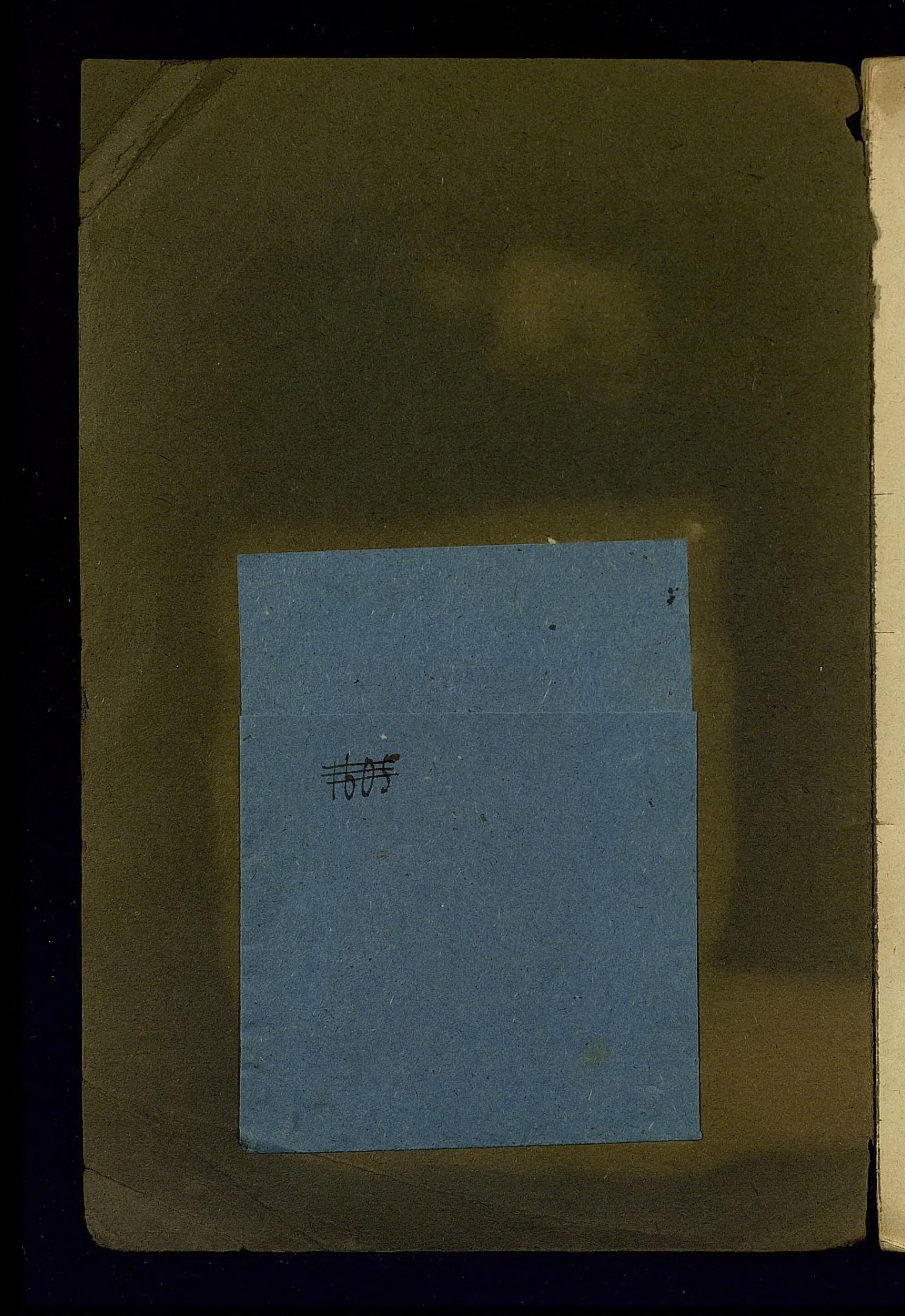
В. Украинскій.

Крестьянская община и аграрная реформа.

Цѣна 50 коп.

Книгоиздательство „Новыя Силы“.

Москва. 1908.

1605

В. Украинскій.

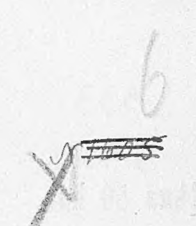
Крестьянская община и аграрная реформа.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.

1907.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1. Введеніе.

Настоящій историческій моментъ въ жизни Россіи характеризуется пробужденіемъ къ жизни и выступленіемъ на арену общественной борьбы широкихъ трудовыхъ массъ. Революціонное движеніе, загорѣвшись въ городахъ, быстро перекинулось и въ крестьянство, сняло печать молчанія съ придавленной тяжелымъ гнетомъ деревни, вдохнуло жизнь въ ея мертвящую атмосферу, насыщенную произволомъ и безправіемъ... И многомиліонная „сермяжная" масса, словно сбросившая съ себя цѣпи долгаго летаргическаго сна, проснулась и потребовала себѣ мѣста на жизненномъ пиру. Смѣлая соціальная теорія въ деревнѣ вступила въ благопріятную психологическую атмосферу въ формѣ обычно-правовыхъ воззрѣній народа. Она окрылила неясныя мечтанія голоднаго крестьянства о „новой ревизіи", о „черномъ передѣлѣ", по которому всѣхъ надѣлятъ землей, кристаллизовавъ эти мечтанія въ форму широкой соціально-политической программы, проникнутой трудовымъ принципомъ, освѣщенной идеаломъ соціализма.

И вотъ, передъ всѣми, кто не учитываетъ этой новой силы, кто въ соотношеніи борющихся теченій крестьянству отводилъ роль пассивнаго зрителя — встала колоссальная по своей сложности и значенію аграрная проблема. Разрѣшить ее и дать отвѣтъ на всю ту массу вопросовъ, которые внесло съ собой пробужденіе крестьянства — стало неотложной необходимостью момента. Успѣхъ той или иной партіи, побѣда того или иного общественнаго теченія въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло зависитъ отъ того, на какую чашку вѣсовъ ляжетъ огромная сила крестьянской массы, въ какое русло вольется потокъ народнаго движенія.

Въ переживаемый въ настоящее время Россіей революціонный періодъ разрушенія старыхъ формъ общественной жизни, вопросъ объ отношеніи къ крестьянству, о координаціи дѣйствій города и деревни подъ флагомъ общихъ программныхъ требованій пріобрѣтаетъ особенно острый характеръ.

Вполнѣ понятна та растерянность и поспѣшность, съ какой въ партійныхъ кругахъ начался процессъ переоцѣнки старыхъ программъ и приспособленія ихъ къ новымъ условіямъ жизни.

Соціалъ-демократы оказались едва ли не менѣе всѣхъ подготовленными къ этой работѣ. Убаюканные сладкимъ сознаніемъ грядущаго „развитія производительныхъ силъ", которыя по странному капризу судьбы что-то никакъ не хотятъ развиваться по марксистской схемѣ — с.-д-ы слишкомъ мало считались съ крестьянствомъ, видя въ немъ реакціонную силу, пережитокъ старыхъ хозяйственныхъ формъ, неумолимыми законами исторіи приговоренный къ пролетаризаціи. Они не замѣчали того глухого процесса накопленія революціонной энергіи, который давно уже медленно совершался въ глубокихъ низахъ народныхъ массъ, спаивая одной общей цѣпью широкіе трудовые слои народа. И вотъ, когда накопившаяся энергія разразилась, вспыхнувъ яркимъ заревомъ аграрнаго движенія, соціалъ-демократы только въ этотъ моментъ почувствовали все неудобство и неустойчивость своей позиціи индифферентнаго отношенія къ крестьянству.

Въ рядахъ марксистовъ быстро закипѣла работа... Старое шатающееся зданіе ортодоксальнаго марксизма украшается массой „надстроекъ" и „пристроекъ", расширенныхъ толкованій и „тактическихъ резолюцій", совершенно мѣняющихъ общіе контуры первоначальнаго остова. Появляется цѣлый рядъ аграрныхъ проектовъ, взаимно отрицающихъ одинъ другой. И, наконецъ, въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ, сопровождаемыхъ каскадомъ взаимныхъ обвиненій приверженцевъ различныхъ фракцій „единой" с.-д-іи въ „буржуазности" и прочихъ грѣхахъ — „отрѣзки", въ защиту которыхъ ломалось такъ много копій, съ подобающей случаю торжественностью,

съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ соціалъ-демократическаго ритуала предаются погребенію, и на ихъ мѣсто програма с.-д-въ обогащается новымъ перломъ творчества — муниципализацiей. Но и это едва ли внесло успокоеніе въ ряды с.-д-іи. По крайней мѣрѣ, г. Рожковъ и его соратники тотчасъ же констатировали всю, такъ сказать, буржуазную подоплеку новой аграрной программы. По словамъ г. Рожкова, муниципализація земли „очень легко можетъ послужить ко вреду крестьянъ и рабочихъ и къ пользѣ капиталистовъ"[1]). Получается грустная картина... Пролетарская партія съ трогательнымъ усердіемъ занимается укрѣпленіемъ буржуазныхъ позицій и расчищаетъ путь для побѣдоноснаго шествія колесницы буржуазнаго развитія. Вообще, во всѣхъ экскурсіяхъ с.-д-въ въ область творчества аграрныхъ программъ чувствуется положительно что-то фатальное. Тотъ же г. Рожковъ, съ такимъ усердіемъ изгоняющій буржуазныя наслоенія изъ с.-д-ой программы, при первыхъ же попыткахъ выработки своей собственной аграрной программы, еще глубже погружается въ болото буржуазнаго соціалъ-реформаторства, топя въ немъ вмѣстѣ съ „пролетарской точкой зрѣнія" всю свою „классовую непримиримость" и прочіе аксессуары ортодоксальной мысли. Неудачи с.-д-въ въ области аграрныхъ программъ въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ нѣсколько двусмысленнымъ положеніемъ, въ которомъ очутилось марксистское теченіе послѣ выступленія на авансцену революціи крестьянской массы. Съ одной стороны, с.-д-ты по прежнему вѣрятъ въ непреложность и абсолютную правильность марксистской доктрины, т.-е. въ неизбѣжность развитія въ русской деревнѣ капиталистическаго строя со всѣми его характерными чертами: концентраціей производства и экспропріаціей мелкихъ собственниковъ; поэтому всякая попытка временнаго улучшенія условій крестьянскаго хозяйства, несомнѣнно должна казаться имъ вредной утопіей, безплодной попыткой путемъ палліативовъ измѣнить желѣзный законъ историческаго развитія.

---

[1]) Н. Рожковъ. — Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій, стран. 40.

Съ другой стороны, широкое развитіе крестьянскаго движенія заставляетъ с.-д-въ постараться использовать эту новую силу, которая, соединившись съ движеніемъ городскихъ рабочихъ, сообщитъ послѣднему небывалую мощь и интенсивность. Но тѣ лозунги, съ которыми выступила деревня, кореннымъ образомъ расходятся съ основами с.-д-го ученія. Вмѣсто спокойнаго ожиданія наступленія эры буржуазнаго развитія, крестьянство властно потребовало всей земли народу. Осуществленіе этого требованія, т.-е. экспропріація всѣхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, является уничтоженіемъ тѣхъ зародышей капиталистическаго строя, которые давно уже констатировали с.-д-ты въ русской деревнѣ. И вотъ, передъ русскими марксистами встала трудная дилемма: присоединиться къ этому движенію, воплотить въ своей программѣ требованія трудовыхъ массъ — это значитъ отказаться отъ стараго ученія, отказаться отъ старыхъ истинъ, на что, конечно, не такъ-то легко согласиться. Игнорировать же попрежнему крестьянство какъ „мелкобуржуазный" элементъ — это значитъ заранѣе подрѣзывать себѣ крылья, заранѣе отказаться отъ будущихъ побѣдъ. Но возможенъ и третій путь, который и выбрали с.-д-ты: это — давно испытанная система сидѣнія между двухъ стульевъ, способъ „примиренія непримиримаго" и совмѣщенія взаимно исключающихъ другъ друга элементовъ. Программа, составленная такимъ путемъ и сшитая изъ разныхъ лоскутовъ, не можетъ представлять собой чего-либо цѣльнаго, съ логической неизбѣжностью вытекающею изъ общаго міровоззрѣнія марксистовъ.

Это видитъ и самъ авторъ новой аграрной программы, г. Масловъ, который говоритъ, что „въ борьбѣ съ реакціей, чтобы привлечь массу крестьянства, демократія *принуждена* будетъ расширить крестьянское землепользованіе". (Г. Масловъ. Критика агр. программъ, 38). Г-нъ Рожковъ также, будучи не менѣе г. Маслова горячимъ противникомъ всякихъ „мѣщанскихъ дѣлежекъ" земли, допускаетъ, что послѣ революціи, дабы „привязать крестьянство къ новому вполнѣ демократическому государству" — с.-д-ты „должны согласиться на всѣ

требованія крестьянъ, даже на требованіе раздѣла *всѣхъ* земель“. И хотя, по мнѣнію г. Рожкова, эта мѣра вызоветъ разрушеніе капиталистическихъ хозяйствъ, а слѣдовательно, и регрессъ производительныхъ силъ, онъ тутъ же утѣшается мыслью, что „капитализмъ скоро снова пойдетъ впередъ“[1]).

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ ярко проявляется вся та безпринципность и оппортюнизмъ, которые столь же глубоко проникаютъ собой всѣ офиціальныя и неофиціальныя с.-д-ія программы. Аграрная программа у нихъ не является органической частью одного цѣлаго,—нѣтъ, это посторонній придатокъ, который с.-д-ты „принуждены“ были подхватить въ пылу борьбы и который они безо всякаго нарушенія цѣльности своего общаго міровоззрѣнія могутъ въ каждый моментъ выбросить за бортъ, разъ только исчезнетъ необходимость въ какихъ-либо приманкахъ для крестьянства. Трудно, конечно, предсказать дальнѣйшую эволюцію того или иного теченія... но разъ оно такъ рѣшительно вступаетъ на путь послѣдовательнаго оппортюнизма и пользованія напрокатъ чужими лозунгами, то, идя послѣдовательно въ этомъ же направленіи, не трудно дойти и до полнаго отрицанія своего собственнаго „я“ въ цѣляхъ временнаго соглашенія съ какимъ-либо классомъ, не трудно во имя интересовъ все того же пролетаріата окончательно напялить на себя буржуазное одѣяніе.

Либеральная буржуазія также принуждена была пуститься въ обманчивое море аграрныхъ спекуляцій. Но исходныя точки всѣхъ ея изысканій значительно проще и яснѣй, чѣмъ у с.-д-овъ. Стремленіе „обезопасить“ общество отъ новой грозной силы въ лицѣ голоднаго народа является лейтмотивомъ либеральныхъ программъ. Эта черта особенно ярко вырисовывается у Герценштейна, у котораго аграрная программа является однимъ изъ средствъ умиротворенія народа, такъ какъ, „очевидно, никакія мѣры полицейской и военной охраны не въ состояніи предотвратить волненій“[2]). „Событія послѣднихъ дней, — говоритъ онъ, — „ясно показываютъ, что

---

[1]) Н. Рожковъ. Аграрный вопросъ въ Россіи и т. д., стран. 41.

[2]) Аграрный вопросъ. Сборн. Долгорукова и Петрункевича, стран. 87.

необходимы какія-либо рѣшительныя мѣры для улучшенія положенія крестьянъ. Возобновились аграрные безпорядки, которые два года тому назадъ стихійно пронеслись въ нѣскольких губерніяхъ“ [1]). Вполнѣ понятна та тревога, тотъ паническій страхъ за свое существованіе, который обуялъ буржуазію; не менѣе понятна и та предупредительность и поспѣшность, съ которой она стремится ослабить узы народа, улучшить его положеніе (конечно, поскольку это вызывается требованіями общественной безопасности). „Если мы будемъ дожидаться, пока насъ разбудитъ грозный крикъ бушующихъ крестьянскихъ массъ“, — продолжаетъ далѣе Герценштейнъ, „то не только сахарную промышленность, но и все наше помѣстное землевладѣніе и самихъ землевладѣльцевъ надо признать обреченными на гибель“ [3]).

Эти принципы нашли свое воплощеніе въ аграрной программѣ ка-детовъ, гдѣ стремленіе удержать, сохранить основныя черты современнаго строя затушевываетъ интересы народа. Дополнительный надѣлъ, „съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ“, является центральнымъ пунктомъ ихъ аграрной программы. Къ сожалѣнію, понятіе „справедливости“ носитъ крайне субъективный характеръ. Каждый классъ, каждая общественная группа наполняетъ этотъ терминъ своимъ особымъ содержаніемъ, придаетъ ему тотъ или иной оттѣнокъ. Если мы возьмемъ для примѣра „эпоху великихъ реформъ“, мы увидимъ, что правда и „справедливость“, проявившаяся въ выработкѣ условій раскрѣпощенія крестьянъ, оказалась чистѣйшимъ раззореніемъ для послѣднихъ, создавая вмѣсто „цѣпей крѣпостныхъ“, массу новыхъ оковъ, еще болѣе мучительныхъ и тяжелыхъ. Предполагать у современной либеральной буржуазіи большую дозу альтруистическихъ чувствъ, чѣмъ въ моментъ освобожденія крестьянъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Какъ тогда, такъ и теперь страхъ передъ возможностью „освобожденія снизу“

---

[1]) Ibid. 86.
[2]) Ibid. 87.

является доминирующимъ стимуломъ, толкающимъ ее на путь соціальныхъ реформъ. Нетрудно представить себѣ, что такое единство исходныхъ точекъ, несомнѣнно, создаетъ массу сходныхъ чертъ и въ самихъ программахъ. Выкупъ и стремленіе удержать крупныя помѣстья, насколько это возможно въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, отдѣлавшись отъ крестьянъ возможно дешевле — вотъ та общая черта, которая проникаетъ собой всѣ стремленія буржуазныхъ классовъ въ области творчества соціальныхъ реформъ какъ теперь, такъ и 45 лѣтъ тому назадъ.

Но между ка-детской и соц.-д-кой аграрной программой также есть и черты сходства, рѣзко бросающіяся въ глаза. Какъ тѣ, такъ и другіе видятъ въ крестьянствѣ чуждую силу; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ аграрныя программы являются *уступкой* этой новой стихійной силѣ. Соц.-демократы своей программой пытаются привлечь на свою сторону крестьянство, использовать въ своихъ цѣляхъ его революціонную энергію; конституціон.-демократы также путемъ аграрныхъ реформъ надѣются воздѣйствовать на то же крестьянство, но только въ цѣляхъ подавленія его революціонной энергіи. И тамъ, и здѣсь аграрная программа не воплощаетъ въ себѣ идеаловъ трудящихся классовъ, не является актомъ соціальнаго творчества. Нѣтъ, это вынужденная уступка, подачка возставшему народу, размѣръ которой опредѣляется не принципіальными соображеніями, а степенью силы крестьянскаго движенія и характеромъ требованій, предъявленныхъ имъ къ буржуазному строю. Потребуетъ крестьянство полнаго уничтоженія частной собственности на землю, и соц.-д-ы, въ лицѣ г. Рожкова и другихъ, несмотря на всю свою ортодоксальную чистоту и непримиримость, съ пѣной у рта будутъ отстаивать это „мелкобуржуазное“ требованіе, въ глубинѣ души тая надежду: авось эта реформа не задушитъ окончательно капитализма, который къ вящей славѣ марксизма „снова пойдетъ впередъ“. Если же крестьянство удовлетворится „муниципализаціей“ или просто дополнительной прирѣзкой, какъ проектируетъ г. Рожковъ, то это вѣдь и еще лучше! И ужъ,

конечно, не соц.-д-ы станутъ толкать его на путь болѣе радикальныхъ требованій. Словомъ, здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ „программъ", изъ которыхъ каждая, въ случаѣ нужды и въ зависимости отъ условій момента, можетъ быть пущена въ оборотъ.

Исходя изъ способовъ рѣшенія аграрной проблемы соціалъ-демократами и либералами, легко опредѣлить въ общихъ чертахъ, какъ *не слѣдуетъ* строить аграрную программу. При выясненіи основныхъ контуровъ аграрной реформы необходимо исходить отъ анализа условій развитія деревни, принимая во вниманіе тѣ процессы, которые въ ней совершаются, тѣ формы, въ которыя выливается народная жизнь, кристаллизуется народное правосознаніе. Наблюдая измѣненіе этихъ формъ въ прошломъ и настоящемъ, мы можемъ съ той или иной степенью вѣроятности намѣтить ихъ дальнѣйшую эволюцію. Оцѣнивая эту эволюцію съ точки зрѣнія интересовъ трудовыхъ слоевъ крестьянства и городского пролетаріата, мы сможемъ нарисовать общіе контуры аграрной реформы.

Въ деревнѣ мы сталкиваемся съ своеобразной психологіей народа, выросшей на почвѣ общиннаго владѣнія, гдѣ особенно ярко проявляется обычное народное право, гдѣ зарождаются и растутъ трудовые принципы, гдѣ мы находимъ зародыши коллективизма, способные быстро развиться въ благопріятной соціально-политической атмосферѣ. Изслѣдованія русской общины даютъ богатый матеріалъ, изъ котораго выковывается аграрная программа. Вотъ поэтому-то мы прежде всего нарисуемъ эволюцію общинныхъ формъ въ связи съ измѣненіемъ народной психологіи и уже въ концѣ, какъ завершеніе этихъ процессовъ, какъ болѣе широкое развитіе принциповъ, заложенныхъ въ самомъ сердцѣ народной жизни, намѣтимъ основныя черты аграрной реформы.

---

2. Опредѣленіе общины.

Трудно себѣ представить что-либо болѣе сложное и многообразное, чѣмъ русская община. Раскинутая на огромной территоріи, развиваясь въ различныхъ климатическихъ условіяхъ, завися въ значительной мѣрѣ отъ степени густоты населенія и обилія земли — она въ каждомъ изъ этихъ случаевъ носитъ на себѣ своеобразный отпечатокъ, пріобрѣтаетъ особую форму, нѣсколько отличающую ее отъ другихъ общинныхъ формъ. Если мы возьмемъ чисто внѣшнія проявленія общины какъ опредѣляющій элементъ, какъ критерій, который даетъ возможность выдѣлить общину изъ группы различныхъ формъ индивидуальнаго владѣнія, мы неизбѣжно запутаемся въ массѣ мелкихъ уклоненій, въ массѣ чисто внѣшнихъ противорѣчій.

Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ въ качествѣ опредѣляющаго фактора передѣлы, какъ наиболѣе типичное проявленіе общинной жизни, и по наличности или отсутствію ихъ будемъ классифицировать общину отъ подворнаго владѣнія, намъ тотчасъ же придется столкнуться съ непреодолимыми трудностями. На сѣверѣ Россіи индивидуальная собственность почти совершенно отсутствуетъ. Несмотря на это передѣлы, въ силу многоземелья, создающаго сравнительно широкій просторъ для эксплуатаціи земель, — практикуются очень слабо. Съ другой стороны, въ нѣкоторой части помѣщичьей общины, гдѣ внутренніе импульсы общинной жизни совершенно замерли, придавленные тяжелой пореформенной обстановкой, передѣлы (частныя „свалки-навалки“) практикуются довольно часто, всякій разъ вызываемые причинами, лежащими внѣ общины, какъ таковой. Такимъ образомъ въ пер-

вомъ случаѣ къ подворному владѣнію намъ пришлось бы причислить массу многоземельныхъ общинъ, гдѣ быстро развиваются общинные принципы, гдѣ отсутствуетъ психологія собственниковъ. Во второмъ случаѣ, мы принуждены были бы въ категорію активно дѣйствующей общины зачислить ея застывшія формы, гдѣ передѣлы являются чисто механическимъ приспособленіемъ народной жизни къ требованіямъ государственнаго фиска. Но для того, чтобы уловить единство въ многообразіи общинныхъ формъ и провести демаркаціонную линію между общиной и индивидуальной собственностью, намъ придется вскрыть внутреннюю сущность общины, опредѣлить сумму правъ и обязанностей каждаго ея члена, указать характерныя черты, отличающія ее отъ подворнаго владѣнія.

По Каблукову, „юридически это различіе сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ (т.-е. при подворн. влад. В. У.) отдѣльное лицо имѣетъ право полнаго и свободнаго распоряженія землей, а во второмъ — это право принадлежитъ цѣлой совокупности лицъ, и отдѣльное лицо только пользуется землею, не имѣя права продавать или заложить ее, что и даетъ ему юридическую возможность всегда обратиться съ приложеніемъ своего труда къ землѣ, поскольку это приложеніе зависитъ отъ обладанія землей“ [1]).

Качоровскій опредѣляетъ общину „какъ институтъ, въ которомъ, въ результатѣ взаимодѣйствія законодательства и обычая, права владѣнія раздѣлились: община какъ цѣлое (т.-е. фактически *большинство* ея членовъ) осуществляетъ право *распоряженія* (право пользованія также всегда ей принадлежитъ, хотя рѣдко осуществляется), а каждому члену ея въ отдѣльности принадлежитъ лишь право пользованія (право распоряженія принадлежитъ ему лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и лишь условно съ санкціи общины) [2]).

Эти широко обобщающія опредѣленія охватываютъ всѣ

---

[1]) Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Стран. 70.

[2]) Качоровскій. Русская община, I т., изд. „Нов. Тов.“, стран. 70.

разновидности общины, всѣ моменты ея возникновенія, всѣ стороны ея жизни. Здѣсь ярко выступаетъ характерная черта общины какъ цѣлаго — это право распоряженія землей, которое при подворномъ владѣніи осуществляется отдѣльными собственниками. Степень развитія этого коллективнаго права, въ связи съ ростомъ уравнительныхъ формъ распредѣленія земли, можетъ служить критеріемъ высоты общинной жизни. Идеальное римское право собственности, „какъ принадлежащее отдѣльной личности право неограниченнаго распоряженія тѣлесной вещью“[1]), давно уже утратило свой первоначальный абсолютный характеръ. Вмѣшательство и контроль современнаго государства все сильнѣе суживаютъ это право, отбирая въ свои руки цѣлый рядъ прерогативъ собственника. Но какъ бы тамъ ни было, и теперь русское право признаетъ за собственникомъ право *пользованія, владѣнія и распоряженія* собственностью „въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ“.

Такимъ образомъ, право пользованія входитъ какъ составная часть въ комплексъ правъ, изъ которыхъ слагается общее понятіе собственности. Само же по себѣ право пользованія безъ наличности остальныхъ аттрибутовъ собственности — права владѣнія и распоряженія — не можетъ быть названо собственностью. Переходя къ общинному владѣнію, мы тотчасъ же видимъ ту громадную пропасть, которая отдѣляетъ его отъ подворнаго индивидуальнаго владѣнія. Каждый отдѣльный общинникъ только временно пользуется землей, не имѣя права распоряжаться своимъ земельнымъ надѣломъ; при этомъ размѣръ участка, время пользованія имъ, а также и система хозяйства находятся въ зависимости отъ воли „міра“, т.-е. всей совокупности членовъ общины. Слѣдовательно, разница въ правахъ индивидуальнаго собственника и общинника не только количественная, — въ правахъ того и другого мы усматриваемъ коренное принципіальное различіе, обусловливающее различную психологію и идеалы, разныя позиціи въ процессѣ борьбы за новыя формы общежитія. Всѣ раз-

[1]) А. Менгеръ. „Новое ученіе о государствѣ“, изд. „Колокола“, стран. 80.

сужденія о „фанатизмѣ мелкой собственности“ примѣнительно къ нашей русской общинѣ являются продуктомъ нѣкотораго недоразумѣнія, смѣшенія двухъ различныхъ понятій: права собственности (dominium) и пользованія (usus). И вотъ, какъ результатъ этого смѣшенія, является огульное подведеніе подъ одинъ ранжиръ всей 80-милліонной крестьянской массы, которая вся цѣликомъ, по мнѣнію марксистовъ, надѣлена „антиколлективистскимъ черепомъ“ мелкихъ собственниковъ. Мы видимъ, что къ общинѣ, гдѣ совершенно отсутствуетъ индивидуальная собственность на землю, это положеніе не примѣнимо. Что же касается подворнаго владѣнія, то и тамъ мелкая трудовая собственность не можетъ служить тормазомъ для проникновенія въ крестьянство идеаловъ коллективизма. И если соціалъ-демократическія экскурсіи въ деревню къ такъ называемой „деревенской бѣднотѣ“ и терпѣли нѣкоторое фіаско, то въ данномъ случаѣ причинъ этого явленія приходится искать не въ инертности крестьянской массы, неспособной „стать на пролетарскую точку зрѣнія“, а скорѣй въ буржуазномъ характерѣ тѣхъ лозунговъ, съ которыми соціалъ-демократы шли въ деревню.

Площадь общиннаго землевладѣнія въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, 9 губерній Царства Польскаго, обл. Войска Донского и Кавказа) занимаетъ 94,6 мил. десятинъ. Въ личномъ подворномъ владѣніи крестьянской надѣльной земли насчитывается до 22,2 милл. десятинъ. Такимъ образомъ, въ процентномъ отношеніи общинная территорія охватываетъ 4/5 всей крестьянской надѣльной земли[1]). Это процентное отношеніе еще нѣсколько повысилось бы въ пользу общины, если включить сюда Область Войска Донского, Кавказъ и особенно Сибирь, гдѣ почти совершенно отсутствуетъ личное владѣніе, гдѣ община быстро развивается, переходя къ высшимъ формамъ уравненія. Территоріально общинное землевладѣніе преобладаетъ на востокѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ

---

[1]) По Каблукову въ общинномъ владѣніи находятся 84,6% надѣльной земли. „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства“, стран. 110.

районахъ (восточная степь) оно достигаетъ 98,4%; на югѣ (въ Новороссіи и Бессарабіи) оно спускается до 88,9% — 77%; дальше къ западу (Бѣлоруссія — Правобережная Украйна) оно колеблется отъ 39% до 13,9% и, наконецъ, въ Литвѣ и Прибалтійскихъ губ. совершенно исчезаетъ[1]).

Типичной стороной общинно-передѣльнаго владѣнія является равное право каждаго отдѣльнаго члена общины на общинную землю. Это право порождаетъ борьбу за передѣлы въ цѣляхъ возможно болѣе правильнаго распредѣленія земельныхъ угодій. Такимъ образомъ передѣлы общинной земли являются результатомъ осуществленія этого права. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ общинѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, намъ приходится сталкиваться съ патологическими формами передѣловъ, обусловленными ненормальными условіями, въ которыя законодательство поставило общину. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ. Пока же только констатируемъ наличность уродливыхъ отклоненій общины отъ нормальнаго типа, когда передѣлы перестаютъ удовлетворять основную функцію общины — осуществленіе равнаго права всѣхъ членовъ ея на мірскую землю. Характерной чертой общиннаго владѣнія являются такъ называемые *количественные* передѣлы, при которыхъ въ цѣляхъ уравненія измѣняется размѣръ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ. Кромѣ того, одной изъ формъ уравненія являются также и *качественные* передѣлы, при которыхъ сохраняется прежній размѣръ участка, а происходитъ обмѣнъ различными по качеству полосами. Послѣдній способъ уравненія встрѣчается и при другихъ формахъ землевладѣнія. Въ общинѣ же онъ комбинируется въ той или иной формѣ съ различными системами количественнаго поравненія. По объему территоріи, охватываемой передѣлами, мы можемъ классифицировать ихъ на *общіе и частные*. Общими называются передѣлы, охватывающіе цѣликомъ всю земельную

[1]) Цифровыя данныя взяты у Качоровскаго. Русская община, I т. изд. „Нов. Тов." стран. 64, 74.

площадь общины или какого-либо отдѣльнаго угодья (напр. пашни, сѣнокоса) и включающіе сюда всѣхъ домохозяевъ; частными же отдѣльныя переверстки, касающіяся части общинной земли и не всѣхъ членовъ общины.

Кромѣ общиннаго и подворнаго владѣнія, представляющихъ собой типичные образчики двухъ рѣзко отличающихся по своему содержанію формъ владѣнія, имѣются промежуточныя смѣшанныя формы землевладѣнія, совмѣщающія въ себѣ въ извѣстной пропорціи характерныя черты того и другого. Къ этой категоріи относится такъ называемое *четвертное* или *долевое* землевладѣніе. „Прошлая исторія четвертного землевладѣнія еще недостаточно изслѣдована. Насколько можно судить по имѣющимся историческимъ даннымъ, четвертные крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, являются потомками служилыхъ людей, поселенныхъ на окраинахъ государства съ цѣлью защиты границы отъ набѣговъ непріятелей. Часть этихъ служилыхъ людей, составлявшая низшій разрядъ, получила за службу землю въ общинное владѣніе; другая — дѣти боярскія получили ее лично по именнымъ жалованнымъ грамотамъ“[1]).

Четвертные крестьяне являются потомками этого послѣдняго, привилегированнаго класса. Значительная часть ихъ въ 1719 г. была зачислена въ податной классъ. При четвертномъ владѣніи каждый домохозяинъ владѣетъ не опредѣленнымъ „отрубнымъ“ участкомъ, отмежеваннымъ отъ сосѣдей, какъ при подворномъ владѣніи, а извѣстной „долей“ общаго количества земли. Отъ времени до времени въ цѣляхъ качественнаго уравненія участковъ происходитъ „пересадка“ — домохозяева мѣняются участками земли, при чемъ „доля“ каждаго изъ нихъ остается неизмѣнной. Такимъ образомъ, отсутствіе собственности на опредѣленный разъ навсегда земельный участокъ отличаетъ четвертное владѣніе отъ индивидуальнаго подворнаго землевладѣнія. Съ другой стороны, отсутствіе количественныхъ передѣловъ не даетъ возможности отнести четвертное влад-

[1]) В. В. Крестьянская община, стран. 21.

ніе къ общиннымъ формамъ. Кромѣ тѣхъ или иныхъ типовъ землевладѣнія, кристаллизующихся въ строго опредѣленныя формы, существуетъ еще цѣлый рядъ смѣшанныхъ типовъ, когда одна часть угодій находится въ индивидуальномъ владѣніи, другая же часть подвергается тѣмъ или инымъ способамъ общиннаго управленія. Въ процессѣ развитія общины эти явленія могутъ быть разсматриваемы какъ переходная ступень, какъ пережитокъ старыхъ формъ индивидуальнаго владѣнія, отмирающій по мѣрѣ роста общиннаго права.

3. Захватное владѣніе и зарожденіе общины.

Вопросъ о происхожденіи русской общины когда-то занималъ очень почетное мѣсто на столбцахъ толстыхъ журналовъ, вызывая горячую полемику двухъ направленій. Одно изъ нихъ, такъ называемое „славянофильское", наиболѣе талантливыми представителями котораго были Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, разсматривало русскую общину съ чисто этической стороны, противопоставляя ее государству. Въ общинѣ славянофилы усматривали „воплощеніе альтруизма и любви христіанской, „которую Спаситель призналъ верховнымъ закономъ людскихъ отношеній" [1]). Они отрицали или, вѣрнѣй, сводили къ минимуму роль государства въ зарожденіи и развитіи общины, выводя послѣднюю изъ самаго быта русскихъ людей. Противоположное теченіе, въ лицѣ Чичерина и другихъ, совершенно отрицая „самобытность" русской общины, доказывало, что община создана правительствомъ въ цѣляхъ фиска и что, слѣдовательно, различныя формы общинной жизни не являются результатомъ народнаго творчества, служа только лишь пассивнымъ отраженіемъ измѣненій законодательства. Въ настоящее время вопросъ о генеалогіи общины потерялъ свою бопрежнюю остроту и интересъ. Представляя попрежнему богатую почву для историческихъ изысканій, онъ уже не играетъ существенной роли при выясненіи пути дальнѣйшей эволюціи общины, а стало-быть, и при опредѣленіи ближайшей аграрной реформы. Намъ важно опредѣлить характерныя черты настоя-

---

[1]) Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ, стран. 466.

щаго и намѣтить тотъ путь, по которому идетъ развитіе русской общины, и изъ анализа смѣны формъ народной жизни опредѣлить тѣ дальнѣйшіе этапы, чрезъ которые пойдетъ или можетъ пойти при наличности извѣстныхъ условій развитіе крестьянскаго хозяйства. Связь съ отдаленнымъ прошлымъ слишкомъ слаба, она теряется во маркѣ столѣтій ее приходится отыскивать въ пыли архивовъ. А потому, какъ бы община первоначально ни создалась, но если въ настоящій моментъ она является живымъ организмомъ, если она эволюціонируетъ въ сторону развитія коллективизма, вопросъ о „законности“ ея рожденія отходитъ на задній планъ.

Первоначальной формой владѣнія, изъ которой впослѣдствіи выростаетъ община, является періодъ свободнаго, не ограниченнаго владѣнія занятой землей. Такой періодъ въ различныхъ мѣрахъ характеризуется какъ право „первой заимки“, „вольницы“, „захватищъ“, „жака“ (Славяно-сербскаго уѣзда)[1]) и обусловливается обиліемъ никѣмъ не занятыхъ земель. Изслѣдованія обнаруживаютъ повсемѣстно наличность періода „захватнаго владѣнія“ какъ первичной стадіи, изъ которой впослѣдствіи развились различные типы коллективнаго и индивидуальнаго владѣнія [2]). Изслѣдованія сибирской общины, основанныя на непосредственномъ наблюденіи захватныхъ формъ, гдѣ онѣ еще до сихъ поръ сохранились во многихъ мѣстахъ, представляютъ большой интересъ при изученіи возникновенія общинно-передѣльной формы владѣнія и ея дальнѣйшей трансформаціи.

Вначалѣ, когда земли было много, каждый селился, гдѣ ему „глянулось“, выбирая наиболѣе плодородное и удобное

---

[1]) В. В. Крестьянская община, стран. 11.

[2]) Такъ, напр. захватное владѣніе предшествовало общинному у Уральскихъ, Донскихъ казаковъ, въ Архангельской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Вологодской гг., гдѣ и теперь еще нѣкоторыя угодья держатся на захватномъ правѣ (А. Карелинъ. Общинное владѣніе, стран. 198—201), затѣмъ въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ степной полосы (В. В. Крестьянская Общ., стран. 6—7 и дальше) и, наконецъ, вездѣ въ Сибири (А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, стран. 44—62).

мѣсто, расчищая лѣсныя заросли, распахивалъ землю и строилъ усадьбу. Каждое такое владѣніе или „занятіе“ называется обыкновенно „заимкой“. Очень часто группа семей селится въ одномъ мѣстѣ, при чемъ каждая семья отдѣльно распахиваетъ пашню и вообще ведетъ самостоятельное хозяйство, расширяетъ границы пашни и лѣсныхъ „чищобъ“, ничѣмъ не стѣсняемая при наличности широкаго земельнаго простора. Вокругъ такихъ отдѣльныхъ заимокъ постепенно выростаетъ цѣлый рядъ другихъ, которыя въ общей совокупности образуютъ „починокъ“. Съ постепеннымъ приростомъ населенія, съ прибавленіемъ пришлаго элемента, который часто „припускается“ владѣльцами заимокъ — починокъ выростаетъ въ деревню. Ближайшія къ деревнѣ земли быстро распахиваются, соотвѣтственно съ этимъ уменьшается и количество свободныхъ земель вокругъ селенія. Поясъ вольной земли или, какъ его называютъ сами крестьяне, „дикое поле“ отодвигается все дальше отъ деревни. Богачамъ, имѣющимъ много скота и рабочихъ рукъ, становится тѣсно. Расширяя запашку, приходится занимать землю вдали отъ селенія. По мѣрѣ расширенія запашки на сторонѣ, тамъ устраиваются сначала лѣтнія помѣщенія на время работъ, а затѣмъ постепенно переносится и все хозяйство, строится новая усадьба. Такимъ путемъ выростаетъ новая заимка, которая въ свою очередь развивается въ починокъ, починокъ въ деревню и т. д. По словамъ Качоровскаго, „съ тѣми или иными незначительными варіаціями эта схема вѣрна и для огромнаго большинства всѣхъ вообще случаевъ разселенія, какіе только мы наблюдаемъ въ настоящее время или о которыхъ сохранились написанія или воспоминанія — одинаково какъ въ Сибири, такъ и на сѣверныхъ, восточныхъ, южныхъ окраинахъ Европейской Россіи“[1]).

На почвѣ захвата и „вольнаго“ пользованія захваченной землей, выростаетъ соотвѣтствующая психологія и правосознаніе народа, облекающее въ юридическія формы самый захватъ: кристаллизуется такъ называемое „захватное право“. Отношенія

---

[1]) К. Качоровскій. Русская община, стран. 85.

захватчика къ занятой имъ землѣ носятъ рѣзко индивидуалистическій характеръ. Роль общины, „міра“ сводится на нѣтъ: ему принадлежитъ крайне скромная роль санкціонировать своимъ авторитетомъ самый фактъ захвата, оберегать захваченную собственность отъ постороннихъ притязаній. При этомъ во владѣніи заимщика находятся не только тѣ земли, въ которыя онъ уже вложилъ свой трудъ, но также и не воздѣланныя пустоши, прилегающія къ его заимкѣ, которыя при наличности земельнаго простора также составляютъ собственность заимщика, ибо со временемъ, расширяя запашку, онъ можетъ и ихъ обработать. И община въ цѣломъ, на первоначальной стадіи вольнаго пользованія, признаетъ это право, кладетъ его въ основу рѣшенія споровъ о землѣ. Основнымъ мотивомъ, дающимъ право на неограниченное владѣніе захваченной землей, является трудъ, затраченный на ея обработку, расчистку; и чѣмъ больше труда потребовалось на обработку участка земли, тѣмъ неотъемлемѣй право собственности на него „заимщика“, тѣмъ, слѣдовательно, медленнѣй въ этомъ пунктѣ прокладываетъ себѣ путь общинное право. Въ основѣ права собственности на занятую землю лежитъ такъ называемое „право труда“, право на объектъ человѣческаго труда — землю, въ которую крестьянинъ вложилъ свой трудъ и въ цѣнности которой реализуется какъ бы частица его самого. Кромѣ „права труда“ въ основѣ захватнаго владѣнія лежитъ еще право „перваго захвата“ и „давность“ владѣнія, которыя, при отсутствіи прочныхъ основаній со стороны конкурента, даютъ перевѣсъ первому захватчику. Но эти два послѣдніе принципа не имѣютъ особенно серьезнаго значенія. Они быстро исчезаютъ въ самомъ началѣ зарожденія общины, тогда какъ „право труда“ красной нитью проникаетъ всѣ фазисы развитія общины вплоть до самыхъ высшихъ формъ уравненія. На первыхъ стадіяхъ захватнаго владѣнія, намѣчая себѣ участокъ лѣса для расчистки, заимщикъ не вырубаетъ его, а только „зачерчиваетъ“ — снимаетъ съ деревьевъ кору; и весь „зачерченный“ участокъ становится его собственностью, независимо отъ того, когда онъ начнетъ его обработку. Столь же

прочное право создаетъ „опахиваніе“ вокругъ предназначеннаго для „занятія“ участка земли, а также „затяпываніе“ и „окашиваніе“ покосовъ.

Но такая идиллія безграничнаго захвата возможна только при чрезмѣрномъ обиліи земель. По мѣрѣ увеличенія населенія, путемъ ли естественнаго прироста или благодаря переселенію, свободный земельный фондъ постепенно сокращается, и соотвѣтственно съ его сокращеніемъ увеличивается „земельное утѣсненіе“. Прибылыя души, „малолѣты“, не надѣленныя землей, настойчиво требуютъ земли, выдвигая новый принципъ — „право на трудъ“, на которомъ они и базируются въ процессѣ борьбы за землю. Насколько „право труда“ индивидуалистично по своему внутреннему содержанію, настолько же „право на трудъ“, заключающееся въ признаніи за всякимъ права на существованіе, на приложеніе своего труда къ землѣ — носитъ въ себѣ зачатки коллективизма. Зарожденіе и развитіе общины представляетъ собою яркую картину борьбы этихъ двухъ началъ. Съ ростомъ „земельнаго утѣсненія“ постепенно выступаетъ на авансцену община въ цѣломъ.

Права ея въ качествѣ аппарата, регулирующаго индивидуальное землепользованіе, ограничивающаго индивидуальный захватъ, мало-по-малу расширяются. Соотвѣтственно съ увеличеніемъ общиннаго права, — права отдѣльныхъ собственниковъ постепенно суживаются, сдавливаются подъ напоромъ развивающагося права на трудъ.

Но нарожденіе общиннаго права совершается не сразу и сперва не захватываетъ пользованія всѣми угодьями. Нѣтъ, медленно идя шагъ за шагомъ по линіи наименьшаго сопротивленія, оно сначала проявляется тамъ, гдѣ, во-первыхъ, чувствуется недостатокъ въ свободныхъ угодьяхъ и гдѣ, стало-быть, особенно разрастается „право на трудъ“, и, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ количество затраченнаго труда не велико, т.-е. гдѣ слабо развито „право труда“. Недостатокъ въ сѣнокосахъ скорѣй наступаетъ, чѣмъ недостатокъ другихъ угодій; съ другой стороны, первоначальная затрата труда на приве-

деніе ихъ въ состояніе пригодное для эксплуатаціи значительно меньше, чѣмъ въ другихъ угодьяхъ, напримѣръ, въ пашнѣ, гдѣ приходится дѣлать чащобы, поднимать цѣлину и т. д. Въ силу этого общинная жизнь при переходѣ отъ захватнаго владѣнія обыкновенно зарождается сначала въ пользованіи сѣнокосами. Такъ, напримѣръ, въ Енисейской губ., въ то время когда пахатныя земли почти нигдѣ не поступали въ душевое пользованіе, „захватныя формы владѣнія покосами сохранились въ чистомъ видѣ всего въ 16,9% общаго числа селеній"[1]). Но этотъ смѣшанный типъ общинно-захватнаго владѣнія, при которомъ права общины осуществляются только по отношенію къ отдѣльнымъ угодьямъ, является лишь промежуточной стадіей, исчезающей по мѣрѣ развитія общины. Общинное право, зародившись, не останавливается на какомъ-либо частичномъ завоеваніи: медленно но неуклонно оно движется впередъ, отбирая одну за другой позиціи захватнаго владѣнія. Въ ограниченіи пользованія пашней намѣчается самая строгая послѣдовательность. Сначала ограничивается число лѣтъ, въ теченіе которыхъ домохозяинъ, „зачертившій" какой-либо участокъ лѣса, сохраняетъ на него право, не приступая къ обработкѣ „зачерченнаго" участка. Сроки постепенно уменьшаются до 15—10 и даже до 3 лѣтъ и, наконецъ, устанавливается обычай, въ силу котораго „чертежъ" самъ по себѣ, безъ затраты труда на расчистку, не гарантируетъ права владѣнія. „На зачеркиванье не глядятъ — другой смѣло заѣзжаетъ на чужой чертежъ, ибо труда тутъ никакого не вложено"[2]), говорятъ въ такихъ случаяхъ крестьяне. Затѣмъ, понемногу, сокращаются сроки, въ теченіе которыхъ земля можетъ быть подъ залежью. Въ конечномъ итогѣ и здѣсь право владѣнія землей изчезаетъ съ момента прекращенія пользованія ею.

Наконецъ, вмѣшательство общины начинаетъ проявляться также и въ ограниченіи права *отчужденія* земли, залога ея, которое при захватномъ правѣ ничѣмъ ни ограничено.

---

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская Община въ Сибири, стран. 72.
[2]) Ibid. 74.

Въ общей совокупности эти мѣры являются лишь первыми робкими шагами общины, первымъ вмѣшательствомъ ея въ область неограниченнаго владѣнія. Собственно говоря, эти мѣры по существу и не ограничиваютъ захвата: онѣ лишь вводятъ его въ рамки *трудового* права, ограничивая лишь право „первой оккупаціи“ и „давности“. Мы видимъ, что и здѣсь вначалѣ община не пытается посягать на твердо установившееся въ народной жизни „право труда“, выбирая менѣе крѣпкія позиціи, гдѣ коллективное право скорѣй сможетъ побороть индивидуалистическую преграду. Но земельное утѣсненіе растетъ, а съ нимъ растетъ и потребность въ землѣ, принимая всё болѣе острую форму, становясь для „малолѣтовъ“ вопросомъ жизни. И вотъ община начинаетъ надѣлять ихъ свободной землей путемъ „отвода“ незанятыхъ, „выморочныхъ“ земель, отбираетъ „залежи“ и „чертежи“.

Затѣмъ, по мѣрѣ развитія общиннаго права, а также и усиленія земельной нужды, которая уже не можетъ быть удовлетворена отводомъ свободныхъ земель, община начинаетъ прибѣгать и къ „частнымъ поравненіямъ“, отрѣзывая участки земли у одного старозаимочника и отдавая ихъ въ пользованіе нуждающемуся домохозяину. Здѣсь уже общинѣ приходится вступить на путь борьбы съ глубоко засѣвшимъ въ психологіи владѣльцевъ правомъ труда.

На первыхъ же порахъ общинѣ пришлось столкнуться съ активнымъ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ „широкодачниковъ“, которые, опираясь на „право труда“, считаютъ незаконнымъ отобраніе части принадлежащей имъ земли. На требованіе малоземельной группы общины, они обыкновенно отвѣчаютъ: мы землю разработали — намъ её и держать; иной, пни копавши, весь извелся; вы, руки скламши, сидѣли, а теперь на наши труды сѣсть хотите“[1]). На это малоземельные говорили, что „земля Божья“, „ничья“, „мірская“, и, значитъ, каждый на неё имѣетъ право, и что, во-вторыхъ, исполненіе обязанностей передъ государствомъ (главнымъ образомъ по-

---

[1]). А. Кауфманъ, стран. 65.

датной и солдатской службы) уже во всякомъ случаѣ даетъ каждому крестьянину то неотъемлемое право на землю, которое, въ данномъ случаѣ, нельзя иначе осуществить, какъ ограниченіемъ захвата"[1]).

Частныя поравненія и отрѣзки пріобрѣтаютъ все болѣе регулярный характеръ. Вызываемыя вначалѣ требованіемъ того или иного „новосела", маломочнаго хозяина, съ прямымъ указаніемъ на опредѣленный участокъ старозаимочника, который можно бы отрѣзать, эти отрѣзки съ теченіемъ времени начинаютъ производиться общиной самостоятельно. Охватывая сперва только часть пашни, поравненія съ каждымъ новымъ передѣломъ захватываютъ все большій районъ, входя въ плоть и кровь общинной жизни, становясь ея характернымъ признакомъ. Такимъ путемъ *частныя* поравненія, которыми характеризуется община на первыхъ ступеняхъ своего развитія, съ постепеннымъ ростомъ общиннаго права выливаются въ *общіе* коренные передѣлы.

Кромѣ той причины, на которую намъ уже приходилось ссылаться, именно, „земельнаго утѣсненія", какъ фактора слагающаго общину, — есть и другія относительно второстепенныя причины, вліяніе которыхъ также сказывается въ процессѣ зарожденія и развитія общинныхъ формъ. Къ нимъ прежде всего относится вліяніе переселеній и ссыльнаго элемента. Но эти два явленія могутъ быть сведены также къ первому фактору, такъ какъ ихъ вліяніе сказывается постольку, поскольку они въ результатѣ создаютъ то же самое земельное утѣсненіе. Болѣе интересна роль законодательства и администраціи въ процессѣ зарожденія общинныхъ формъ. Но и въ данномъ случаѣ, если мы не можемъ цѣликомъ свести ее къ тому же основному фактору, мы все же можемъ констатировать, что законодательство играетъ роль лишь ускоряющаго фактора, способствующаго болѣе быстрому завершенію тѣхъ процессовъ, которые и безъ того назрѣваютъ и развиваются съ постепеннымъ ростомъ земельнаго утѣсне-

---

[1]) К. Качоровскій. Русская община, 145.

нія. Слѣдовательно и эта причина не является самостоятельнымъ факторомъ. И тамъ, гдѣ давленіе законодательства дисгармонировало съ тенденціями развивающимися въ народной жизни, община вступала въ борьбу съ суровымъ закономъ, нерѣдко почти совершенно нейтрализуя его вліяніе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы болѣе подробно коснемся вопроса о роли законодательства въ зарожденіи и эволюціи общинныхъ формъ, пока же ограничимся только этимъ бѣглымъ указаніемъ.

Изъ многообразія общинныхъ формъ, свидѣтельствующаго о необыкновенной гибкости этого института, мы ясно видимъ, насколько вытекаетъ онъ изъ самыхъ хозяйственныхъ условій, насколько глубоко его корни вросли въ сознаніе народныхъ массъ.

Если мы возьмемъ, напримѣръ, статически хотя бы сибирскую общину, мы увидимъ сложную картину цѣлаго ряда различныхъ формъ, сплетающихся въ крайне запутанный узелъ: наряду съ захватными формами, какъ, напримѣръ, въ Иркутской губ., мы встрѣчаемъ въ Курганскомъ округѣ общину, достигшую кульминаціонной точки развитія, гдѣ „почти въ 95% селеній господствуетъ разверстка по потребительской нормѣ“[1]).

Такія рѣзкія противорѣчія будутъ намъ понятны только тогда, когда мы станемъ разсматривать общину со стороны ея „динамики“, въ процессѣ смѣны формъ; тогда этотъ узелъ быстро распутается, и передъ нами вырисуется широкая, богатая красками картина постепеннаго накопленія „общиннаго духа“, медленной, но непрерывной побѣды коллективныхъ началъ и вытѣсненія индивидуализма. Тогда мы увидимъ, какъ низшія формы, развиваясь, переходятъ въ высшія, болѣе „справедливыя“, какъ съ каждымъ шагомъ „право на трудъ“ все сильнѣе проникаетъ въ сознаніе народа.

---

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, 121.

4. Системы разверетокъ.

А. Система ревизской разверстки.

Наиболѣе элементарной формой земельнаго поравненія являются общіе передѣлы по ревизскимъ душамъ, т.-е. по всѣмъ мужскимъ душамъ, записаннымъ въ ревизію. Представляя шагъ впередъ отъ частныхъ поравненій въ сторону регулярной общинно-передѣльной жизни, они все еще слишкомъ мало сглаживаютъ индивидуальное неравенство отдѣльныхъ хозяйствъ. Ревизская разверстка является традиціонной формой общины, сохранившейся какъ пережитокъ прошлаго. Въ дореформенную эпоху ревизіи происходили болѣе или менѣе регулярно; промежутокъ между ними былъ, обыкновенно, не болѣе 16 лѣтъ. При каждой ревизіи мужскія души сосчитывались и облагались подушной податью. Къ этому времени, обыкновенно, государственные крестьяне пріурочивали и земельные передѣлы, ставя ихъ очень часто въ зависимость отъ распредѣленія податей, обложенія новыхъ душъ и т. п. При постоянной одновременности этихъ двухъ актовъ, въ головахъ крестьянъ сложилось невольно представленіе и объ ихъ причинной зависимости. Совершая передѣлы только во время ревизіи, они стали считать себя не въ правѣ производить какую-либо перетасовку земельной собственности въ промежутки между двумя ревизіями. Ревизія начинаетъ играть въ ихъ глазахъ роль какого-то „фетиша“.

Помѣщичьи крестьяне, при освобожденіи, также получили надѣлъ на ревизскія души. Въ силу этого и у нихъ ревизская душа преимущественно передъ другими имѣетъ право пользоваться надѣльной землей, и у нихъ также развивается

„фетишизмъ ревизской души“, тормазящій переходъ къ высшему типу разверстки.

Послѣдняя ревизія была въ 1858 году. Крестьяне не предполагали, что она будетъ послѣдней. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ накоплялось неравенство земельныхъ надѣловъ, а параллельно съ этимъ обострялась и земельная нужда, — крестьянство начинаетъ тревожно прислушиваться, не предполагается ли новой ревизіи, при которой можно было бы уравнять всѣхъ въ пользованіи землей. Очень часто, несмотря на самую неотложную нужду въ передѣлѣ, крестьяне не рѣшались производить его, боясь, что безъ ревизіи передѣлять нельзя. Такъ, напримѣръ, „государственные крестьяне Обоянскаго у. на вопросъ земскихъ статистиковъ (1882 г.) — почему они не передѣляютъ землю, отвѣчали: „правовъ не знали, ждали ревизіи; прикажите, В. Б., мы сейчасъ при полномъ сходѣ постановимъ приговоръ о передѣлѣ на новыя души“[1]). По мнѣнію Карелина, также отсутствіе передѣловъ, въ большинствѣ случаевъ, „сводится къ простому непониманію крестьянами своихъ правъ“[2]).

Помѣщичьи крестьяне послѣ освобожденія имѣли въ свою очередь очень смутное представленіе о своихъ правахъ, въ силу чего и здѣсь идея общинно-передѣльной жизни встрѣчала много препятствій. Въ числѣ причинъ, задерживающихъ передѣлы, здѣсь явился еще и „выкупъ“, который въ головахъ крестьянъ нерѣдко отождествлялся съ понятіемъ „покупки“. Такимъ образомъ создавалось представленіе, что земля выкупается въ собственность тѣхъ ревизскихъ душъ, которыя получили ее при освобожденіи. Законодательство, въ данномъ случаѣ, стало сильнымъ тормозомъ на пути развитія общины, искусственно создавая почву для развитія индивидуализма; и для того, чтобы сломать эту преграду, потребовалось слишкомъ много энергіи и времени. Но растущее съ каждымъ годомъ неравенство въ пользованіи землей все сильнѣе обостряло вопросъ о передѣлѣ. Крестьяне, мало-по-малу, начи-

---

[1]) В. В., l. с., стран. 96.
[2]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, стран. 138.

наютъ думать, что передѣлять можно и безъ ревизіи, что ревизіи ужъ больше не будетъ и т. д. Многія семьи, имѣвшія раньше во время ревизіи 5 муж. душъ и, стало-быть, получившія 5 надѣловъ, теперь уменьшились въ своемъ составѣ, такъ что нерѣдко на 1—2 души приходятся тѣ же 5 надѣловъ. Съ другой стороны, семейства, получившія во время послѣдней ревизіи 1 надѣлъ на 1 душу, имѣютъ теперь 4—5 душъ, надѣлъ же остается прежній. Такая явная несправедливость въ распредѣленіи земли рѣзко бьетъ въ глаза, вызываетъ массу споровъ и пререканій, является вѣчнымъ стимуломъ борьбы за передѣлъ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ. Богачи, имѣющіе много надѣловъ, конечно, выступаютъ ярыми сторонниками и апологетами „ревизской души". Отстаивая эту форму владѣнія, они зачастую ссылаются на то, что „нельзя дѣлиться до ревизіи, что во время послѣдней безземельные получатъ новый надѣлъ отъ правительства"[1]). Аргументація противниковъ передѣла нерѣдко подкрѣпляется еще и содѣйствіемъ администраціи, которая не стѣсняется прибѣгать даже къ актамъ самаго грубаго насилія, вплоть до заключенія сторонниковъ передѣла въ „холодную", въ цѣляхъ угодить наиболѣе богатой и реакціонной части крестьянъ.

Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ сильнымъ толчкомъ, заставившимъ многія изъ нихъ перейти отъ традиціонной ревизской разверстки къ передѣламъ по наличнымъ мужскимъ душамъ, послужилъ призывъ 1878 года. Въ этомъ году на военную службу призывались родившіеся послѣ 10-й ревизіи, слѣдовательно лишенные земельнаго надѣла. Этотъ фактъ явился блестящей иллюстраціей нераціональности ревизской разверстки, вскрывъ всю несправедливость этого способа распредѣленія земли. Несеніе военной службы, какъ одинъ изъ актовъ отправленія государственныхъ повинностей, является, съ точки зрѣнія крестьянъ, само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для надѣленія землей. И вотъ, въ общинахъ государственныхъ крестьянъ замѣчается значительное

[1]) Ibid., стран. 137.

оживленіе какъ разъ послѣ 1878 года. Такимъ образомъ, призывъ на военную службу „заревизныхъ“ душъ послужилъ лишь *поводомъ,* послѣднимъ, такъ сказать, толчкомъ, разрядившимъ накопленную въ общинѣ потенціальную энергію. *Причины* же этого явленія лежатъ глубже и обусловливаются все тѣмъ же недостаткомъ въ землѣ, который, какъ мы уже отмѣтили раньше, игралъ не менѣе важную роль и въ самомъ процессѣ зарожденія общины. Въ помѣщичьихъ общинахъ моментъ перехода къ высшей системѣ разверстки наступилъ нѣсколько позже.

По мѣрѣ вымиранія старыхъ, записанныхъ въ ревизію душъ, надѣлы скоплялись въ рукахъ оставшихся въ живыхъ. Съ каждымъ годомъ этотъ кругъ все сильнѣй сокращался; такъ что, если бы общинная жизнь не пробила бреши въ этомъ способѣ уравненія, ревизская разверстка, несомнѣнно, должна была бы умереть естественной смертью вмѣстѣ съ послѣдними „ревизскими“ душами. Но община постепенно ломаетъ ледъ старыхъ традицій. Идя, какъ всегда, по линіи наименьшаго сопротивленія, она и на этотъ разъ накладываетъ свою руку сперва тамъ, гдѣ противодѣйствіе старыхъ принциповъ наименѣе интенсивно.

Прежде всего въ сферу общинной регламентаціи попадаютъ надѣлы умершихъ душъ. Община начинаетъ надѣлять ими ужъ не ревизскія души, а молодыхъ, не записанныхъ въ ревизію. Создается смѣшанный типъ ревизско-наличной разверстки, представляющій собой переходную ступень отъ чисто ревизской къ наличной разверсткѣ. Но и такая система уравненія не гарантируетъ болѣе или менѣе полнаго равенства. При ней „ревизская“ душа все же пользуется громадными преимуществами передъ „новоженами“, заревизными, вся бѣда которыхъ заключается только въ томъ, что они появились на свѣтъ послѣ ревизіи. Выморочные надѣлы не въ состояніи удовлетворить насущной потребности въ землѣ, этимъ способомъ она удовлетворяется только частично, большинство же попрежнему остается безъ надѣла, продолжая отчаянную борьбу за надѣленіе всѣхъ землей. Въ результатѣ этой борьбы,

нерѣдко доходящей „до ножей, до кровопролитныхъ схватокъ съ кольями въ рукахъ“, обыкновенно, прогрессивное теченіе побѣждаетъ, и община переходитъ къ высшему типу уравненія, къ потребительской разверсткѣ по наличнымъ мужскимъ душамъ.

Б. Производительныя разверстки.

Борьба за землю, стремленіе получить земельный надѣлъ имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ надѣлъ окупаетъ лежащіе на немъ платежи, гдѣ, слѣдовательно, онъ является „кормителемъ“ крестьянской семьи. Здѣсь каждый крѣпко держится за свой надѣлъ, съ бою отстаивая на него свое право. Эта картина совершенно мѣняется тамъ, гдѣ надѣлъ является тяготой, гдѣ платежи за него, значительно превышая его доходность, являются тяжелымъ, подчасъ непосильнымъ бременемъ на плечахъ плательщика. И вотъ, въ такихъ общинахъ замѣчается стремленіе развязаться съ надѣломъ, „свалить“ его кому-либо другому, а то и просто бросить. Въ такомъ положеніи очутилась громадная часть общинъ, особенно помѣщичьихъ крестьянъ, тотчасъ же по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Реформа 1861 года отъ начала до конца ярко проникнута сословнымъ помѣщичьимъ характеромъ. Самые насущные интересы эманципируемыхъ съ спокойной совѣстью приносились въ жертву интересамъ господствующихъ классовъ, такъ что въ конечномъ счетѣ получилось освобожденіе не столько отъ крѣпостной зависимости, сколько отъ земли. Даже профессоръ Мануиловъ, несмотря на всю свою „умѣренность“ въ выраженіяхъ, не можетъ не сознаться, что „исторія подготовительныхъ работъ по составленію „Положенія“ 1861 года есть *исторія уступокъ* (курсивъ мой. В. У.), шагъ за шагомъ отвоеванныхъ помѣщиками у творцовъ великаго законодательнаго акта“[1]).

При освобожденіи крестьянъ 27,7% общаго числа ихъ были надѣлены недостаточнымъ количествомъ земли, при этомъ

---

[1]) А. Мануиловъ. — Поземельный вопросъ въ Россіи, въ сборникѣ Петрункевича и Долгорукова, „Аграрный вопросъ“, стран. 12.

помѣщичьихъ 42,6% и государственныхъ 13,7%. Эти цифры даютъ намъ нѣкоторое представленіе о той колоссальной массѣ крестьянъ (особенно помѣщичьихъ), которые съ перваго же момента освобожденія были обречены на полуголодное существованіе. Эта тяжелая картина пореформенной жизни приметъ еще болѣе мрачный характеръ, если взять во вниманіе высоту обложенія крестьянскихъ надѣльныхъ земель. По вычисленіямъ проф. Янсона, въ среднемъ платежи помѣщичьихъ крестьянъ составляли 198,25% ихъ дохода съ надѣла. По отдѣльнымъ губерніямъ эти цифры принимаютъ еще болѣе ужасающіе размѣры. Такъ, напримѣръ, въ Новгородской губ. платежи съ десятины земли для крестьянъ, получившихъ малые надѣлы, составляли по отношенію къ доходности ея для крестьянъ-собственниковъ до 275%, для временно обязанныхъ — до 565%[1]).

Мы видимъ, что экономическія условія пореформенной жизни отнюдь не могли способствовать развитію общины. Община, какъ таковая, является актомъ народнаго творчества, которое, конечно, можетъ проявляться при нѣкоторой экономической устойчивости, при сравнительно нормальномъ обезпеченіи крестьянства землей. Здѣсь же мы видимъ картину вопіющей нищеты, при которой всякое соціальное творчество заглушается въ самомъ зародышѣ. Правительство, освободивъ крестьннъ, прежде всего позаботилось о томъ, чтобы привязать ихъ къ надѣламъ, не дать имъ возможности бросить разоряющую ихъ землю. Съ этой цѣлью оно оковало освобожденное крестьянство круговой порукой, превративъ такимъ путемъ общину изъ хозяйственнаго союза въ универсальный аппаратъ для выколачиванія непосильныхъ платежей. Результатомъ такой мѣры явились частные передѣлы, такъ называемыя „свалки-

---

[1]) Цифры взяты изъ ст. „Крестьяне“ въ слов. Брокгауза. Тамъ же имѣются интересныя данныя о сравнительной высотѣ обложенія помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Въ среднемъ платежи помѣщичьихъ крестьянъ за каждую десятину надѣльной земли на 50,78% превышаютъ платежи государственныхъ, по отдѣльнымъ же платежамъ они достигаютъ 141,6% (Самарская) и даже 207,7%. (Ставропольская).

навалки", чисто автоматически производимые общиной въ цѣляхъ болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія податей. По мѣткому выраженію самихъ крестьянъ, при такихъ условіяхъ распредѣляется „не земля, а тягота". Община принуждена зорко слѣдить за платежной способностью каждаго члена, отбирать надѣлъ у недоимщиковъ, не могущихъ „осилить" платежи, и „наваливать", нерѣдко насильно, на болѣе состоятельныхъ, крѣпкихъ домохозяевъ. Такова экономическая, хозяйственная сторона народнаго быта, созданная реформой 1861 года. Но и психологія помѣщичьихъ крестьянъ, создавшаяся въ результатѣ многовѣкового рабства, также являлась существеннымъ тормазомъ для развитія въ средѣ освобожденнаго крестьянства общинныхъ принциповъ.

До освобожденія у владѣльческихъ крестьянъ существовала т. наз. „тягловая" разверстка податей. Податной единицей считалась брачная пара, на которую накладывалось тягло, заключающееся въ извѣстномъ количествѣ натуральныхъ повинностей или денежнаго оброка. При барщинной системѣ крестьянская община не только не являлась субъектомъ владѣнія, но даже лишена была возможности внутри себя самой производить хотя бы незначительныя перераспредѣленія земли. Функціи эти выполнялись или помѣщикомъ или бурмистромъ. На долю же крестьянскаго міра выпадала скромная роль выполненія барскихъ предначертаній. Въ иныхъ случаяхъ крестьянскому міру предоставлялось право перераспредѣлять землю въ цѣляхъ возможно болѣе правильнаго выплачиванія оброка и барщины. Но и здѣсь роль „міра" сводится къ нулю, т. к. ему всецѣло приходится приспособляться къ волѣ помѣщика, распредѣляющаго повинности. Поэтому и самые способы перераспредѣленія земли въ данномъ случаѣ отнюдь не могутъ быть результатомъ внутренней работы общины. Цѣлый рядъ примѣровъ и отзывовъ самихъ крестьянъ прекрасно иллюстрируетъ это положеніе. Приведемъ хотя бы нѣкоторые изъ нихъ.

..."С. Григорьевка. До воли, на барщинѣ, помѣщикъ часто мѣнялъ крестьянскія пашни, почему часто и передѣляли

ихъ"... По воспоминаніямъ помѣщичьихъ крестьянъ Рязанскаго у. ...„тогда была воля барская. На кого захочетъ, на того и наложитъ побольше оброка или побольше работы, а наше дѣло тогда — дать тягольщику землицы — вѣдь не спуста же ему тянуть тягло"[1]).

И, наконецъ, слѣдующій отзывъ крестьянъ еще ярче оттѣняетъ то безправіе и забитость ихъ, которыя такъ характерны для періода крѣпостного права. „Помѣщикъ смотрѣлъ на насъ, — говорятъ крестьяне, — якъ извозъ на лошадей: который домохозяинъ могъ больше утянуть, на того больше и тягла накладывалъ"[2]).

Мы видимъ, что здѣсь общинной жизни въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, нѣтъ и слѣда. Крестьянская община въ данномъ случаѣ представляетъ собой искалѣченный и изуродованный организмъ, приспособляющійся, по мѣрѣ возможности, къ ненормальнымъ условіямъ жизни. И вотъ, изъ такой-то атмосферы полнаго подавленія человѣческой личности, сведенія ея на ступень животнаго, способнаго „утянуть" то или иное количество оброка или барщины, крестьянинъ попадетъ въ пореформенную обстановку. Здѣсь, въ лицѣ общины, онъ выступаетъ уже въ роли субъекта, имѣющаго право, независимо отъ посторонней воли помѣщика, распоряжаться землей, производить передѣлы и т. п. Эти понятія первое время никакъ не могли уложиться въ головѣ крестьянина, откуда вѣками старательно изгонялись всякія проблемы самостоятельной жизни. Новые термины, новый кругъ понятій положительно ошеломилъ крестьянина. Выкупъ, круговая порука — все это понималось вкривь и вкось, отождествлялось съ другими совершенно разнородными предметами. И только единственно, что хорошо понималъ крестьянинъ — это то, что реформа слишкомъ мало по существу измѣнила его положеніе насчетъ „тягла". Только помѣщикъ замѣнился государствомъ, къ фискальнымъ требованіямъ котораго должна приспособляться народная жизнь; а мѣсто бурмистра занялъ

---

[1]) К. Качоровскій. Русская община, стран. 271.

[2]) В. В. Крестьянская община, стран. 166.

цѣлый рядъ новыхъ персонажей въ видѣ урядника, сотскаго, станового, блестяще выполняющихъ ту же функцію выжиманія повинностей. Тѣ „традиціи“ общинной жизни, съ которыми вступили въ пореформенную эпоху государственные крестьяне, совершенно отсутствовали у помѣщичьихъ. Общинный духъ, предполагающій нѣкоторое творчество мысли, не такъ-то легко могъ зародиться у безправной массы. Нужна была слишкомъ благопріятная обстановка, чтобы взростить въ освобожденномъ крестьянствѣ полузадушенные ростки народнаго правосознанія. Но вся пореформенная эпоха съ ея законодательствомъ и непосильными налогами, только могла способствовать все большему обостренію индивуализма.

Послѣ освобожденія крестьянъ многія общины перешли къ наличной разверсткѣ, но значительная часть ихъ была принуждена вернуться къ потягольной разверсткѣ, благодаря тяжелымъ платежамъ[1]).

Наиболѣе типичной формой производительной разверстки является разверстка *по работникамъ*. При этомъ надѣлы дробятся на доли соотвѣтственно возрасту каждаго „тяглеца“. Въ нѣкоторыхъ общинахъ работникъ 16—18 лѣтъ получаетъ $1^1/_2$ души, отъ 18 до 55—2 души и отъ 55 лѣтъ одну душу. Нерѣдко со стариковъ душа совершенно снимается. Очень часто, при разверсткѣ надѣловъ, кромѣ рабочей силы дворовъ, принимается въ соображеніе и ихъ „зажиточность“, количество скота и вообще орудій производства. Въ иныхъ случаяхъ землю распредѣляютъ „по согласію“; но этотъ послѣдній способъ практикуется тамъ, гдѣ платежи не особенно высоки и гдѣ, слѣдовательно, надѣляемые не проявляютъ особенно упорнаго сопротивленія. Въ этихъ случаяхъ система насильнаго „наваливанія“ замѣняется полюбовнымъ соглашеніемъ между міромъ и каждымъ изъ его членовъ въ отдѣльности.

Такимъ образомъ, система разверстки въ нашей общинѣ,

[1]) „Въ Московской губ. насчитывается около 800 общинъ большихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сначала принявшихъ ревизскую разверстку, а впослѣдствіи принужденныхъ перейти къ тягловой“. В. В.— Крестьянская община, 68.

особенно же у помѣщичьихъ крестьянъ, находится въ сильной зависимости отъ высоты податного обложенія. Это положеніе прекрасно иллюстрируется слѣдующими цифровыми данными, заимствованными нами у Качоровскаго.

% общинъ съ разверсткой по производительному принципу:

			Въ районѣ съ высшимъ по доходности надѣломъ.	Въ районѣ съ низшимъ по доходности надѣломъ.
Калязинскій у.	Тверской г.	Среди государств. крестьянъ	22,0	76,4
		„ помѣщичьихъ „	27,6	76,5
Зубцовскій у.		„ государствен. „	18,6	64,3
		„ помѣщичьихъ „	20,4	81,2

Въ этой статистической таблицѣ ясно сказывается зависимость между доходностью надѣла и системой разверстки. Чѣмъ менѣе доходенъ надѣлъ, тѣмъ тяжелѣй ложатся на крестьянство платежи за него. Слѣдовательно, и здѣсь мы видимъ связь между платежами и системой разверстки, ибо тяжесть платежей зависитъ въ одинаковой мѣрѣ какъ отъ общаго количества повинностей, такъ и отъ доходности земли[1]). Приведенныя цифры даютъ нѣкоторое представленіе о той регрессивной роли, какую сыграло наше пореформенное законодательство въ развитіи русской общины. Но тамъ, гдѣ отеческая рука администраціи менѣе тяжела — въ силу ли высокой доходности надѣла, окупающей платежи, или въ силу пониженія повинностей — тамъ общинная жизнь быстро развивается, принимая высокія формы уравненія.

Характерной чертой производительной общинно-выкупной разверстки является отсутствіе общихъ передѣловъ, которые замѣняются часто повторяющимися частными переверстками.

---

[1]) По Саратовской губ. также имѣются въ высшей степени интересныя цифры. Такъ, напр., по Балашевскому у. на каждую дес. земли въ общинахъ съ „потребительской“ разверсткой приходится 1 р. 58 к. платежей; въ общинахъ же съ производительной разв. 2 р. 88 к. Т. обр. въ общинахъ съ производительной разверсткой платежи на 82,9% превышаютъ платежи потребительныхъ.

Въ то время, какъ при нормальномъ развитіи общины, передѣлы бываютъ сравнительно рѣдко, и имъ всегда предшествуетъ упорная борьба за землю, — при выкупномъ владѣніи переверстки совершаются чуть не каждый годъ, при чемъ отношеніе крестьянъ къ землѣ діаметрально противоположное: доминирующей нотой этой системы разверстки является стремленіе избавиться отъ земли. Но съ теченіемъ времени платежи за землю стали понижаться; доходы же съ надѣла постепенно увеличиваться. Въ результатѣ этого процесса надѣлъ перестаетъ быть „разорителемъ“[1]). А соотвѣтственно съ этимъ коренным образомъ мѣняется и отношеніе крестьянина къ землѣ. При „наваливаніи“ перестаютъ отказываться такъ упорно, какъ прежде; наоборотъ, нѣкоторые даже сами начинаютъ предлагать обществу взять на себя упалую душу, надѣясь, что со временемъ надѣлъ покроетъ платежи. И вотъ, мало-по-малу, начинается обратная „тяга“ къ землѣ. Послѣ освобожденія крестьянъ нерѣдко общины бросали землю, уходили на заработки и изъ заработанныхъ денегъ платили за пустующій надѣлъ. „Лучше спуста (т.-е. не обрабатывая надѣла), будемъ платить, — говорили они, — а сами уйдемъ на сторону“. И дѣйствительно, въ Кашинскомъ, напримѣръ, уѣздѣ Тверской губ. 85,5% общинъ послѣ освобожденія забрасывали свои надѣлы вслѣдствіе чрезмѣрнаго обложенія ихъ платежами[2]). Но по мѣрѣ уменьшенія платежей начинаетъ замѣчаться пробужденіе общины. Заглохшая общинная жизнь

[1]) Насколько измѣнилось соотношеніе между доходностью земли и платежами видно изъ данныхъ по Ржевскому у. Тверской г. и Вяземскому Смоленской, приводимыхъ Качоровскимъ: „по Ржевскому у. Тверской г. еще въ началѣ 80-хъ гг. приходилось на окладную крестьянскую душу по 8 р. 9 к. всѣхъ платежей, а въ настоящее время (90 гг.) ихъ всего сходитъ 5 р. 32 к., т.-е. значитъ, общая сумма уменьшилась на одну треть и т. п. Цѣны же на земледѣльческіе продукты повысились въ такой пропорціи, что, напр.,... цѣны на зерновые хлѣба въ Вяземскомъ у. возросли въ 2½ раза, а на сѣно — такъ даже въ 3—5 разъ и т. п.“

[2]) Въ Московской губ. платежи превышали доходность надѣла на 75%, результатомъ чего явились постоянные отказы отъ земли, которая поступаетъ въ общество, а послѣднее въ свою очередь „наваливаетъ“ ее на болѣе состоятельныхъ хозяевъ.

начинаетъ снова пульсировать. Это явленіе иллюстрируется дальнѣйшими цифрами по тому же Кашинскому уѣзду.

	Число общинъ.	
	Съ разв. по налич. мужск. душамъ.	По ѣдокамъ.
По земско-статистическимъ даннымъ	19	24
„ позднѣйшимъ даннымъ подат. инспект.	48	70

Съ конца 80-хъ гг. изслѣдователи общины констатируютъ значительное оживленіе общинной жизни, которое характеризуется возникновеніемъ коренныхъ передѣловъ и развитіемъ потребительной разверстки. Предыдущія цифры даютъ намъ общую картину этого процесса. По развитію общинно-передѣльной функціи сильно мѣшали тѣ индивидуалистическія начала, которыя усердно прививались съ момента освобожденія крестьянъ. Выкупные платежи, всей тяжестью падавшіе на первое поколѣніе, развивали въ плательщикахъ стремленіе пріобрѣсти надѣлъ въ собственность. Исправный хозяинъ, платившій за надѣлъ-„разоритель“ во время бѣгства отъ земли „маломочныхъ“ хозяевъ, естественно не склоненъ „бунтовать“ землю передѣлами, отдавать задаромъ свои „сподобленныя“ полосы.

„Что же, — я платилъ, платилъ за свою землю подати и оброки, а теперь отдай ее чужому“; „мы что добра-то ввалили въ свои полосы и деньги за землю платили; за дорогую платили, а дешевую отдавай“; „я сколько времени плачу за нее, удобрилъ ее — моя земля“, говорятъ мощные хозяева, выстоявшіе періодъ, когда „надъ землей плакали“. И это право — „право затраченнаго труда“, когда надѣлы были многимъ не подъ силу и каждый старался сбросить съ себя земельную душу — глубокими корнями проникаетъ въ народную жизнь; и въ тотъ моментъ, когда крестьяне снова обращаются къ землѣ, это право становится тормазомъ на пути эволюціи общины. И вотъ, снова начинается та же борьба за землю, примѣры которой мы видѣли при переходѣ отъ захватнаго владѣнія.

„Да развѣ я отдамъ кому землю, которую 10—15 лѣтъ

выкупалъ?“ говорятъ крестьяне Рязанскаго у.: „да я косой прогоню всякаго, кто выйдетъ на мою землю“. Но сторонники передѣла выдвигаютъ свои аргументы: „Если ты подати платилъ, такъ земли у тебя цѣлая прорва; она тебѣ подати-то всѣ съ лихвой вернула“[1]).

Здѣсь мы видимъ ту же картину борьбы двухъ принциповъ, права на трудъ и права труда, съ тою только разницей, что право труда, подъ вліяніемъ ненормальныхъ условій обложенія, чрезмѣрно интенсивно, въ силу чего слишкомъ трудно проложить дорогу нарождающемуся общинному праву.

Но неравенство въ распредѣленіи земли даетъ себя чувствовать. Изъ города возвращаются обратно тѣ, кто въ годы особенно сильной „тяготы“ оставилъ землю, выросшіе дѣти требуютъ старые отцовскіе надѣлы у тѣхъ, кто ихъ взялъ на себя. Словомъ, со всѣхъ сторонъ начинается атака на прочно утвердившееся право труда. Общинное право на трудъ отбираетъ одну за другой позиціи индивидуализма и, наконецъ, окончательно побѣждаетъ: производительная разверстка смѣняется наличной по *потребительной* нормѣ.

Кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ производительную разверстку практиковали и государственные крестьяне — правда, въ значительно меньшемъ размѣрѣ, при чемъ здѣсь, кромѣ соотношенія доходности надѣла съ платежами, разверстка эта обусловливалась также и многоземельемъ, какъ, напримѣръ, въ Сибири. Тамъ, гдѣ надѣлъ очень великъ, превышая нерѣдко рабочія силы отдѣльныхъ семей, землю распредѣляютъ по производительному принципу, дабы большой надѣлъ не „задавилъ“ небогатаго рабочими силами хозяина. Потребительная разверстка при такихъ условіяхъ не раціональна, такъ какъ, если раздѣлить землю по наличнымъ душамъ, не справляясь съ способностью надѣляемыхъ „осилить“ душу, нѣкоторые маломочные хозяева не управятся съ своими надѣлами, тогда какъ обладающіе значительнымъ числомъ взрослыхъ работниковъ, не найдутъ приложенія свободной рабочей силѣ. Въ виду этого, какъ общее правило, при такихъ условіяхъ

[1]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, 139.

господствуетъ производительная разверстка по рабочей силѣ семействъ. По мѣрѣ же земельнаго утѣсненія, когда надѣлъ приближается къ потребительной нормѣ, не превышая рабочей силы семей, община переходитъ къ потребительной системѣ распредѣленія[1]).

Резюмируя все сказанное, мы можемъ констатировать наличность производительной разверстки въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда платежи слишкомъ велики и превышаютъ доходность земли, или надѣлъ малодоходенъ и не окупаетъ податей. Въ этихъ случаяхъ производительная разверстка является патологической формой, уклоненіемъ отъ нормальнаго хода развитія общины.

2) При многоземельи, когда размѣръ надѣла превышаетъ потребительную норму или когда его трудно „осилить“, напримѣръ, при тяжелой почвѣ. Здѣсь производительная разверстка можетъ быть разсматриваема какъ одинъ изъ этаповъ нормальнаго развитія общины. Но соотвѣтственно съ ростомъ населенія съ одной стороны, а также и въ зависимости отъ уменьшенія платежей съ другой, община прокладываетъ себѣ путь, разрывая сковавшую крестьянство индивидуалистическую оболочку.

В. Потребительная разверстка.

Потребительная разверстка является высшей формой земельной уравнительности. Изъ характеристики ревизской и производительной разверстки передъ нами уже вырисовались общіе контуры потребительнаго распредѣленія, а также и та соціальная обстановка, при которой эта система можетъ развиваться. Тотъ фетишизмъ ревизской души, который приковывалъ крестьянъ къ традиціонной ревизской разверсткѣ, понемногу разсѣивается подъ вліяніемъ растущаго правосознанія народа. Параллельно ему идущій процессъ уменьшенія многоземелья (на окраинахъ Россіи), пониженія податей и

[1]) Производительная разверстка при многоземельи является переходной ступенью отъ захватнаго владѣнія къ общинно-передѣльному. Впрочемъ нерѣдко этотъ фазисъ въ развитіи общины выпадаетъ и она прямо переводитъ отъ семейно-захватнаго владѣнія къ потребительской разверсткѣ.

повышенія доходности надѣла въ общей совокупности сплетается въ могучій факторъ развитія общины.

При потребительной разверсткѣ вначалѣ землей надѣляются однѣ мужскія души. При этомъ зачастую, какъ и при производительной разверсткѣ, практикуется дробное обложеніе, съ той только разницей, что припотребительной разверсткѣ въ основу дѣленія кладется потребность семьи въ землѣ, въ то время какъ при производительномъ распредѣленіи принималась во вниманіе способность ея „осилить“ надѣлъ съ лежащими на немъ платежами. Въ слоб. Бабинкѣ, напримѣръ, Аткарскаго у. (Саратовской губ.) „на подростковъ съ 14 до 15 лѣтъ общество накладываетъ 1/4 души, съ 15 до 17 лѣтъ—1/2 души, съ 17 до 18 — 1 душу и съ 18 до 60 лѣтъ — 2 души; старики 60 лѣтъ могутъ складывать съ себя души“ [1]).

Часто при потребительной разверсткѣ надѣляютъ всѣхъ лицъ мужескаго пола, даже и новорожденнымъ мальчиковъ Въ иныхъ случаяхъ до 5 лѣтъ не даютъ земли въ виду большой смертности дѣтей въ этомъ возрастѣ, создающей земельную путаницу. Затѣмъ, вообще, при надѣленіи принимается во вниманіе и цѣлый рядъ другихъ причинъ, которыя сводятся къ тому, что „въ такой-то семьѣ парень скоро женится и, слѣдовательно, здѣсь прибудетъ ѣдокъ, а потомъ пойдутъ пискуны“, а также, что „въ такую то семью въ нынѣшній годъ солдатъ изъ службы вернется“, а „въ такой-то семьѣ парня безпремѣнно забреютъ и т. д.“ [2])

Съ теченіемъ времени налично-мужская разверстка перестаетъ удовлетворять крестьянъ: въ ней они также не видятъ полной гарантіи строгой уравнительности. Начинаютъ поговаривать о надѣленіи и женщинъ, выставляя въ защиту этого принципа соотвѣтствующіе аргументы.

„И дѣвка жрать хочетъ“ .... „дѣвка не баранъ — не зарѣжешь“ [3]).

Крестьяне, обдѣленные землей, начинаютъ энергичную агитацію за передѣлъ „по ѣдокамъ“. Въ данномъ случаѣ, какъ и во-

---

[1]) Качоровскій. Русская община, стран. 252.

[2]) В. В. Крестьянская община, 253.

[3]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, стран. 17.

обще, этотъ принципъ понемногу какъ бы незамѣтно врастаетъ въ общинную жизнь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ надѣлять вдовъ съ малыми ребятами, затѣмъ даютъ надѣлы на сиротъ женскаго пола, наконецъ, надѣляютъ вообще „дѣвокъ", при чемъ надѣлъ женской души равняется мужскому, въ другихъ же случаяхъ составляетъ ту или иную дробную часть его. Надѣлы ушедшихъ на военную службу нерѣдко оставляютъ за ихъ женами, и т. д.

Трудно, да, пожалуй, и немыслимо представить себѣ ту массу формъ, въ которыя отливается потребительная разверстка. Наблюдая развитіе русской общины, мы прежде всего замѣчаемъ поразительное многообразіе формъ. Народное правосознаніе прежде всего „субъективно", и этотъ субъективизмъ красной нитью проникаетъ всю жизнь общины. Въ то время, когда формальное право объективно и шаблонно, обычное, народное право необыкновенно гибко и эластично; оно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ учитываетъ всѣ конкретныя условія и изъ нихъ дѣлаетъ тѣ или иные выводы. Вотъ поэтому-то иной разъ насъ и поражаетъ разнообразіе формъ народной жизни и мысли, которое слишкомъ трудно уложить въ узкія рамки абстрактнаго формальнаго права. При каждомъ поступкѣ община считается не только съ тѣмъ принципомъ, во имя котораго совершается дѣйствіе, но и съ тѣмъ человѣкомъ, на котораго дѣйствіе это направляется. „Глядя по человѣку"—типичное народное выраженіе. И если иногда этотъ „субъективизмъ" бываетъ и не безпристрастенъ, если въ иныхъ случаяхъ „угощенье" является однимъ изъ слагаемыхъ въ пользу какого-либо коллективнаго рѣшенія — то эти отдѣльные случаи, отдѣльныя пятна не могутъ измѣнить общую картину народнаго быта. Вообще же привычка приспособлять абстрактные принципы къ конкретнымъ условіямъ дѣйствительности облекаетъ эти принципы въ плоть и кровь, вдыхаетъ въ нихъ „душу живу" и этимъ самымъ гарантируетъ народную жизнь отъ одного разъѣдающаго формализма.

* * *

Мы разсмотрѣли различные типы разверстокъ въ ихъ основныхъ чертахъ. Остается путемъ статистическихъ данныхъ

иллюстрировать ихъ трансформацію и установить сравнительную распространенность каждаго изъ этихъ типовъ.

Картина общинной жизни по даннымъ, разработаннымъ Качоровскимъ, рисуется въ такомъ видѣ.

Къ категоріи замершей общины, гдѣ общинной жизни совершенно не замѣчается, можно отнести 16,9% населенія и 16,4% земли (сюда относятся общины, получившія землю 40 лѣтъ тому назадъ, и не передѣлявшія ее съ тѣхъ поръ). Къ этой же категоріи отчасти можно отнести и еще 12,4% населенія и 10,9% земли (это общины, гдѣ борьба за передѣлъ только начинается и гдѣ сдѣланы пока еще слабыя поправки къ безпередѣльно ревизскому владѣнію).

Если мы все это вмѣстѣ отнесемъ въ рубрику застывшей общины (чего фактически нѣтъ) — то и тогда это составитъ въ общей сложности только 29,3% населенія и 27,3% земли, оставшіяся же 7/10 общинъ находятся подъ режимомъ активнаго общиннаго права[1]). Въ такомъ видѣ рисуется намъ община статически, въ данный моментъ. Динамическое же изслѣдованіе ея показываетъ ея быстрое развитіе, смѣну различныхъ фазисовъ и выработку высшихъ формъ уравнительной жизни. По Саратовской губ. имѣется слѣдующая статистическая таблица[2]):

Періоды.	% общинъ съ разверстками:			
	наслѣдственно-безпередѣльными.	съ зачаточными и неопредѣленными передѣлами.	съ передѣлами по рабочимъ силамъ.	съ передѣлами по потребительскому принципу.
Къ 1870 г.	42,0	21,6	32,4	0,6
„ 1880 „	36,0	21,1	34,0	5,3
„ 1890 „	22,2	20,0	31,4	23,0
„ 1900 „	16,0	17,6	22,0	41,3

[1]) Цифры взяты у Качоровскаго „Народное Право“, стран. 74. Вводя нѣкоторыя поправки къ этимъ цифрамъ (такъ, напр., включая въ разрядъ активно-дѣйствующей общины весь сѣверъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общинные передѣлы не зародились еще въ виду многоземелья), Качоровскій получаетъ 81,5% активной общины и только 18,5% замершей.

[2]) Ibid., стран. 77.

Эта таблица рисуетъ крайне интересную картину измѣненія общины во времени. Въ то время, когда въ 1870 году 42,0% общинъ еще не пробуждались къ жизни, задавленныя тяжелыми выкупными платежами, и только 0,6% практиковали потребительную разверстку, въ 1900 году уже 41,3% ведутъ регулярные передѣлы по потребительному принципу, число же застывшихъ общинъ спустилось до 16,0%. Что можетъ быть убѣдительнѣй этихъ цифръ! Онѣ краснорѣчивѣй всякихъ апріорныхъ утвержденій доказываютъ, что слишкомъ рано хоронить общину. Вмѣсто жалкаго, дряхлаго пережитка прошлаго, чисто механически выполняющаго свои функціи, мы видимъ богатую красками сложную жизнь съ массой жизненной энергіи, съ огромнымъ запасомъ творческихъ силъ, которыя какъ разъ, именно, и проявляются тогда, когда ослабѣваетъ тяжелый типъ административнаго фиска, когда, слѣдовательно, создается хоть нѣкоторая возможность развитію тѣхъ прогрессивныхъ внутреннихъ импульсовъ, которые глубоко таятся въ народной жизни. Такимъ образомъ, если ужъ устанавливать причинную зависимость между фискальной политикой правительства и эволюціей общины, то получится обратно пропорціональное соотношеніе: чѣмъ сильнѣй вліяніе попечительной администраціи, тѣмъ ниже стоитъ община, тѣмъ больше въ ней патологическихъ формъ и уклоненій. И, наоборотъ, чѣмъ меньше правительственный фискъ давитъ народную жизнь, тѣмъ быстрѣе идетъ эволюція общины, тѣмъ ярче кристаллизуются въ общинной жизни трудовые принципы.

---

5. Пользованіе различными угодіями.

А. Пашней.

Техническая сторона распредѣленія угодій въ цѣляхъ осуществленія того или иного принципа поравненія представляетъ значительный интересъ. Способы, какими община проводитъ въ жизнь начала уравнительности, даютъ богатый матеріалъ для сравнительной оцѣнки народнаго правосознанія съ абстрактными юридическими нормами закона.

При распредѣленіи пахатныхъ земель міръ обыкновенно придерживается 3 правилъ: „надѣлы общинниковъ (земельныя души) должны быть равными по величинѣ, равноплодородными и разстоянія участковъ отъ усадьбы одинаковыми"[1]). Равноплодородіе и равенство участковъ создаетъ нѣкоторую гарантію равнаго распредѣленія урожая. Близкое разстояніе отъ усадьбы играетъ также немаловажную роль. Обработка ближайшихъ участковъ можетъ прогрессировать въ смыслѣ интенсивности культуры, примѣненія унаваживанія и т. п., тогда какъ интенсификація культуры на дальнихъ участкахъ обыкновенно сильно затрудняется въ виду потери времени на переѣзды. Поэтому ближайшіе участки цѣнятся выше. Въ цѣляхъ достиженія возможно болѣе полнаго равенства, въ великорусскихъ общинахъ вся пахатная земля дѣлится

---

[1]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, стран. 31. При проведеніи въ жизнь эти 3 правила терпятъ значительныя видоизмѣненія. Нерѣдко сюда примѣшивается цѣлый рядъ другихъ причинъ, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даютъ нѣсколько иной характеръ распредѣленій земли. Эти 3 правила мы можемъ принять только лишь какъ общую схему, реализующуюся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ.

на „коны“ сообразно плодородію почвы. Общинники разбиваются на небольшія группы (обыкновенно отъ 6 до 34 душъ), называемыя „осьмаками“ (иногда эти группы носятъ и другія названія: „четвертины“, „шестины“, „пятины“). Каждый конъ дѣлится на участки, число которыхъ равно числу осьмаковъ въ общинѣ. Каждый осьмакъ получаетъ во всѣхъ конахъ свою долю и дѣлитъ ее на полосы, сообразно числу своихъ членовъ. Затѣмъ полосы осьмака распредѣляются по жребію, при чемъ каждый общинникъ получаетъ столько полосъ, сколько за нимъ числится душъ (ревизскихъ, наличныхъ и т. п.). Такимъ же путемъ дѣлится пахоть и въ другихъ конахъ. Такимъ образомъ каждый общинникъ имѣетъ землю всѣхъ сортовъ и земля уравнивается въ отношеніи плодородія и величины надѣловъ. Равное же разстояніе отъ усадьбы достигается тѣмъ или инымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, общинникъ, получившій въ первомъ кону ближайшій къ усадьбѣ участокъ, во второмъ надѣляется дальнимъ и наоборотъ.

Сибирская община, менѣе другихъ подвергшаяся нивеллирующему вліянію административнаго попеченія, представляетъ значительно больше разновидностей передѣльной техники. Здѣсь также практикуется способъ дѣленія на сорта. „Намѣтивъ приблизительно тѣ урочища, которыя по качеству почвы, близости къ усадьбамъ и т. п. условіямъ заслуживали бы зачисленія въ первый сортъ, общество приступаетъ къ нарѣзкѣ въ этихъ урочищахъ „первыхъ осьминниковъ“ — первосортныхъ душевыхъ полосъ, площадью въ $^2/_3$ дес. каждая. Когда „первые осьминники“ нарѣзаны въ потребномъ числѣ, община переходитъ къ нѣсколько худшимъ или менѣе поддворнымъ землямъ и нарѣзываетъ „вторые осьминники“, затѣмъ, если возможно — третьи“[1]).

Однимъ изъ способовъ коренного передѣла являются такъ называемые передѣлы „по старшинству“ („по старинѣ“, „по отечеству“, „по вотчинѣ“). При этой системѣ каждый хозяинъ имѣетъ право удержать за собой столько земли

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, 161—162.

сколько ему слѣдуетъ получить по новому расчисленію; оказавшуюся же лишней землю отдаетъ въ общество, которое и надѣляетъ ею „заревизныя души". Такимъ образомъ надѣлы новыхъ душъ, „малолѣтковъ" нарѣзаются, во-первыхъ, изъ свободныхъ надѣловъ умершихъ и, во-вторыхъ, изъ „отрѣзковъ" отъ „старыхъ жителей". Главнымъ неудобствомъ надѣленія новыхъ душъ посредствомъ „отрѣзковъ" является чрезвычайная разбросанность ихъ надѣловъ. Съ другой стороны, въ виду того, что „старожительныя" души имѣютъ право выбирать себѣ любую часть своего надѣла, „малолѣткамъ" остаются худшія земли. Въ данномъ случаѣ община прежде всего заботится объ огражденіи „старожительныхъ" душъ. Основанія этой политики вытекаютъ изъ общаго принципа „права труда", которое здѣсь выливается въ преимущественное право домохозяина на ту часть надѣла, которую онъ „угоилъ", „сподобилъ", куда онъ вложилъ максимумъ труда. Пускать эти полосы въ переверстку наравнѣ съ „застрамленными", выпаханными надѣлами „худыхъ пахарей" общество считаетъ несправедливымъ. Но бѣднѣйшая часть общины не считается съ прерогативами и старается путемъ цѣлаго ряда коррективовъ свести этотъ принципъ къ минимуму.

Противоположнымъ (по внутреннему содержанію) передѣлу по старшинству является аукціонный способъ передѣла, который крестьяне называютъ „перебоемъ", „торгомъ". Типичными формами его являются: 1) „передѣлъ въ надорожку" и 2) „на сбавокъ". Въ первомъ случаѣ общество оцѣниваетъ участокъ земли, и эта оцѣнка является отправнымъ пунктомъ для желающихъ получить его. Въ результатѣ торга участокъ достается тому, кто дороже его оцѣнилъ. Во второмъ случаѣ, при передѣлѣ „на сбавокъ", пахоть разбивается на равныя полосы, сообразно числу душъ. Затѣмъ эти полосы поступаютъ на аукціонъ. Желающіе получить опредѣленную полосу торгуются „на сбавокъ", при чемъ полоса остается за тѣмъ, кто больше сбавилъ съ ея первоначальнаго размѣра. Такимъ способомъ полосы плодородныя уравниваются съ менѣе плодородными путемъ соотвѣтственнаго уменьшенія размѣра въ

процессѣ торга. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ способовъ уравненія не встрѣчается въ чистомъ видѣ. Передѣлъ по старшинству корректируется элементомъ свободной конкуренціи, который проникаетъ сюда въ томъ или другомъ видѣ. Точно также и аукціонный способъ распредѣленія, съ неизбѣжно ему сопутствующимъ азартомъ, нѣсколько усмиряется запрещеніемъ со стороны общества торгующимся „рыться въ землѣ“ или „всучить“ кому-либо землю по дорогой цѣнѣ. При аукціонномъ торгѣ въ свою очередь обыкновенно признается преимущественное право на участокъ за его прежнимъ владѣльцемъ, которому разрѣшается оставить его за собой за ту цѣну, которая „набивается“ въ результатѣ аукціона.

Характерной формой передѣла, какъ бы примиряющей собой эти два принципа, является такъ называемое „уравновѣшеніе сортовъ“. Здѣсь каждому хозяину разрѣшается выбирать себѣ на своемъ прежнемъ участкѣ то количество земли одного или двухъ сортовъ, которое ему причитается по новому передѣлу. Остальными сортами надѣляетъ уже само общество, сообразуясь при этомъ съ свойствами той земли, которую домохозяинъ выбралъ самъ. Чѣмъ лучшій участокъ выбираетъ себѣ домохозяинъ, тѣмъ хуже надѣляетъ его общество другими сортами. Этимъ путемъ участки отдѣльныхъ общинниковъ уравновѣшиваются безъ аукціона, безъ насильственнаго сживанія съ насиженныхъ полосъ. При такихъ условіяхъ хозяинъ, вложившій много еще не окупившагося труда въ какую-нибудь изъ своихъ полосъ, не рискуетъ потерять ее при новомъ передѣлѣ.

Въ основѣ разсмотрѣнныхъ способовъ распредѣленія земли лежатъ два принципа равенства: въ передѣлахъ по старшинству — объективное равенство, въ уравновѣшеніи же сортовъ и аукціонномъ способѣ — субъективное. Послѣдній принципъ предполагаетъ соглашеніе каждаго общинника со всѣмъ „міромъ“. При этомъ принимаются въ разсчетъ не только объективныя условія, какъ цѣнность участка и пр., но и субъективныя удобства каждаго отдѣльнаго домохозяина. Напримѣръ

„одинъ хозяинъ, имѣющій всего одинъ душевой надѣлъ, согласится до извѣстной степени пожертвовать качествомъ земли ея кучности; другой, напротивъ, предпочитаетъ взять полосы, разбросанныя по многимъ урочищамъ, лишь бы получить пашню лучшаго качества“[1]). Субъективное равенство еще болѣе усиливается благодаря обычаю обмѣниваться послѣ передѣла полосами, лежащими въ разныхъ „конахъ“ или „паяхъ“. Въ цѣляхъ устраненія черезполосицы, явившейся въ результатѣ дѣленія пашни на сорта, общинники нерѣдко мѣняются своими полосами, при чемъ иногда за лучшій участокъ владѣльцу приплачиваютъ, въ другихъ же случаяхъ довольствуются тѣми удобствами, какія проистекаютъ изъ самаго процесса обмѣна.

Во всѣхъ случаяхъ субъективнаго поравненія общинно передѣльный механизмъ при его поразительной гибкости и умѣньи приспособляться къ нуждамъ каждаго члена общины, достигаетъ высшей степени уравнительности, при которой интересы большинства или общей совокупности членовъ общины не попираютъ интересовъ отдѣльныхъ хозяевъ, входящихъ въ ея составъ.

Б. Усадьбами.

Усадебная земля обыкновенно находится въ безпредѣльномъ семейно-наслѣдственномъ пользованіи. Общинно-передѣльная жизнь, широко охватывая и регулируя пользованіе другими угодьями, касается усадьбы лишь въ очень слабой степени, слегка сглаживая уже слишкомъ бьющее въ глаза неравенство распредѣленія усадебныхъ земель. Это явленіе вполнѣ понятно, разъ мы констатировали въ народной жизни наличность принципа „права труда“. Во владѣніи усадьбами это право затраченнаго труда выступаетъ рельефнѣй, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Количество труда, затраченнаго на постройку усадьбы, изгородь, хозяйственныя постройки, настолько велико, что въ этомъ пунктѣ право на трудъ — общинное право съ большимъ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу.

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, 154.

Усадебную землю необходимо разбить на 2 категоріи: 1) собственно усадьбу, занятую жилыми постройками и 2) приусадебныя земли, занятыя разнаго рода интенсивными культурами, — коноплянпками, баштанами и т. п.

Усадьбы находятся въ безпредѣльномъ пользованіи. Вначалѣ владѣніе ими ничѣмъ не ограничивалось: каждый захватывалъ любой участокъ земли, огораживалъ его и строилъ усадьбу. По мѣрѣ земельнаго утѣсненія община начинаетъ понемногу вмѣшиваться въ распредѣленіе усадебъ. Сначала это выражается только въ запрещеніи занимать новыя мѣста подъ усадьбы безъ согласія общества, которое, такимъ образомъ, беретъ на себя „отводъ“ отдѣльнымъ хозяевамъ усадебныхъ участковъ. Не ограничиваясь этимъ, община идетъ дальше и, наконецъ, начинаетъ уравнивать старыя усадьбы, сокращая путемъ „отводовъ-отрѣзовъ“ слишкомъ большія усадебныя мѣста[1]). Право распоряженія усадебной землей также ограничивается съ развитіемъ общинныхъ принциповъ. Общество налагаетъ запрещенія на продажу усадебныхъ участковъ. Такимъ образомъ и усадебная земля перестаетъ быть индивидуальной собственностью, разъ право распоряженія — одинъ изъ элементовъ собственности — осуществляется общиной въ цѣломъ. Каждый же отдѣльный домохозяинъ является только лишь субъектомъ пользованія по отношенію къ своему усадебному участку.

Иногда община совершаетъ и общіе передѣлы усадебной земли. Обыкновенно это дѣлается послѣ пожаровъ, когда

---

[1]) В. В. насчитываетъ 4 способа уравненія усадебныхъ угодій: 1. „прямымъ перераспредѣленіемъ земли между членами общины сообразно извѣстному началу; 2) расширеніемъ участковъ малоусадебниковъ путемъ обращенія подъ усадебныя культуры и пахатной земли; 3) уравненіемъ излишняго и недостаточнаго земельнаго участка отрѣзкой и прирѣзкой пахатнаго поля; 4) обложеніе всей или излишней доли усадьбы особымъ сборомъ“. (В. В. Крестьянская община, 489). Эти способы уравненія относится какъ къ собственно-усадебнымъ, такъ и къ пріусадебнымъ землямъ.

деревня строится по новому плану. Въ дѣлѣ регулированія пользованія усадьбами нѣкоторую роль сыграла и администрація, требующая держаться опредѣленнаго плана при возведеніи новыхъ построекъ.

Въ пользованіи пріусадебными угодьями право труда менѣе интенсивно. Вслѣдствіе этого и общинное право находитъ здѣсь больше простору. Наиболѣе типичными пріусадебными угодьями являются сады. Передѣловъ садовъ почти не замѣчается. Уравненіе же ихъ достигается косвеннымъ путемъ: „либо они облагаются денежнымъ сборомъ, либо сады „выворачиваются“ (вывертываются, вычитаются) изъ пашни и т. п., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ при очень большихъ садахъ практикуется и то, и другое[1]). Пріусадебные участки, занятые другими интенсивными культурами — табачными плантаціями, огородами, баштанами, коноплянниками—подвергаются, въ большинствѣ случаевъ, такому же душевому поравненію, какъ и пашня. На примѣрѣ пользованія усадебными и пріусадебными землями мы снова находимъ подтвержденіе нашего прежняго положенія объ обратно пропорціональной зависимости развитія общинной жизни отъ той или иной степени интенсивности права труда. Въ усадьбахъ, гдѣ это право достигаетъ максимальной величины, община дѣлаетъ робкіе шаги въ сторону ограниченія индивидуальнаго владѣнія. Съ другой стороны, пріусадебныя угодья, гдѣ „право труда“ по своему размѣру приближается къ тому же праву, проявляющемуся въ пользованіи пахотными угодьями — подвергаются широкой общинной регламентаціи.

В. Пастбищами.

Въ пользованіи пастбищами намѣчаются два момента или періода. Первый характеризуется *индивидуальнымъ* пользованіемъ пастбищами, которыя каждый огораживаетъ для своего скота; второй періодъ отличается *коллективнымъ* уравнитель-

---

[1]) К. Качоровскій. Русская община, 182.

нымъ пользованіемъ, осуществляемымъ всѣмъ „міромъ". Съ ростомъ населенія земли оказывается мало. Пастбища, наиболѣе удобныя для выпаса скота, заняты старозаимочниками. И вотъ, на нихъ-то прежде всего обращаетъ вниманіе община, заставляетъ разгораживать особенно большія „поскотины" (участки для выпаса скота), иной разъ прибѣгая къ насильственному разгораживанію тамъ, гдѣ хозяева упорно отказываются подчиниться добровольно мірскому рѣшенію.

Первоначальной формой пользованія общественнымъ выгономъ является вольный выпасъ скота. Но по мѣрѣ того, какъ въ пастбищахъ начинаетъ чувствоваться недостатокъ, право выпаса начинаетъ регулироваться. Разрѣшая, напримѣръ, безплатно пасти „хозяйственный" скотъ, т.-е. постоянно содержимый хозяевами, община начинаетъ облагать извѣстнымъ „поборомъ" скотъ наборный, предназначаемый для перепродажи. Въ другихъ случаяхъ на общественное пастбище пускается только хозяйственный скотъ. Иногда община устанавливаетъ для скота извѣстную норму, при чемъ имѣющіе свыше нормы платятъ за каждую „залишнюю" голову скота[1]).

Наиболѣе интересной формой уравненія пастбищъ является такъ наз. „расположка скотскаго выпуска". „Отличіе этого порядка отъ простого обложенія „залишняго" скота заключается въ томъ, что при „расположкѣ" имѣющіе скота болѣе нормы уплачиваютъ за излишній скотъ не въ общинную кассу, а тѣмъ однообщественникамъ, у кого не хватаетъ скота противъ нормы"[2]). Этотъ способъ уравненія наиболѣе полно осуществляетъ интересы „маломочныхъ" хозяевъ, которые, не будучи въ состояніи использовать сами причитающуюся имъ долю пастбища, получаютъ за нее плату и такимъ образомъ осуществляютъ свое право на мірское пастбище столь же полно, какъ и другіе.

---

[1]) См. у Карелина примѣръ Казацкой общины Войска Донского.
[2]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, 207.

Г. Сѣнокосами.

Мы уже видѣли, что общинно-передѣльная жизнь при переходѣ отъ захватнаго владѣнія прежде всего зарождается въ пользованіи сѣнокосами, гдѣ она встрѣчаетъ наибольшее сопротивленіе со стороны „права труда“. Передѣлы сѣнокосовъ совершаются, обыкновенно, неодновременно съ передѣлами пашни. Въ то время, какъ послѣдняя передѣляется чрезъ сравнительно продолжительный срокъ (10—15 лѣтъ), сѣнокосы въ большинствѣ случаевъ, дѣлятся ежегодно. Это вызывается, во-первыхъ, неравномѣрностью урожаевъ — одинъ годъ трава хорошо уродилась на одномъ участкѣ, другой годъ — на другомъ. Съ другой стороны, покосы не требуютъ, въ большинствѣ случаевъ предварительной затраты труда на расчистку, вспашку и проч. Плодородіе сѣнокосовъ не находится въ такой зависимости отъ степени интенсивности обработки, какъ, напримѣръ, урожаи на начатыхъ земляхъ. Въ силу этого и „право труда“ не находитъ здѣсь почвы для своего развитія. Тамъ же, гдѣ для приведенія покосовъ въ годное для культуры состояніе требуется предварительная затрата труда въ видѣ расчистки зарослей, осушенія болотъ и т. п., расчищенные покосы остаются въ пользованіи воздѣлавшихъ ихъ хозяевъ до тѣхъ поръ, пока не окупятъ затраченнаго на нихъ труда. Заливные луга, гдѣ урожаи болѣе или менѣе равномѣрны, также выключаются довольно часто изъ ежегодной разверстки. Здѣсь однимъ изъ мотивовъ нежеланія производить ежегодно операцію передѣла, обыкновенно, выставляется желаніе избѣжать „хлопотъ“ и связанной съ ними непродуктивной потери времени, неизбѣжно сопровождающихъ каждый передѣлъ сѣнокосовъ. „Три дня дѣлимъ, а два дня косимъ“, говорятъ, обыкновенно, сами крестьяне. Иной разъ, хотя и въ очень рѣдкихъ случаяхъ, стремленіе унаваживать сѣнокосы служитъ также причиной удлиненія срока передѣловъ. Наиболѣе типичными формами переверстки покосовъ являются извѣстный уже намъ способъ *аукціоннаго торга и*

„расхожденіе по урочищамъ“. Сущность послѣдняго способа заключается въ слѣдующемъ. Всѣ сѣнокосныя угодья, принадлежащія общинѣ, разбиваются на нѣсколько частей, или „стеколъ“. Передъ началомъ сѣнокоса общинники выѣзжаютъ смотрѣть траву и затѣмъ, въ зависимости отъ урожайности травы на каждомъ „стеклѣ“, разбиваются на группы соотвѣтственнаго размѣра, изъ которыхъ каждая беретъ на себя то или другое стекло и ужъ затѣмъ дѣлитъ его между своими членами.

Въ пользованіи покосами субъективный характеръ оцѣнки участковъ выступаетъ еще болѣе ярко, чѣмъ при передѣлахъ пашни. Принципъ „старшинства“, корректирующій до нѣкоторой степени субъективный характеръ указанныхъ способовъ передѣла, въ пользованіи покосами не находитъ себѣ благопріятной атмосферы, въ виду все той же причины — отсутствія права труда.

Заливные покосы дѣлятся нѣсколько иначе. Обыкновенно, община нарѣзаетъ, сообразно числу надѣляемыхъ душъ, равныя по размѣру полосы, которыя и раздѣляются между членами общины. При этомъ въ цѣляхъ достиженія большей уравнительности практикуется ежегодная *„передвижка“*, заключающаяся въ томъ, что каждый общинникъ на слѣдующій годъ передвигается на смежную полосу. Путемъ такихъ „передвижекъ“ всѣ общинники уравновѣшиваются въ пользованіи различными по плодородію участками.

Въ пользованіи сѣнокосами общинное право достигаетъ кульминаціонной точки своего развитія, переходя во многихъ случаяхъ въ коллективную уборку сѣнокосовъ, при которой дѣлятся уже не сѣнокосы, а убранное сѣно. Напримѣръ, „въ Мценскомъ у. большая часть общинъ убираетъ покосы міромъ или группами домохозяевъ“[1]). Здѣсь индивидуальное *право труда* окончательно замираетъ, стушевывается передъ коллективнымъ *правомъ на трудъ*.

---

[1]) В. В. Крестьянская община, 465.— На стран. 495 — 501 В. В. сообщаетъ цѣлый рядъ другихъ фактовъ, указывающихъ на наличность коллективной уборки сѣна у общинниковъ.

Д. Лѣсами.

Въ пользованіи лѣсами также можно отмѣтить два періода, изъ которыхъ первый характеризуется какъ періодъ вольнаго пользованія, когда лѣсомъ не дорожатъ, каждый рубитъ, гдѣ хочетъ; второй же, обусловленный сокращеніемъ лѣсныхъ дачъ, можетъ быть охарактеризованъ, какъ періодъ общинно-уравнительнаго пользованія.

Въ жизни эти два періода тѣсно сливаются между собой путемъ цѣлаго ряда промежуточныхъ формъ ограниченія захвата.

Вначалѣ вольное пользованіе лѣсомъ не ограничивается даже предѣлами одной общины или волости; пользованіе имъ, какъ „даромъ Божьимъ", было неограниченно и доступно для всякаго желающаго, хотя бы послѣдній и принадлежалъ къ другой общинѣ. Параллельно возрастающему недостатку въ лѣсѣ община начинаетъ принимать мѣры, ограничивающія свободное пользованіе „стороннихъ лицъ". Для этой цѣли часто нанимаются сторожа, которымъ поручается охрана общественнаго лѣса. За самовольныя порубки община начинаетъ налагать штрафъ, достигая и въ этомъ отношеніи поразительной точности въ смыслѣ установленія строгой градаціи штрафовъ въ зависимости отъ степени вреда, причиненнаго порубкой. Далѣе общество начинаетъ регулировать безконтрольное пользованіе и своихъ членовъ, запрещая продавать лѣсъ „на сторону" или же облагая продаваемый лѣсъ „оброкомъ". Въ цѣляхъ охраненія лѣса община кладетъ „запрещенія" на рубку той или иной части его, иногда разрѣшая разъ въ нѣсколько лѣтъ производить порубку подъ строгимъ контролемъ общины. Въ такихъ случаяхъ „обыкновенно лѣса дѣлятся на двѣ лѣсосѣки, каждая изъ которыхъ „запрещается" поочередно черезъ промежутки времени, колеблющіеся между 4—5 и 30—40 годами" [1]). Съ постепеннымъ развитіемъ общиннаго регулированія лѣсныхъ порубокъ вырабатываются принципы уравнительныхъ передѣловъ, которые, какъ и въ пользованіи

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, 189—190.

пашней, обыкновенно, производятся или путемъ аукціона — „набоя душъ“, или же по способу „старшинства“. Въ большинствѣ же случаевъ, они сочетаютъ въ себѣ въ извѣстной пропорціи и тотъ и другой принципъ. Въ Московской губ., гдѣ лѣса сравнительно немного, передѣлы достигли замѣчательной точности и уравнительности. Здѣсь „все пространство передѣляемаго лѣса раздѣляется на доли по осьмакамъ такъ, чтобы всѣ доли по числу корней всѣхъ разрядовъ были равны, и, наконецъ, бросаютъ жребій, рѣшающій, кому какую долю получать... Домохозяева, входящіе въ составъ осьмака, раздѣляютъ потомъ между собой доставшіеся на ихъ долю корни самымъ точнымъ образомъ: тутъ принимается въ расчетъ не только обхватъ ствола и порода дерева, но также и длина ствола, его правильность, количество сучьевъ и т. п.“ [2]) Здѣсь мы встрѣчаемъ своеобразный способъ распредѣленія лѣса „по корнямъ“, а не по участкамъ, какъ, напр., въ Сибири. Въ нѣкоторыхъ общинахъ лѣсъ не разверстывается на каждаго домохозяина, а распредѣляется на болѣе или менѣе значительныя группы хозяевъ, которыя рубятъ его сообща и затѣмъ уже дѣлятся нарубленнымъ лѣсомъ. Случаи коллективнаго пользованія лѣсомъ констатированы г. В. В. въ цѣломъ рядѣ изслѣдованныхъ имъ уѣздовъ. Въ Сибири встрѣчаются обширныя кедровыя рощи, дающія значительный доходъ. Въ настоящее время при пользованіи кедровниками къ части ихъ — такъ наз. „таежымъ“ или „урманнымъ“ — примѣняется еще система свободнаго захвата, правда, кой-гдѣ подвергающагося уже нѣкоторымъ ограниченіямъ. Другая же часть — „домашніе“ кедровники, — нерѣдко взрощенные трудами самихъ крестьянъ, находятся въ уравнительномъ пользованіи. Но тамъ, гдѣ домашніе кедровники даютъ слишкомъ плохой урожай или по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ не представляютъ большой цѣнности — тамъ община не ограничиваетъ ихъ пользованія, предоставляя каждому „забавляться орѣхомъ“.

---

[2]) В. В. Крестьянская община, 494.

Такіе же случаи неограниченнаго пользованія отмѣчаются и въ Европейской Россіи по отношенію къ лѣсамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу своего незначительнаго размѣра они не представляютъ особеннаго интереса въ глазахъ общины. Въ подобныхъ случаяхъ каждому общиннику дается право по мѣрѣ надобности срубить дерево для всякихъ хозяйственныхъ подѣлокъ.

Е. Пользованіе другими угодьями.

Въ пользованіи водой, какъ рыбнымъ угодьемъ, также усматривается рядъ моментовъ. При обильныхъ рыбныхъ промыслахъ община иногда сдаетъ ихъ въ аренду капиталистамъ, чаще же эксплуатируетъ сама. Для этой цѣли организуются рыболовныя артели, которыя дѣлятъ между собой участокъ лова. У Карелина мы находимъ описаніе нѣсколькихъ такихъ общинъ-артелей. Напримѣръ въ Архангельской губерніи „четыре деревни: Умба, Куза, Оленица и Сальница имѣютъ общія рыболовныя угодья на морѣ. Жители этихъ деревень собираются разъ въ году и дѣлятся на три части; между послѣдними же дѣлится море. Каждая группа разбивается, въ свою очередь, на дружины по 9—10 человѣкъ каждая; по числу этихъ дружинъ дѣлится каждый изъ трехъ участковъ моря“[1]).

Въ Сибири право ловли рыбы „мелкой снастью“ себѣ „на потребу“ разрѣшается безпрепятственно всякому. На ряду съ этимъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ рыбы много и гдѣ доходъ отъ нея значителенъ, рыбный промыселъ организуется въ видѣ общины-артели.

Тамъ же, гдѣ рыбный промыселъ не можетъ служить солиднымъ источникомъ дохода, община не находитъ нужнымъ регулировать вольнаго пользованія, которое при такихъ условіяхъ осуществляется какъ индивидуально въ видѣ ловли удочками и вообще мелкой снастью, такъ и коллективно

---

[1]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, 252.

посредствомъ неводовъ, для чего составляются уже вольныя артели. Здѣсь такъ же, какъ и въ пользованіи лѣсами и кедровниками, общинная регламентація и уравнительность прекращается тамъ, гдѣ самый объектъ пользованія не представляетъ большой доходности.

Въ общинномъ владѣніи находятся нерѣдко и другіе источники дохода: соляныя варницы, брусяноточильныя горы, каменоломни и т. п. Эти угодья сравнительно рѣдки, въ жизни и эволюціи общины они не играютъ большой роли, а потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться. Къ нимъ такъ же какъ и къ другимъ угодьямъ, примѣняется общинная регламентація въ видѣ разверстки угодья между членами общины или обложенія его извѣстнымъ сборомъ, но только въ томъ случаѣ, если сбытъ на сторону продукта даетъ нѣкоторый доходъ. Добыча же для собственнаго потребленія обыкновенно совершенно свободна.

---

6. Вліяніе законодательства и администраціи на общину.

Въ исторіи русской общины законодательству приходится отвести довольно видное мѣсто. Въ этомъ сходятся какъ противники, такъ и защитники общины. Вся разница въ данномъ случаѣ въ оцѣнкѣ роли законодательства, его положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ и ихъ сравнительнаго вліянія на народную жизнь. Въ предыдущемъ изложеніи попутно съ другими вопросами по необходимости приходилось касаться и законодательства, теперь же мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ въ высшей степени важномъ и интересномъ вопросѣ.

Что касается положительной, творческой роли законодательства и администраціи, то она выразилась, главнымъ образомъ, въ облегченіи, такъ сказать, родовыхъ мукъ при зарожденіи общины или при переходѣ ея изъ одной фазы развитія въ другую.

Въ исторіи возникновенія сибирской общины имѣется яркій образчикъ подобной роли администраціи. Ростъ населенія и неизбѣжно связанное съ нимъ развитіе земельнаго утѣсненія выдвинули передъ крестьянствомъ вопросъ о необходимости новыхъ, болѣе уравнительныхъ формъ поземельныхъ отношеній. Съ каждымъ годомъ, съ каждой новой народившейся душой все накоплялась и увеличивалась потенціальная энергія сторонниковъ передѣла. Но „фетишизмъ" ревизской души, боязнь незаконности передѣловъ внѣ ревизіи, все еще сковывалъ руки общинѣ. Конечно, такое положеніе не могло бы продолжаться безконечно, и накопившаяся энергія несомнѣнно разрядилась бы въ цѣломъ рядѣ „самовольныхъ

ревизій“ — какъ называютъ крестьяне передѣлы. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ это уже и стало проявляться. И вотъ, какъ разъ въ этотъ-то острый моментъ появляются губернаторскіе циркуляры, а также и устныя разъясненія крестьянскихъ чиновниковъ, выясняющіе общинѣ ея право распоряженія землей. Результатомъ этихъ разъясненій явилась широкая волна передѣловъ, охватившая обширный районъ Сибири. Но можно ли губернаторскіе циркуляры считать причиной этого явленія? Можно ли въ данномъ случаѣ центръ тяжести переложить исключительно на законодательство, совершенно игнорируя тѣ побудительныя причины, вытекающія изъ самой народной жизни, которыя создали необходимую матеріальную и психологическую обстановку для перехода къ общинной жизни? Конечно, нѣтъ. Законодательство явилось только поводомъ, послѣднимъ толчкомъ, способствовавшимъ болѣе быстрому разрѣшенію вопроса. По словамъ г. Кауфмана, административное воздѣйствіе „только нѣсколько ускорило мѣстами процессъ, который назрѣвалъ уже самъ собой[1]).

Тамъ же гдѣ жизнь не вызвала передѣловъ, губернаторскіе разъясненія, нерѣдко принимаемыя крестьянами за „приказанія“ передѣлять землю, не могли создать общины. Крестьяне ихъ или совершенно игнорировали или же, во исполненіе воли начальства, на бумагѣ чисто фиктивно постановляли приговоры о передѣлѣ, въ дѣйствительности же „остались при прежнихъ свободныхъ формахъ пользованія“[2]). Такимъ образомъ, только вливаясь въ общее русло развитія народной жизни, законодательство могло проявить себя съ положительной стороны, какъ ускоряющій факторъ.

Затѣмъ приблизительно такую же роль сыграла отмѣна подушной подати (28 мая 1885 г.). Во многихъ общинахъ въ это время уже шла горячая борьба за передѣлъ „по ѣдокамъ“, т.-е. по всѣмъ наличнымъ душамъ обоего пола. Но аргументація сторонниковъ надѣленія женщинъ разбива-

---

[1]) А. Кауфманъ, l. c., 70.
[2]) Ibid., 69.

лась о преимущественное право мужской души, создавшееся на почвѣ выплачиванія подушной подати, которой облагались только мужчины. Отмѣна подушной подати только уничтожила ту искусственную преграду, которую само же законодательство поставило на пути общины. Но, къ сожалѣнію, такая гармонія дѣйствій правительства съ тенденціями, назрѣвшими въ глубинахъ народныхъ массъ, очень рѣдко имѣла мѣсто въ исторіи нашего крестьянскаго хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ, между ними мы видимъ непроходимую пропасть взаимнаго непониманія, скрытой борьбы, недоброжелательства. При освобожденіи крестьянъ на общину смотрѣли какъ на пережитокъ стараго, какъ на переходную ступень къ личному владѣнію, а потому всѣ заботы законодательства были направлены къ тому, чтобы обезпечить какъ за общиной въ цѣломъ, такъ и за каждымъ изъ ея членовъ въ отдѣльности возможность свободнаго перехода къ индивидуальному подворному владѣнію [1]).

Согласно первымъ двумъ пунктамъ 54 ст. „Общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, крестьяне при согласіи двухъ третей голосовъ сельскаго

---

[1]) Въ нашемъ пореформенномъ законодательствѣ о крестьянахъ г. Страховскій намѣчаетъ 3 момента: „первый періодъ (отъ освоб. кр—нъ до начала 80 гг.)—время пассивнаго отношенія къ существу крестьянскаго вопроса; второй (восьмидесятые годы и начало девяностыхъ) — время борьбы двухъ противоположныхъ теченій по крестьянскому дѣлу, прогрессивнаго и реакціоннаго, изъ которыхъ послѣднее получило окончательный перевѣсъ, и третій (отъ начала девяностыхъ гг. до настоящаго времени)—періодъ попечительныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянства на началахъ установленныхъ въ предшествующемъ періодѣ“. (Сб. Долгорукова и Толстого — Крестьянскій строй, ст. Страховскаго „Крестьянскій вопросъ въ законодательныхъ и законосовѣщательныхъ комиссіяхъ послѣ 1861 г.“, стран. 380—381.) Но даже и первый періодъ, который г. Страховскій характеризуетъ какъ эпоху „пассивнаго“ отношенія къ существу крестьянскаго вопроса въ смыслѣ творчества новыхъ законодательныхъ актовъ, отличается значительной активностью въ дѣлѣ проведенія въ жизнь положенія 1861 г., которое отъ начала до конца было проникнуто духомъ индивидуализма могло способствовать только разрушенію общины.

схода могутъ переходить къ подворному владѣнію. Эта статья, несмотря на всю ея нецѣлесообразность, по существу не могла быть особенно страшна для общины при нормальныхъ условіяхъ ея развитія. Но вся пореформенная атмосфера крайне не благопріятствовала переходу крестьянъ къ подворному владѣнію. Въ главѣ о производительныхъ разверсткахъ намъ пришлось, въ общихъ чертахъ, обрисовать уродливость реформы 1861 г., создавшую во многихъ мѣстахъ изъ общины, какъ орудія осуществленія принципа экономическаго равенства, аппаратъ полицейскаго фиска, задавившую внутренніе импульсы общинной жизни. Переходы къ подворному владѣнію были, вообще, довольно рѣдки и вызывались, главнымъ образомъ, все тѣмъ же законодательствомъ. Одной изъ причинъ перехода къ подворному владѣнію является малоземелье[1]). Послѣднее не является необходимымъ атрибутомъ общины, — оно всецѣло вытекаетъ изъ общихъ принциповъ освободительной реформы, которая почти половину (42,6%) помѣщичьихъ крестьянъ надѣлила землей въ недостаточномъ количествѣ. Съ увеличеніемъ населенія эта земельная нужда все болѣе обострялась, тормозя всякое проявленіе общинной жизни. Другой причиной, наичаще заставляющей переходить къ подворному владѣнію, было желаніе избавиться отъ круговой поруки, тяжелымъ бременемъ лежавшей на крестьянствѣ при чрезмѣрномъ отягощеніи надѣла податями. Круговая порука, являвшаяся въ рукахъ администраціи однимъ изъ средствъ выколачиванія повинностей, едва ли могла заслужить симпатіи крестьянства. Вынужденная платить за пустующіе надѣлы „шалтаевъ“, бросившихъ свою землю и ушедшихъ на сторону въ то время, когда платежи въ нѣсколько разъ превышали доходность земли, — община проникается горячимъ желаніемъ сбросить съ себя иго круговой поруки. А такъ какъ единственная возможность избавиться отъ круговой поруки — это переходъ къ подворному хозяй-

---

[1]) Такъ, напр., въ Мценскомъ у. Орловской губ. „главной причиной было малоземелье“. А. Карелинъ, стран. 109.

ству, то иногда, въ цѣляхъ избавленія отъ круговой поруки, навязанной общинѣ администраціей, крестьяне разрушали и самую общину.

Насколько безысходно въ настоящее время положеніе крестьянъ, можно видѣть изъ доклада орловскаго предводителя дворянства А. В. Шереметьева, представленнаго имъ въ Валуевскую комиссію. По его словамъ, „бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ хозяйства истекаетъ отъ двухъ причинъ: первая и самая крупная — чрезмѣрное ихъ обложеніе разными сборами, превышающими 200% съ получаемаго дохода отъ надѣловъ дохода, а вторая — круговая порука по ихъ оплатѣ[1]).

Борьбу противъ круговой поруки, заставляющую крестьянъ переходить къ подворному владѣнію, отнюдь нельзя назвать борьбой противъ общины, какъ таковой. Это подтверждается массой фактовъ, когда община формально совершаетъ переходъ къ подворному владѣнію, избавляясь такимъ путемъ отъ стѣснительныхъ путъ круговой поруки, фактически же продолжаетъ попрежнему общинную жизнь, совершаетъ передѣлы, свалки-навалки и т. п. Здѣсь, конечно, нѣтъ и слѣда того неудержимаго стремленія развязаться съ общиной, которое наши марксистскіе публицисты пытаются отыскать въ деревнѣ.

Часто переходы къ подворному владѣнію обусловливаются невѣжествомъ какъ самихъ крестьянъ, такъ и сельской администраціи, которая рѣшеніе крестьянъ передѣлить землю „навѣчно", т.-е. не производить частныхъ переверстокъ до новаго передѣла, формулируетъ въ приговорѣ какъ переходъ къ подворному владѣнію. Это вызываетъ цѣлый рядъ недоразумѣній, когда крестьяне пытаются осуществить свои права какъ общины по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ. Эти послѣдніе, опираясь на постановленіе, непонятное никому изъ крестьянъ, отказываются подчиниться общинной регламентаціи. Стоя на почвѣ формальнаго права, они въ концѣ концовъ побѣждаютъ „міръ".

---

[1]) Цитир. по Страховскому, l. c., стран. 411.

Иногда крестьяне переходили къ подворному владѣнію, желая получить изъ крестьянскаго банка бо́льшую ссуду на покупку земли. Крестьянскій банкъ, явно поощряя индивидуалистическія теченія въ крестьянствѣ, выдавалъ при подворномъ владѣніи 500 руб. на дворъ, при общинномъ же 125 руб. на мужскую душу.

Наконецъ, къ числу причинъ перехода къ подворному владѣнію приходится отнести агитацію „кулаковъ“, „міроѣдовъ“, которые путемъ спаиванія, подкупа и обмана бѣднѣйшей части населенія иногда добиваются желательныхъ $^2/_3$ голосовъ за переходъ къ подворному владѣнію. Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ также вели въ крестьянской средѣ дѣятельную агитацію за переходъ къ подворному владѣнію. Крестьяне иногда, подъ вліяніемъ ихъ пропаганды, переходили къ подворному владѣнію, но, убѣдившись въ неудобствахъ этого способа владѣнія, возвращались къ общинѣ. Въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ случаяхъ причиной перехода къ подворному владѣнію служило стремленіе продать землю. Обыкновенно, это явленіе наблюдается въ пригородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ спросъ и цѣны на землю особенно высоки. Но эта случайная причина, дѣйствіе которой ограничено крайне узкими предѣлами, и потому она не могла оказать существеннаго вліянія на общій ходъ эволюціи русской общины.

Самое разрушительное вліяніе на общину оказала 165 статья „Положенія о выкупѣ“, по которой каждый общинникъ, внеся въ казначейство всю причитающуюся за его участокъ выкупную сумму, получалъ въ личную собственность тотъ участокъ земли, которымъ онъ въ данный моментъ пользовался. Эта статья открывала широкій просторъ развитію кулацкаго индивидуализма. Необходимость выплачивать непосильные выкупные платежи сама по себѣ создавала благопріятную почву для развитія антиобщинной психологіи. Крестьянинъ, „плакавшій“ въ продолженіе долгихъ лѣтъ надъ своимъ надѣломъ-„разорителемъ“, естественно, не склоненъ уступить его кому-либо по новому передѣлу. Оплачиваемый путемъ тяжелыхъ лишеній, этотъ надѣлъ какъ бы прирастаетъ къ владѣльцу,

составляетъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Вполнѣ понятно то желаніе сохранить во что бы то ни стало свой надѣлъ, которое выростаетъ у крестьянина послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, въ продолженіе которыхъ ему приходится выплачивать непосильныя подати. Единственный способъ — это выкупъ по 165 ст. Такимъ образомъ пореформенное законодательство, придавивъ крестьянина платежами, развило въ немъ индивидуалистическія стремленія; съ другой стороны, 165 статьей оно широко открыло двери каждому для выхода изъ общины, создавъ такимъ путемъ возможность воплотить въ жизнь развившееся собственническое чувство.

Однимъ изъ наиболѣе серіозныхъ мотивовъ досрочнаго выкупа отдѣльными хозяевами своихъ участковъ является стремленіе путемъ выкупа избавиться отъ круговой поруки и связанной съ ней необходимости расплачиваться за всякаго недоимщика. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, волостяхъ Московской губ., „въ тѣхъ обществахъ, гдѣ накопились крупныя недоимки, обнаружилось въ 1887 году лихорадочное стремленіе деревенскихъ кулаковъ и, вообще, зажиточныхъ мужиковъ къ выкупу своихъ надѣловъ“[1]).

Нерѣдко причиной выкупа является желаніе избавиться отъ выборной сельской службы, которая отрываетъ крестьянъ отъ заработковъ. „Въ Шуйскомъ у. Владимирской губ, 50% изъ числа выкупленныхъ надѣловъ выкуплены именно съ этой цѣлью“[2]). Иногда земля выкупается для перепродажи. При этомъ бывали случаи, когда она выкупалась на деньги, занятыя у кулака, и по выкупѣ тотчасъ же поступала въ его собственность. Такіе факты особенно часты среди крестьянъ, ушедшихъ въ города и порвавшихъ экономическую связь съ деревней. Для такихъ земельный надѣлъ и связанныя съ нимъ стѣснительныя обязательства служатъ только лишней обузой, отъ которой они и стараются отвязаться при первой же возможности.

---

[1]) А. Карелинъ, l. c., 146.
[2]) Ibid.

Но крестьянская община, какъ бы она ни была порализована въ своихъ правахъ распоряженія землей, все же всѣми силами боролась съ той разлагающей обстановкой, которая создалась въ результатѣ пореформеннаго законодательства. Такъ, тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые выкупали землю, она, обыкновенно, отводила худшіе участки земли, лишала ихъ общественнаго пастбища и, вообще, всячески притѣсняла[1]).

Противники общины и фанатики „капиталистической выучки", обыкновенно, въ процессѣ досрочнаго выкупа надѣловъ усматриваютъ наступленіе давно желанной эры капитализма и дифференціаціи сельскаго населенія. Г. Рожковъ, блестяще сочетавшій въ своихъ произведеніяхъ безграничную смѣлость выводовъ и умозаключеній съ полной почти невинностью въ области аграрныхъ вопросовъ, безапелляціонно приговариваетъ къ смерти русскую общину. По его словамъ, „даже тамъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, крестьяне стремятся выйти изъ общины, избавиться отъ опеки міра, переходятъ къ подворному хозяйству"[2]). Далѣе, для подкрѣпленія столь категорическаго заявленія, г. Рожковъ приводитъ соотвѣтствующія данныя... опровергающія его положеніе. „Это бѣгство, — говоритъ онъ, — особенно усилилось съ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей въ 1881 году. Выкупленные крестьянскіе надѣлы въ 90-хъ годахъ составляли площадь болѣе чѣмъ въ милліонъ десятинъ, и это несмотря на всѣ строгости закона о выкупѣ, несмотря на то, что для выхода изъ общины требовалось согласіе $^2/_3$ голосовъ сельскаго схода"[3]).

Почтенный ученый, повидимому, слышалъ гдѣ-то, что существуетъ законъ, по которому для выкупа надѣла требуется

---

[1]) „Въ с. Александровкѣ общество согласилось на выдѣлъ земли своему сочлену за 5 верстъ отъ села съ тѣмъ, чтобы онъ „убрался со всѣмъ своимъ домомъ" на выдѣленную землю". В. В. Крестьянская община, 207.

[2]) Н. Рожковъ. Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различн. партій, стран. 37.

[3]) Ibid., курс. мой. В. I.

согласіе ²/₃ схода. Изъ другихъ рукъ онъ узналъ о прогрессивномъ увеличеніи числа выкупаемыхъ надѣловъ послѣ 1881 года. Не потрудившись какъ слѣдуетъ поразузнать, въ чемъ тутъ дѣло, г. Рожковъ зѣло возликовалъ. Да и какъ не радоваться! Вѣдь, выходитъ, само крестьянство въ массѣ отварачивается отъ общины, пытается раздѣлаться какъ-нибудь съ этимъ отмирающимъ институтомъ, который утописты с.-р-ы все еще стараются подсунуть ему. Это ли не торжество „пролетарской“ теоріи! Но, къ сожалѣнію, г. Рожковъ упустилъ изъ виду одно маленькое обстоятельство, которое совершенно мѣняетъ картину. Законъ, въ силу котораго для выхода изъ общины требуется согласіе ²/₃ голосовъ, появился только въ 1893 году въ дополненіе къ 165 ст., въ цѣляхъ ограниченія широко развившейся спекуляціи на выкупаемые участки.

То же „бѣгство отъ земли“, которое „особенно усилилось“ съ 1881 года, происходило не вопреки законодательнымъ ограниченіямъ, затрудняющимъ выкупъ, какъ пытается увѣрить довѣрчиваго читателя г. Рожковъ, а наоборотъ, именно благодаря отсутствію въ то время какихъ-либо ограниченій для выхода отдѣльныхъ членовъ изъ общины. Насколько количество выкупаемыхъ надѣловъ обусловливалось отсутствіемъ упомянутаго закона, видно хотя бы изъ слѣдующихъ цифръ. За одинъ, напримѣръ, 1893 годъ до изданія этого закона было выкуплено на основаніи 165 ст. почти на 1 милл. руб. земли, а за 94-й годъ (первый годд дѣйствія закона) всего только на 44 тыс. руб.

Получается совершенно иная картина, чѣмъ рисуетъ ее фантазія г. Рожкова. Мы уже видѣли, къ какимъ мѣрамъ прибѣгала община, дабы нѣсколько обуздать кулаковъ въ ихъ стремленіи выкупать надѣлы. Но борьба была неравная. На сторонѣ кулаковъ стоялъ законъ, открывшій возможность выхода изъ общины безъ согласія міра. Этотъ законъ всей своей тяжестью давилъ на общину, парализуя ея творческія силы. Но въ тотъ моментъ, какъ только общество получило хоть нѣкоторую возможность сдерживать собственническія начала своихъ отдѣльныхъ членовъ, тотчасъ же % выкупаемыхъ на-

дѣловъ колоссально понижается. Такимъ образомъ факты, на которые пытается опереться г. Рожковъ, доказываютъ какъ разъ обратное. Вмѣсто поголовнаго „бѣгства“ изъ общины, вмѣсто естественнаго разрушенія общинныхъ устоевъ, мы видимъ горячую борьбу крестьянскаго міра съ индивидуализмомъ, съ разрушительнымъ вліяніемъ законодательства. Насколько процессъ досрочнаго выкупанія надѣловъ не можетъ служить показателемъ начавшагося процесса разслоенія общины, видно хотя бы, наконецъ, изъ того, что часто надѣлы, выкупленные отдѣльными хозяевами, остаются попрежнему въ чрезполосномъ владѣніи и подвергаются общинному регулированію. Выкупившіе надѣлы считаютъ болѣе выгоднымъ, подчиняясь общинной регламентаціи, пользоваться всѣми удобствами общиннаго владѣнія, не испытывая на себѣ его темныхъ сторонъ въ видѣ круговой поруки и пр., навязанныхъ общинѣ законодательствомъ. Такъ напримѣръ, „89⁰/₀ выкупившихъ свои надѣлы крестьянъ Московской губерніи подчиняются добровольно всѣмъ принятымъ порядкамъ мірского землевладѣнія“[1]).

Получается крайне забавный логическій курьезъ: стремясь „избавиться отъ опеки міра“ — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ насъ марксисты, — крестьяне выкупаютъ надѣлы и... оставляютъ ихъ въ мірскомъ владѣніи. Ужъ такова, повидимому, участь нашихъ ортодоксовъ. Желая придать больше вѣсу своимъ апріорнымъ дедукціямъ, пытаясь облечь ихъ конкретнымъ содержаніемъ дѣйствительности, они апеллируютъ къ тѣмъ или инымъ фактамъ и явленіямъ жизни. Но факты съ неумолимой логикой обращаютъ свое оружіе противъ тѣхъ самыхъ положеній, иллюстрировать которыя они призваны. Получается крайне интересное сраженіе, въ результатѣ котораго ортодоксальная догма, покидая область жалкаго эмпиризма, еще выше забирается въ заоблачныя сферы „объективныхъ“ истинъ и „неумолимыхъ законовъ историческаго развитія“, которые, если не теперь, то въ конечномъ счетѣ все же должны оправдаться историческимъ развитіемъ общественной жизни.

---

[1]) А. Карелинъ. Общинное владѣніе, 149.

Къ сожалѣнію, размѣръ настоящей работы на позволяетъ заняться болѣе подробнымъ разборомъ марксистскихъ упражненій въ эквилибристикѣ фактами. Въ ближайшемъ будущемъ этому вопросу я надѣюсь посвятить особую статью; пока же придется ограничиться перломъ творчества г. Рожкова.

Законодательство, оставившее формально общину, поставило ее, фактически, въ крайне стѣснительныя условія для выполненія ея основной функціи — уравнительныхъ передѣловъ. Квалифицированное большинство (2/3), необходимое, согласно 1 и 2 пунктамъ 54 ст., при переходѣ къ подворному владѣнію, точно такъ же, по 3 пункту той же статьи, требуется и при каждомъ передѣлѣ. Иными словами, вопросъ о разрушеніи общины и вопросы обычнаго выполненія ея функцій требуютъ въ одинаковой мѣрѣ квалифицированнаго большинства. Эта несообразность въ законѣ сыграла также свою роль въ дѣлѣ разрушенія общины. Прежде всего, этотъ параграфъ закона способствовалъ непомѣрному увеличенію власти міроѣдовъ и, вообще, противниковъ передѣла. Для того, чтобы остановить жизнь общины, достаточно набрать большее 1/3 голосовъ противъ передѣла, и передѣлы прекращаются; а съ ними замираетъ, перестаетъ биться и пульсъ общинной жизни. Для составленія 1/3 голосовъ богачи не брезгали прибѣгать ко всякимъ незаконнымъ пріемамъ, до подлога включительно[1]). Въ этомъ отношеніи они всегда встрѣчали могучую поддержку въ лицѣ сельской администраціи, являющейся, въ большинствѣ случаевъ, креатурой „міроѣдовъ“. Кромѣ законодательства, тлетворное вліяніе котораго на общину нами уже не разъ констатировано, она подвергается еще энергичной атакѣ богачей и сельской администраціи, выѣзжающихъ на безправіи и темнотѣ народа. Въ Усть-Ижорѣ Петербургской губ. „богачи не позволяютъ поставить вопросъ о передѣлѣ; обыкновенно, смѣльчака, под-

[1]) По словамъ Карелина, въ Симбирской губ. „противниками передѣла, съ цѣлью привлечь болѣе домохозяевъ на свою сторону и составить больше 1/3 голосовъ, пускаются въ ходъ подкупы, подпаиваніе, выписываются нотаріальныя довѣренности отъ лицъ, живущихъ на сторонѣ“. Общинное владѣніе, стран. 128.

нимающаго вопросъ о передѣлѣ, безъ всякой церемоніи арестуютъ и сажаютъ въ холодную подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ пьянъ"[1]). „Нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ, исправниковъ и даже урядниковъ запрещали производить передѣлы"... ...„Въ Уржумскомъ у. Вятской губ. волостныя правленія отказывались свидѣтельствовать приговоры о передѣлахъ"[2]). Въ Оршанскомъ у. Могилевской губ. деревенское начальство прямо объявляетъ передѣлъ незаконнымъ; и когда крестьяне ссылаются на примѣръ Смоленской губ., то объявляетъ, что для здѣшнихъ мѣстъ изданы другіе законы"[3]).

Закономъ 1893 г. о передѣлахъ общинной земли насилія сельской администраціи были легализированы, получили законодательную санкцію. Земскимъ начальникамъ по этому закону предоставлено отмѣнять приговоры сельскихъ обществъ о передѣлахъ, несмотря на ихъ законность (наличность $^2/_3$ и пр.), если только съ точки зрѣнія земскаго начальника передѣлъ окажется нераціональнымъ. Такимъ образомъ, критеріемъ, доминирующимъ надъ рѣшеніемъ всего крестьянскаго общества, является благоусмотрѣніе земскаго начальника, который будучи, противникомъ общины, можетъ во всякій моментъ наложить на нее руку, прекратить функціи общинно-передѣльнаго механизма.

Законъ 93-го года пытается отнять у общины послѣднюю возможность проявленія инициативы и самодѣятельности, отдавая ее всецѣло во власть самодурства земскихъ начальниковъ. Давно уже выросшая пропасть непониманія и отчужденности между крестьянствомъ и администраціей, между формальнымъ закономъ и народнымъ правосознаніемъ, все сильнѣе увеличивается. Вся пореформенная эпоха представляетъ сплошную картину послѣдовательнаго обостренія этой отчужденности. И ужъ, конечно, не попечительная рука земскихъ начальниковъ и вообще администраціи могла уничтожить эту пропасть, стереть острые углы этихъ противорѣчій.

---

1) Ibid., 130.
2) Ibid., 156.
3) Ibid., 157.

Съ теченіемъ времени у крестьянъ съ понятіемъ „законъ" соединяется представленіе о чемъ-то бессмысленно-разрушительномъ, что, врываясь въ деревню, словно стихійная сила коверкаетъ, калѣчитъ крестьянскую жизнь, попираетъ сложившіяся въ народѣ правовыя нормы и воззрѣнія. Каждый баронъ, какъ говорятъ, имѣетъ свою фантазію. Всякій сельскій администраторъ не меньше любого барона надѣленъ богатымъ запасомъ фантазіи и самодурства. При этомъ его фантазія, ничѣмъ не сдерживаемая, всякій разъ обрушивается на крестьянство, выражается въ самыхъ разнообразныхъ экспериментахъ надъ живымъ соціальнымъ организмомъ — общиной. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ у крестьянъ не могло составиться сколько-нибудь яснаго представленія о своихъ правахъ и о тѣхъ законахъ, которыми эти права нормируются.

Одинъ земскій начальникъ требуетъ, чтобы крестьяне передѣляли землю. И крестьяне вѣрятъ, что такъ велитъ законъ. Другой ревностный администраторъ сажаетъ въ холодную за всякое слово о передѣлѣ. Здѣсь также народъ видитъ одно изъ проявленій того же невѣдомаго и неумолимаго закона. Собираютъ крестьяне сходъ и на немъ большинствомъ голосовъ рѣшаютъ передѣлить землю съ ревизскихъ душъ на наличныя. Но выступаютъ міроѣды во главѣ съ волостнымъ писаремъ и заявляютъ, что такой-де передѣлъ незаконенъ, что это самоуправство. Земля дана на ревизскія души, слѣдовательно никто ее отнять не можетъ. И крестьяне, чувствуя въ глубинѣ души всю вопіющую несправедливость этого „закона", все же нерѣдко подчиняются ему, пока, наконецъ, возросшая нужда въ землѣ не вынудитъ ихъ сдѣлать „самовольную ревизію", перешагнуть черезъ этотъ миѳическій законъ. Астыревъ въ своихъ очеркахъ такъ характеризуетъ отношеніе крестьянъ къ „закону":

...„Дѣйствительные законы совершенно неизвѣстны народу: онъ знаетъ только одинъ законъ — это то, что говоритъ или приказываетъ начальство, какое бы оно ни было: урядникъ ли, писарь, мировой ли судья, или судебный слѣдователь. Законъ сталъ атрибутомъ власти; власть попрежнему внушаетъ одинъ

только страхъ (признаковъ уваженія, довѣрія, любви — нѣтъ), вотъ почему и законъ сталъ внушать безотчетный страхъ"[1]).

Крестьянство всѣми силами стремится, гдѣ только возможно, обойти формальный законъ, разъ онъ не согласуется съ общимъ строемъ народной жизни. Такъ что недавно, несмотря на всю свою строгость и категоричность, законъ все же не въ состояніи подчинить себѣ окончательно народную жизнь. Она пробивается сквозь тяжелый гнетъ административнаго произвола и мѣстами практически сводитъ къ нулю многія законодательныя ограниченія.

Характернымъ примѣромъ безсилія „закона" является вліяніе на крестьянскую жизнь закона 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ. По этому закону, во-первыхъ, раздѣлъ разрѣшается только съ согласія домохозяина, и, во-вторыхъ, сельское общество имѣетъ право отмѣнять или разрѣшать раздѣлы отдѣльныхъ семействъ. Такимъ путемъ личность въ семьѣ была отдана всецѣло подъ опеку домохозяина, каждый же дворъ, въ свою очередь, находится въ полной зависимости въ вопросѣ о раздѣлахъ отъ сельскаго общества. Законодатели разсчитывали такимъ способомъ окончательно пріостановить раздѣлы крестьянскихъ семей. И что же? „Губернскія совѣщанія" принуждены были констатировать полную безпомощность закона, не сумѣвшаго остановить совершающійся въ крестьянскихъ семьяхъ процессъ семейныхъ раздѣловъ. Въ Минской губ. совѣщанія констатировали крайне интересныя цифровыя данныя: „по послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Минской губ. послѣдовало семейныхъ раздѣловъ[2]):

Съ разрѣшенія:			Самовольно.
губернскаго присутствія.	волостного суда.	сельскаго схода.	
15	5363	140	46851

Мы видимъ, что жизнь разбила узкія рамки закона, въ которыя правительство пыталось ее замуравить. Но отсюда

---

[1]) Цитир. по Качоровскому, „Народное право", 29.

[2]) К. Качоровскій, ibid., 46.

отнюдь не слѣдуетъ, что этотъ законъ прошелъ безслѣдно, не оказавъ никакого вреда. Безсильный остановить совершающійся процессъ, онъ все же внесъ свою долю разлагающаго вліянія въ крестьянскую массу. Всѣ эти 46 тысячъ семей, самовольно раздѣлившихся, этимъ самымъ становятся какъ бы внѣ закона. Считаясь формально нераздѣленными, онѣ не встрѣчаютъ никакой защиты своихъ правъ со стороны сельской администраціи, не пользуются голосомъ на сходѣ и т. п. Это вноситъ еще больше темноты и сумбура въ народную жизнь.

Резюмируя все сказанное о роли законодательства въ развитіи общины, мы должны признать, что оно оказало самое пагубное вліяніе на процессъ эволюціи общинныхъ формъ. Оно создало невыносимую обстановку, въ которой положительно задыхалось крестьянство. Оно изуродовало, искалѣчило общину, превратило ее въ органъ полицейскаго фиска, порождая такимъ образомъ въ крестьянствѣ стремленіе избавиться отъ произвола и безправія, въ атмосферѣ котораго развивалась община. Это стремленіе избавиться отъ полицейской опеки, въ конечномъ счетѣ, нерѣдко реализовалось въ разрушеніе общины. При чемъ и здѣсь, даже переходя къ подворному владѣнію, крестьянство все же всѣми силами стремилось, какъ мы видѣли, сохранить основныя черты общиннаго быта. Община не можетъ быть названа застывшей формой, пассивно воспринимающей то содержаніе, которымъ ее истомляютъ законодательство и администрація. Нѣтъ, она представляетъ собой живой соціальный организмъ, чутко прислушивающійся къ тому, что затрогиваетъ его интересы. И законы, несмотря на всю ихъ категоричность, принуждены ретироваться, уступить мѣсто всеобъемлющему обычному праву. И только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣропріятія правительства не шли въ разрѣзъ съ народными воззрѣніями, гдѣ они только содѣйствовали развитію уже назрѣвавшихъ процессовъ, тамъ, они входили въ плоть и кровь народной жизни, ускоряя ея развитіе[1]). Та же разлагающая атмосфера, которая въ нѣко-

[1]) Намъ уже пришлось указывать на исторію возникновенія передѣ-

торыхъ мѣстахъ разрушила общину, является продуктомъ политики бюрократическаго правительства и ужъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесена въ пассивъ общины, какъ опредѣленной формы народныхъ хозяйственно-правовыхъ отношеній.

ловъ въ Сибири въ связи съ законодательными разъясненіями. Возьмемъ другой примѣръ. По закону 1893 г. частныя переверстки совершенно запрещены, общіе же передѣлы ограничены 12-лѣтнимъ срокомъ. Въ результатѣ процентъ „свалокъ навалокъ“ послѣ 93 г. сокращается. Но приписать это исключительному вліянію закона мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ. Еще до него такіе изслѣдователи, какъ В. В. и Карелинъ, подмѣтили общее уменьшеніе частныхъ переверстокъ и параллельно идущее удлиненіе срока общихъ передѣловъ. Цифровыя данныя, приводимыя Качоровскимъ, также указываютъ на то, что этотъ процессъ начался значительно раньше закона. Законъ только лишь сообщилъ послѣднему большую силу и интенсивность, придавъ характеръ „законности“ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя и безъ него вполнѣ самостоятельно сложились въ народѣ.

7. Община и сельскохозяйственная культура.

Русская община въ глазахъ ея противниковъ нерѣдко является козломъ отпущенія за всѣ темныя стороны современнаго строя. Въ ней они видятъ только тормазъ, задерживающій ростъ сельскохозяйственной техники, а съ нимъ вмѣстѣ и развитіе въ деревнѣ „производительныхъ силъ". Въ ней они сталкиваются съ соціальнымъ институтомъ, горячо борющимся за свое существованіе, никакъ не желая улечься на прокустово ложе стройной „тріады". Вполнѣ понятно то недружелюбное отношеніе, подчасъ даже озлобленіе, съ которымъ наши марксисты относятся къ общинѣ. Всѣ возраженія противъ общины, какъ элемента, задерживающаго прогрессъ въ области сельскохозяйственной культуры, могутъ быть сведены къ четыремъ основнымъ, каждое изъ которыхъ мы и разсмотримъ особо.

Первое возраженіе относится къ основной функціи общины — передѣламъ. Въ нихъ противники общины усматриваютъ чуть ли не главное зло общиннаго владѣнія. Періодически повторяемые передѣлы создаютъ, по ихъ мнѣнію, въ головѣ крестьянъ представленіе о непрочности владѣнія надѣльнымъ участкомъ. Сегодня земля принадлежитъ одному домохозяину — онъ на ней производитъ улучшенія сопряженныя съ затратой труда, окупающейся въ продолженіе многихъ лѣтъ. На другой годъ — передѣлъ. Земля попадаетъ въ другія руки, и затраты, сдѣланныя на нее ея прежнимъ владѣльцемъ остаются не оплаченными. При такихъ условіяхъ, конечно, крестьяне не рѣшаются дѣлать болѣе или менѣе серьезныхъ затратъ, разъ у нихъ нѣтъ увѣренности, что ихъ трудъ окупится цѣлымъ рядомъ урожаевъ.

Вторымъ доводомъ противъ общины является чрезполосица владѣнія, мѣшающая примѣненію раціональныхъ способовъ обработки земли, улучшенныхъ сѣвооборотовъ, дренажей, орошенія и проч.

Въ-третьихъ, принудительный сѣвооборотъ, создающій одинъ и тотъ же шаблонъ для всѣхъ общинниковъ, сковываетъ энергію и предпріимчивость отдѣльныхъ членовъ общины, принуждая ихъ подчиняться рѣшеніямъ „міра" и принимать тѣ способы обработки, которые приняты общиной въ цѣломъ. При такомъ условіи прогрессъ сельскаго хозяйства и введеніе новыхъ культуръ, являющійся обыкновенно, въ результатѣ свободнаго экспериментированія отдѣльныхъ хозяевъ на своихъ участкахъ, по мнѣнію противниковъ общины, является невозможнымъ.

И, наконецъ, четвертымъ недостаткомъ общины, является чрезмѣрная дробность земельныхъ участковъ, также затрудняющая развитіе сельскохозяйственной культуры.

Что касается перваго возраженія, то онъ къ общинѣ относится въ той же мѣрѣ, какъ и вообще ко всякому временному пользованію, т.-е. и къ арендѣ. Слѣдовательно, сначала приходится столкнуться съ общимъ вопросомъ о вліяніи временнаго аренднаго пользованія на эволюцію сельскохозяйственной культуры, и ужъ затѣмъ разбирать общинное владѣніе, какъ одну изъ формъ временного пользованія. Въ Англіи и Ирландіи типичной формой землепользованія является аренда. Это, однако, не мѣшаетъ интенсификаціи культуры и введенію всякаго рода улучшеній. По словамъ проф. Постникова, „значеніе поземельнаго собственника въ земледѣльческомъ прогрессѣ Соединеннаго Королевства сводится къ роли безучастнаго зрителя, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ томъ, *чтобы не мѣшать фермеру расходовать свой капиталъ на улучшеніе земли*"[1]) (курсивъ мой *В. У.*).

---

[1]) Цитир. по В. В. „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ", 107.

При сравнительно, долгосрочныхъ арендныхъ контрактахъ, срокъ которыхъ въ Англіи обыкновенно не менѣе 7 лѣтъ, фермеръ имѣетъ возможность использовать единовременныя затраты капитала, которыя онъ произвелъ во время аренды.

Капитальныя улучшенія, требующія большихъ затратъ труда, какъ въ Англіи, такъ и вообще въ Европѣ совершаются при помощи правительства. Законодательство и обычай въ Соединенномъ Королевствѣ также стремятся обезпечить за фермеромъ возможность использовать затраты сдѣланныя на арендной землѣ. Въ Ирландіи существуетъ, напримѣръ такъ называемый, Ульстерскій обычай, по которому „уходящій фермеръ получаетъ отъ входящаго или отъ собственника, условленную плату за произведенныя имъ, но не исчерпанныя капитальныя затраты“[1]). При такихъ условіяхъ, гарантирующихъ полную оплату затраченнаго труда, исчезаетъ то единственное препятствіе къ улучшенію сельскохозяйственной техники при наличности временнаго пользованія, которое при нераціональныхъ формахъ аренды способно служить серьезнымъ тормазомъ прогрессу сельскаго хозяйства. Примѣръ Англіи съ ея интенсивной культурой показываетъ, насколько совмѣстимы высшія формы культуры съ принципомъ временнаго пользованія.

Условіями, при которомъ возможенъ процессъ сельскохозяйственной техники, являются, во-первыхъ: долгосрочность пользованія, обезпечивающая владѣльцу возможность окупить затраты по интенсификаціи культуры, и во-вторыхъ: вознагражденіе за неиспользованныя улучшенія.

Обращаясь къ русской общинѣ, мы прежде всего должны выяснить, возможна-ли подобная гарантія при способѣ общиннаго владѣнія вообще, и на сколько въ дѣйствительности гарантируются затраты отдѣльныхъ членовъ общины на воздѣлываемые ими участки. Наиболѣе неудобной формой общинныхъ передѣловъ являются частныя переверстки, или такъ называемыя „свалки - навалки“; при наличности ихъ

---

[1]) Карышевъ. „Трудъ“ и т. д., 441.

прогрессъ въ области сельскаго хозяйства крайне затруднителенъ. Но сваливать, въ данномъ случаѣ, вину на общину мы не имѣемъ основаній, такъ какъ частыя переверстки, какъ результатъ несоотвѣтствія доходности земли съ платежами, навязаны извнѣ и отнюдь не могутъ считаться нормальной формой общинной услуги. По мѣрѣ исчезновенія вызвавшихъ ихъ ненормальныхъ размѣровъ податного обложенія, процентъ частныхъ „свалокъ-навалокъ" послѣдовательно уменьшается. Это положеніе прекрасно иллюстрируется цифрами по Саратовской губ., гдѣ общины съ одними частными переверстками (по разнымъ принципамъ) составляли:

Къ 70-му г.	Къ 80-му г.	Къ 90-му г.	Къ 900-му г.
32,8	34,0	28,5	14,1 [1]).

Послѣдовательное повышеніе до 80-хъ годовъ смѣняется болѣе быстрымъ пониженіемъ въ соотвѣтствіи съ общимъ пониженіемъ въ 80-хъ годахъ выкупныхъ платежей. Общіе же коренные передѣлы, являющіеся уже элементомъ общины, не могутъ вредить сельскохозяйственной культурѣ, въ виду того, что срокъ между ними достаточно великъ для гарантіи владѣльцу возмѣщенія его расходовъ. По словамъ Карелина, общіе передѣлы „по большей части бываютъ черезъ 8, 12, 15 и даже 20 лѣтъ"[2]). Соколовскій также указываетъ, что „сроки для будущихъ коренныхъ передѣловъ назначены въ большей части общинъ въ 10 и болѣе лѣтъ"[3]). Данные по цѣлому ряду губерній подтверждаютъ это положеніе[4]). Слѣ-

[1]) К. Качоровскій „Народное право", 54.

[2]) А. Карелинъ „Общинное владѣніе", 74.

[3]) Ibid.

[4]) У Карышева („Трудъ" и т. д. стран. 564) имѣются интересныя цифры по Московской губ.

Срокъ передѣловъ:

До 9 лѣтъ — 12%	Отъ 12 до 15 лѣтъ — 36%
отъ 9 до 12 — 30%	„ 15 до 18 л. — 22%

Здѣсь только 12% общинъ производятъ сравнительно часто передѣлы. Въ остальныхъ же срокъ между передѣлами настолько значителенъ, что можетъ вполнѣ гарантировать оплату затратъ по интенсификаціи культуры.

довательно, что касается вопроса о долгосрочности владѣнія, то въ этомъ отношеніи русская община находится приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, что и аренда на Западѣ.

Какъ показалъ цѣлый рядъ изслѣдованій, при передѣлахъ крестьянское общество очень бережно относится къ интересамъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, стараясь, по возможности, уравнять всѣхъ въ пользованіи угодьями и вознаградить прежнихъ хозяевъ за сдѣланныя ими затраты и улучшенія, достигая этого самыми различными способами. „Въ нѣкоторыхъ общинахъ міръ даетъ денежную приплату тому лицу, которое получитъ при передѣлѣ „пустырь“, т.-е. совершенно заброшенную землю“ (А Карелинъ, 68). Въ другихъ случаяхъ унавоженные участки остаются за тѣми дворами, которые раньше владѣли ими и только излишки поступаютъ въ пользованіе другихъ крестьянъ. Такую же картину рисуетъ намъ и Кауфманъ въ сѣверо-западной части Ишимскаго и прилегающей къ ней мѣстности Тобольскаго и Ялуторовскаго округовъ. „На сѣверной окраинѣ переходной полосы, гдѣ вопросъ о пользѣ унаваживанія успѣлъ уже выясниться, гдѣ, поэтому, ближнія пашни удобряется большинствомъ крестьянъ, община радикально измѣняетъ свое отношеніе къ судьбѣ удобряемыхъ пашенъ: ближнія пашни, удобныя для выводки удобренія, начинаютъ выдѣляться при передѣлахъ въ особый „пай“ или сортъ“[1]). Вообще въ Сибири міръ старается „не сживать“ съ „навозниковъ“. „Кто какую пашню уважилъ, тотъ ту и держитъ“, говорятъ крестьяне. Въ Туринскомъ округѣ установлена прямая зависимость между интенсивностью земледѣлія и сроками передѣловъ. Чѣмъ ниже земледѣльческая техника, тѣмъ чаще производятся передѣлы. Наконецъ, даже въ тѣхъ общинахъ, гдѣ еще практикуются свалки-навалки, удобряемые участки не подвергаются частичнымъ переверсткамъ. Такіе факты въ значительномъ числѣ встрѣчаются въ Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Рязанской и въ другихъ губерніяхъ (см. В. В. „Прогресс. теченія“,

---

[1]) А. Кауфманъ, Крестьянская община въ Сибири, 236.

124—126). Самый способъ передѣла, являющійся, какъ указывалось раньше, обыкновенно, комбинаціей двухъ принциповъ — субъективнаго и объективнаго поравненія, въ основѣ своей предполагаетъ соблюденіе интересовъ отдѣльныхъ членовъ общины, признаніе „права труда“ однимъ изъ опредѣляющихъ факторовъ. Въ силу этого, выдѣлъ въ особый „пай“ „уваженной“ пашни „навозниковъ“ есть лишь частный случай проявленія этого общаго принципа, при которомъ угодья дифференцируются сообразно количеству кристаллизованнаго въ нихъ труда.

Точно такой же принципъ примѣняетъ община и къ распашкамъ и расчисткамъ „новинъ“, производимымъ отдѣльными домохозяевами. При этомъ срокъ пользованія и здѣсь прямо пропорціоналенъ первоначальной затратѣ труда и, обыкновенно, настолько великъ, что первоначальная затрата на расчистку окупается рядомъ послѣдующихъ урожаевъ. Такъ, напримѣръ, въ сѣверной половинѣ Туринскаго округа, гдѣ расчистка изъ-подъ густого хвойнаго лѣса требуетъ значительной затраты труда, иногда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, община очень бережно относится къ интересамъ расчистившихъ домохозяевъ, выключая „новинныя пашни“ на цѣлые десятки лѣтъ, пока не окупится затраченный трудъ, изъ числа передѣляемыхъ участковъ. Въ южной же части, гдѣ расчищать приходится изъ-подъ мелкаго лѣса, „новины“ остаются въ пользованіи расчистившихъ ихъ хозяевъ только лишь до ближайшаго общаго передѣла.

При оросительныхъ работахъ, предпринимаемыхъ отдѣльными хозяевами на ихъ надѣлахъ, община, обыкновенно, оставляетъ эти участки въ пользованіи домохозяевъ, устроившихъ орошеніе, до тѣхъ поръ, пока не окупятся затраты. При такой гарантіи возвращенія затраченнаго въ землю труда, община, какъ таковая, не можетъ служить тормазомъ сельскохозяйственной культуры. Факты краснорѣчиво доказываютъ возможность самой интенсивной обработки земли при сохраненіи во всей полнотѣ общинно-уравнительнаго строя.

Въ подмосковномъ крестьянскомъ хозяйствѣ съ огородной культурой, гдѣ выращиваются такія цѣнныя растенія, какъ огурцы, капуста, сахарный горошекъ и проч., общіе передѣлы были въ 70-хъ годахъ, при чемъ срокъ слѣдующихъ опредѣленъ въ 10, 12, 15 лѣтъ. Стоимость обработки земли здѣсь колеблется отъ 100 до 238 руб. на одну десятину. Въ четырехъ волостяхъ Ростовскаго у. Ярославской губ. особенно процвѣтаетъ огородная культура. Кромѣ пріусадебныхъ земель, почти сплошь занятыхъ цѣнными растеніями, во многихъ селеніяхъ подъ огородную культуру отводится и пахатная земля, при чемъ обработка земли производится ручнымъ трудомъ, заступомъ или лопатой. И вотъ, „несмотря на такое интенсивное хозяйство, всѣ 40—50 селеній района, за исключеніемъ четырехъ селеній Угодичской волости, населенныхъ вольными хлѣбопашцами, владѣютъ землей на общинномъ правѣ“[1]). Въ громадномъ большинствѣ селеній этого района общіе коренные передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ производятся черезъ 12—15 лѣтъ. Давая широкій просторъ иниціативѣ отдѣльныхъ хозяевъ въ дѣлѣ улучшенія сельскохозяйственной техники, община слѣдитъ за тѣмъ, что бы земля не истощалась, чтобы хозяева не „выматывали“ своихъ надѣловъ. Въ Волоколамскомъ, напримѣръ, уѣздѣ Московской губ. міръ ограничиваетъ размѣръ площади подъ льномъ, такъ какъ ленъ сильно истощаетъ землю. Въ другихъ случаяхъ община запрещаетъ продавать на сторону навозъ, побуждая этимъ путемъ наиболѣе отсталыхъ хозяевъ удобрять свой надѣлъ. Иногда же міръ прямо обязываетъ своихъ членовъ унаваживать землю[2]). Здѣсь община не только не тормазитъ иниціативы индивидуальныхъ хозяйствъ, но, наоборотъ, сама побуждаетъ своихъ членовъ къ улучшенію сельскохозяйственной техники. Въ Сибири, напримѣръ, община побуждаетъ домохозяевъ расчищать отъ зарослей ихъ участки. Подобное стремленіе общины вытекаетъ изъ желанія уравнять каче-

---

1) В. В. Прогресс. теченія, 157—158.

2) См. А. Карелинъ, 68—69.

ственно участки, дабы при передѣлахъ возможно рѣже обмѣниваться неравноцѣнными надѣлами. При индивидуальномъ подворномъ владѣніи такого стимула быть не можетъ, въ силу этого истощеніе почвы достигаетъ тамъ обыкновенно большихъ размѣровъ, чѣмъ при общинномъ. Такимъ образомъ, временное пользованіе общинной землей не можетъ служить причиной, задерживающей улучшеніе сельскохозяйственной культуры на крестьянскихъ земляхъ. Цѣлый рядъ компетентныхъ изслѣдователей доказываютъ, что подворное владѣніе въ смыслѣ интенсивности культуры ничуть не выше общиннаго. Въ силу этого приходится уже внѣ общины искать причины, которыя препятствуютъ прогрессу сельскохозяйственной техники.

Возьмемъ хотя бы удобреніе крестьянскихъ полей, являющееся, такъ сказать, первымъ показателемъ зарожденія интенсивной культуры. Мы видѣли, что община оказываетъ всяческое содѣйствіе тѣмъ хозяевамъ, которые начинаютъ унаваживать свои надѣлы. И все же до сихъ поръ удобреніе не получило еще широкаго примѣненія на крестьянскихъ земляхъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого явленія приходится считать отсутствіе увѣренности у крестьянъ въ необходимости и цѣлесообразности унаваживанія полей. Распространеніе новыхъ пріемовъ обработки не можетъ особенно быстро совершиться въ темной малоразвитой массѣ; особенно у насъ, когда со стороны государства не только не предпринималось никакихъ мѣръ для того, чтобы облегчить проникновеніе въ крестьянскую среду новыхъ техническихъ свѣдѣній, но, наоборотъ, всѣ силы и энергія администраціи были направлены къ тому, чтобы совершенно изолировать деревню отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній, оградить ее каменною стѣной отъ внѣшняго міра. Помѣщичье хозяйство, которое иногда, по странному недоразумѣнію, считаютъ культурнымъ центромъ, откуда распространяются принципы интенсивнаго хозяйства, также еще и въ настоящій моментъ переживаетъ стадію первобытнаго экстенсивнаго хозяйства, пользуясь зачастую крестьянскимъ инвентаремъ для

обработки своихъ полей. Такимъ образомъ, крестьянству приходится доходить до всего „своимъ умомъ“, что, конечно, довольно трудно при той атмосферѣ нищеты и забитости, которая положительно сковываетъ личную иниціативу.

Но и тамъ, гдѣ психологія крестьянства уже вполнѣ подготовлена для перехода къ интенсивному хозяйству, гдѣ въ головахъ крестьянъ сложилось твердое убѣжденіе въ цѣлесообразности унаваживанія полей, это послѣднее затрудняется массой другихъ условій, въ общей совокупности парализующихъ стремленіе хозяевъ къ улучшенію сельскохозяйственной культуры.

Очень часто введенію удобренія препятствуетъ расположеніе крестьянскихъ участковъ. „Поля крестьянъ или очень растянуты или неровны, бугристы, или разбросаны особняками черезполосно съ другими владѣльцами“ [1]). Нерѣдко крестьянскія земли тянутся на 4—6 верстъ въ длину, занимая въ ширину только 100—200 саженъ. При такихъ условіяхъ крайне трудно удобрять дальніе участки, особенно когда у землевладѣльцевъ-помѣщиковъ приходится покупать право переѣзда на свою надѣльную землю. Это положеніе явилось результатомъ уродливаго проведенія въ жизнь реформы 61-го года, давшаго возможность помѣщикамъ нарѣзать себѣ лучшія земли, крестьянамъ же выдѣлить худшую нерѣдко въ нѣсколькихъ мѣстахъ, черезполосно съ помѣщичьей. Правильное размежеваніе при освобожденіи крестьянъ могло бы совершенно устранить эту причину. Неудобство расположенія надѣльныхъ земель ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ установленію чисто кабальныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками на почвѣ необходимости аренды помѣщичьей земли. Для того, чтобы добраться до своего поля, крестьянинъ снимаетъ у помѣщика за колоссально вздутую цѣну прогонъ. Лишенные при освобожденіи выгона, крестьяне на такихъ же кабальныхъ условіяхъ снимаютъ помѣщичій лугъ. И за все это приходится расплачиваться трудомъ. Лучшее время въ страд-

[1] В. В. Прогресс. теченія, 139.

ную пору крестьянинъ отдаетъ своимъ кредиторамъ, такъ что едва остается время, чтобы хоть кое-какъ „поковырять“ сохой да засѣять свою пашню. О какихъ-либо улучшеніяхъ сельскохозяйственной культуры, конечно, въ такомъ случаѣ не приходится думать. Тамъ, гдѣ дровъ мало, крестьяне принуждены отапливать свои избы соломой и навозомъ, лишая поля удобренія. Наконецъ, при той ужасающей бѣдности, которая царствуетъ у насъ въ деревнѣ, крестьяне нерѣдко принуждены бываютъ продавать навозъ для удобренія помѣщичьихъ земель, дабы на вырученныя деньги купить хлѣба. Запрещеніе такихъ продажъ со стороны общины является только палліативомъ и не устраняетъ причины, заставляющей крестьянъ отнимать у своихъ полей цѣнное удобреніе и за безцѣнокъ свозить его на владѣльческія земли. Только коренное переустройство всѣхъ земельныхъ отношеній можетъ создать благопріятную обстановку для развитія сельскохозяйственной культуры.

Черезполосица, о которой такъ много говорятъ противники общины, отнюдь не является недостаткомъ, исключительно присущимъ общинному владѣнію. Подворное владѣніе ничуть не гарантируетъ отъ черезполосицы, которая здѣсь принимаетъ значительно бо́льшіе размѣры, чѣмъ въ общинѣ. Въ Подольской, Рязанской, Орловской, Курской и во многихъ другихъ губерніяхъ черезполосица при подворномъ владѣніи доходитъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Въ Курской губерніи, напримѣръ, по словамъ статистиковъ „черезполосица самая мелкая представляетъ вообще самую характерную особенность четвертного землевладѣнія“. Тамъ же на вопросъ: „какъ широки у васъ загоны?“ — крестьяне весьма часто отвѣчаютъ такъ: „да вотъ какъ борону тащишь, а сосѣдній загонъ скородишь“ [1]). Нерѣдко случается, что въ то время, когда у общинниковъ надѣлы въ „отрубныхъ“ участкахъ (обыкновенно при сравнительной однокачественности земель), рядомъ у подворныхъ владѣльцевъ свирѣпствуютъ самыя

---

[1]) А. Карелинъ „Общинное владѣніе, 64—65.

отрицательныя формы черезполосицы. Въ Западной Европѣ въ мелкомъ хозяйствѣ также широко развита черезполосица. По даннымъ профессора Посникова во Франціи въ среднемъ на каждаго собственника приходится до 25 участковъ, въ западной Фландріи — 7, въ восточной — 6, въ Верхнемъ Франконѣ — 18, въ Нижнемъ — 21[1]). Чрезмѣрно развитая черезполосица и на Западѣ вызываетъ необходимость принудительнаго сѣвооборота.

Тотъ же профессоръ Посниковъ „приводитъ одну нѣмецкую деревню, гдѣ лишь 400 полосъ изъ 1100 соприкасаются съ дорогами: на остальныя же 700 можно попасть не иначе, какъ переѣхавъ по полосамъ сосѣдей[2]).

Черезполосица при нашемъ общинномъ владѣніи, періодически уменьшаемая путемъ общихъ передѣловъ, конечно, никогда не можетъ достигнуть такихъ колоссальныхъ размѣровъ[3]). Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, что черезполосица со всѣми ея отрицательными свойствами не является необходимымъ аттрибутомъ общины. Она также уживается при другихъ формахъ владѣнія и, вообще, является одной изъ особенностей мелкаго хозяйства какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Причиной черезполосицы при подворномъ индивидуальномъ владѣніи является переходъ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія по наслѣдству, путемъ покупки и т. п. Въ Западной Европѣ черезполосица достигла такихъ размѣровъ, что государство принуждено было вмѣшаться и само взялось за размежеваніе владѣній. Но никакое размежеваніе не въ состояніи было окончателньо уничтожить черезполосицу. Разъ причина, лежащая въ основѣ права собственности на землю, не уничтожена, черезполосица, какъ результатъ свободнаго распоряженія земельной собственностью, не можетъ исчезнуть. Въ общинѣ же, гдѣ отсутствуетъ право индиви-

---

[1]) См. В. В. Прогресс. теченія, 100.

[2]) В. В. Прогресс. теченія, 101.

[3]) Напримѣръ „изъ 2748 деревень Ярославской губ. только въ 216 (т.-е. 7,8%) надо проѣхать на свою полосу черезъ полосу сосѣда". А. Карелинъ. Общинное владѣніе, 60.

дуальной частной собственности на землю, гдѣ право распоряженія землей осуществляется крестьянскимъ міромъ, черезполосица обусловливается совершенно иными причинами. Въ предыдущемъ изложеніи намъ приходилось указывать тѣ способы, которыми община пытается возможно полнѣй уравнять своихъ членовъ. Дѣленіе пашни на „сорта“ какъ по качеству почвы, такъ и по степени удаленности отъ усадьбы, является наиболѣе употребляемымъ способомъ уравненія. При такомъ порядкѣ надѣлъ каждаго общинника состоитъ изъ нѣсколькихъ полосъ разнаго качества. Такимъ образомъ, чѣмъ разнообразнѣе почва, тѣмъ на большее количество сортовъ дѣлится пашня. Съ другой стороны, чѣмъ меньше общая площадь надѣла, тѣмъ уже каждая отдѣльная полоса. Въ силу этого почвенныя условія и расположеніе участковъ являются одной изъ причинъ черезполосицы. Нерѣдко однимъ изъ мотивовъ дѣленія надѣловъ на полосы находящіяся въ различныхъ частяхъ поля выставляется желаніе равномѣрно распредѣлить между владѣльцами надѣловъ атмосферическія вліянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дождь, обыкновенно, идетъ полосами, захватывая только часть общинной земли. Имѣя же землю въ разныхъ концахъ, крестьяне надѣются, что „если не то, такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ, поровнѣе будетъ урожай“.

Въ основѣ всѣхъ этихъ способовъ разверстки земли лежитъ чисто хозяйственныя цѣли, желаніе уравнять всѣхъ въ пользованіи земельными благами. Поэтому, въ то время, когда при надворномъ владѣніи чрезполосица можетъ достигать самыхъ крайнихъ размѣровъ, при общинномъ владѣніи тотъ же хозяйственный интересъ всегда устанавливаетъ извѣстныя нормы, за предѣлами которыхъ болѣе точное поравненіе обращается въ свою собственную противоположность, даетъ въ общемъ итогѣ минусъ какъ для общины въ цѣломъ, такъ и для всякаго домохозяина въ отдѣльности. При каждомъ общемъ передѣлѣ въ рукахъ общины находится вся земельная площадь, которую міръ и дѣлитъ сообразно съ тѣми условіями хозяйства, которыя свойственны данной мѣстности. При этомъ, кладя въ основу распредѣленія достиженіе возможнаго ма-

ксимума для своихъ членовъ въ пользованіи хозяйственными благами, община выбираетъ ту разверстку, которая возможно полнѣй удовлетворяетъ общую потребность въ пользованіи землей. Слѣдовательно хозяйственный интересъ всегда является коррективомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ общины и препятствуетъ пагубно отражающемуся на хозяйствѣ „распыленію полей", по поводу котораго такъ много волнуются марксисты. Тамъ, гдѣ положительныя стороны чрезполоснаго владѣнія въ общемъ итогѣ уничтожаются его отрицательными свойствами, община при всякомъ передѣлѣ можетъ измѣнить способъ нарѣзки надѣловъ. Наконецъ, послѣ передѣловъ нерѣдко отдѣльные хозяева мѣняются полосами, лежащими въ различныхъ сортахъ, корректируя, такимъ путемъ, общинное поравненіе принципомъ субъективнаго равенства.

Принудительный сѣвооборотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о чрезполосицѣ, которая во многихъ случаяхъ, независимо отъ прочихъ условій, создаетъ необходимость общей смѣны полей. Такъ что, если бы мы и считали его отрицательнымъ явленіемъ, то мы бы въ значительной мѣрѣ должны были зачислить сюда и подворное, а также и четвертное владѣніе гдѣ, какъ мы видѣли, чрезполосица сильно развита и гдѣ принудительный сѣвооборотъ нерѣдко вызывается самимъ расположеніемъ участковъ. Въ Полтавской, напримѣръ, и въ Черниговской губерніяхъ при наличности подворнаго владѣнія существуетъ во многихъ мѣстахъ принудительный сѣвооборотъ. Наоборотъ, при общинномъ владѣніи въ Архангельской, Симбирской губ. и въ значительной части Сибири наблюдается его отсутствіе. Отрицательной стороной принудительнаго сѣвооборота обыкновенно считаютъ стѣсненіе иниціативы отдѣльныхъ домохозяевъ. При принудительномъ сѣвооборотѣ переходъ къ высшей культурѣ и введеніе улучшеннаго сѣвооборота для отдѣльныхъ хозяевъ невозможны, имъ приходится держаться рутинныхъ способовъ хозяйства, примѣняемыхъ общиной. Это возраженіе также не можетъ считаться особенно существеннымъ. Говоря объ инертности общины какъ цѣлаго, обыкновенно забываютъ,

что она обусловливается всецѣло инертностью входящихъ въ составъ общины домохозяевъ. Такъ что коллективное рѣшеніе міра есть не больше какъ сводка индивидуальныхъ рѣшеній его членовъ. Слѣдовательно, чѣмъ невѣжественнѣй будетъ вообще крестьянская масса, тѣмъ, конечно, медленнѣй будутъ проникать въ нее прогрессивныя теченія, и тѣмъ консервативнѣе будутъ способы веденія хозяйства.

Если уничтожить общину и дать свободный просторъ каждому вести хозяйство по той системѣ, которая ему кажется болѣе разумной, несомнѣнно, незначительная часть общинниковъ, въ большинствѣ случаевъ многоземельныхъ и хорошо обезпеченныхъ хозяевъ, перешла бы къ болѣе интенсивной обработкѣ почвы. При общинномъ же владѣніи они принуждены подчиняться тѣмъ формамъ, которыя установлены общиной.

Марксистъ, видящій въ общинѣ только лишь отрицательныя стороны, съ легкимъ сердцемъ зачислитъ и этотъ недостатокъ въ счетъ общинѣ, совершенно упуская изъ виду, что въ общинѣ мы встрѣчаемся только съ однимъ изъ конкретныхъ случаевъ проявленія общаго принципа, который кристаллизуется во всѣхъ общественныхъ формахъ, гдѣ признается право большинства, гдѣ индивидуалистическія тенденціи отдѣльныхъ членовъ подчиняются коллективному рѣшенію. Даже въ соціалистическомъ строѣ, гдѣ личность будетъ менѣе скована въ своихъ дѣйствіяхъ, общественныя формы,—формы хозяйства будутъ опредѣляться воззрѣніями большинства. Возможность широкой пропаганды всякой новой идеи даетъ въ руки наиболѣе прогрессивнаго меньшинства средство для осуществленія въ жизни своихъ идей. И въ тотъ моментъ, когда общество приметъ тотъ или иной способъ хозяйства — этотъ способъ становится обязательнымъ. То же, хотя и въ зачаточномъ состояніи, мы видимъ въ общинѣ. На каждомъ сходѣ сторонники новой системы хозяйства могутъ отстаивать свои идеи, убѣждать остальныхъ членовъ общины присоединиться къ нимъ. Кромѣ этого, на усадебныхъ земляхъ, которыя обыкновенно выключаются изъ общей переверстки и не

находятся подъ давленіемъ принудительнаго сѣвооборота — новаторы могутъ производить самые различные опыты съ посѣвомъ новыхъ растеній и т. п. Убѣдившись на опытѣ въ цѣлесообразности того или иного улучшенія, крестьяне быстро вводятъ его у себя. Напримѣръ, въ Московской, Тверской, Смоленской и другихъ губерніяхъ, прежде чѣмъ травосѣяніе было введено на крестьянскихъ поляхъ, оно производилось на усадебныхъ земляхъ. Устройство опытныхъ полей значительно способствовало бы болѣе быстрому и планомѣрному распространенію новыхъ принциповъ сельскаго хозяйства. Но это ничуть не противорѣчитъ обязательному сѣвообороту, который въ данномъ случаѣ является орудіемъ болѣе широкаго распространенія усвоенныхъ и принятыхъ крестьянствомъ пріемовъ обработки.

Итакъ, если община, въ ея цѣломъ, при наличности принудительнаго сѣвооборота и можетъ нѣсколько задержать начало улучшеній, которыя бы при хуторскомъ хозяйствѣ быстрѣе вводились отдѣльными предпріимчивыми хозяевами, зато мы должны признать за общиной громадное преимущество въ дѣлѣ распространенія принятыхъ улучшеній.

Въ то время, какъ при индивидуальномъ владѣніи всякія усовершенствованія хозяйственной техники, какъ бы ни казалась очевидна ихъ польза, вводятся постепенно, при чемъ наиболѣе реакціонные хозяева попрежнему остаются при старыхъ хищническихъ способахъ обработки, тормазя общій прогрессъ сельскохозяйственной техники, — при общинѣ принятыя улучшенія сразу проводятся въ жизнь всѣми хозяевами, охватываютъ всю территорію общинной земли. По словамъ г. В. В. „травосѣяніе въ центральной нечерноземной полосѣ распространяется, главнымъ образомъ, общиннымъ путемъ. Отдѣльныя лица играютъ видную роль, лишь пока дѣло находится въ стадіи эксперимента. Когда же крестьяне убѣдятся въ выгодѣ травосѣянія — дѣло переходитъ въ руки общины, которая разрѣшаетъ вопросъ о порядкѣ травосѣянія, отводитъ для него землю, измѣняетъ, если нужно, сѣвооборотъ, покупаетъ сѣмена травъ, на деньги, собранныя по раскладкѣ, или путемъ общественнаго

займа, или пріобрѣтаетъ въ долгъ подъ круговую поруку"[1]). Конечно, здѣсь, какъ и при всякомъ нововведеніи, общинѣ приходится бороться съ своими отдѣльными членами, нерѣдко чуть ли не „силкомъ" заставляя переходить къ высшей культурѣ. Но условія борьбы въ данномъ случаѣ совершенно иныя, чѣмъ при подворномъ владѣніи. Тамъ — неограниченное право собственности, которое въ каждый моментъ можетъ быть противопоставлено самымъ прогрессивнымъ стремленіямъ большинства домохозяевъ; здѣсь же, въ общинѣ, мы встрѣчаемъ коллективное право распоряженія землей, осуществляемое всѣмъ міромъ въ его цѣломъ. Проф. А. И. Чупровъ, компетентный изслѣдователь нашего мелкаго земледѣлія, рѣшительно отрицаетъ за общиной роль задерживающаго элемента въ сельскохозяйственномъ прогрессѣ. „Мудрено доказывать,—говорилъ онъ, — недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ многія тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію — перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ"[2]). Цифры по многимъ губерніямъ ярко иллюстрируютъ роль общины въ прогрессѣ сельскохозяйственной культуры. Такъ, напримѣръ, въ Вятской губерніи къ концу 90-хъ годовъ было засѣяно травами у крестьянъ около 2 тысячъ десятинъ земли, въ то время какъ въ 92-мъ году было занято лишь 62 десятины[3]). Въ Московской губ. картина еще болѣе интересная. Въ 1891 году клеверъ сѣялся только въ 49 селеніяхъ, въ 1898 году уже въ 184 селахъ съ посѣвной площадью свыше 62 тысячъ десятинъ практиковали травосѣяніе. И, наконецъ, по даннымъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, къ 1903 году уже 806 деревенъ ввели у себя травосѣяніе. Въ Волоколамскомъ же уѣздѣ, положившемъ начало траво-

---

[1]) В. В. Прогресс. теченія, 177.

[2]) А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды, 25.

[3]) Цифры взяты у Каблукова „объ услов. развит.", 162.

сѣянію, оно въ продолженіе 6 лѣтъ успѣло распространиться почти на половину крестьянскихъ земель[1]).

Эта картина прогресса сельскохозяйственной техники станетъ еще болѣе яркой, если мы примемъ во вниманіе тѣ условія, при которыхъ происходило развитіе травосѣянія хотя бы въ той же Московской губерніи. Извѣстный агрономъ и земскій дѣятель А. А. Зубрилинъ, горячо пропагандировавшій въ предѣлахъ Московской губерніи новые способы хозяйства, въ своей рѣчи на совѣщаніи по аграрному вопросу въ апрѣлѣ 1905 года — принужденъ былъ признать малоземелье однимъ изъ самыхъ сильныхъ факторовъ, которые препятствуютъ введенію травосѣянія на крестьянскихъ земляхъ. По его словамъ, „въ Волоколамскомъ уѣздѣ, отличающемся наиболѣе широкимъ развитіемъ крестьянскаго травосѣянія, есть одна волость — Марковская, въ которой травосѣяніе упорно не прививается, и волость эта какъ разъ отличается самыми малыми размѣрами надѣловъ, достигающими въ среднемъ только 2 десятины на душу. Съ другой стороны, въ Середнинской волости, въ которой преобладающую часть населенія составляютъ государственные крестьяне съ надѣлами выше 4 десятинъ, почти во всѣхъ селеніяхъ введено правильное многопольное травосѣяніе[2]). Если принять во вниманіе, что по даннымъ комиссіи объ оскудѣніи центра средній надѣлъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ въ 1900 году равнялся 2,6 десятины, мы ясно увидимъ, что та причина, которая, по мнѣнію Зубрилина, задерживаетъ развитіе въ Московской губерніи, можетъ быть съ такимъ же правомъ перенесена и вообще на все наше крестьянское хозяйство. Малоземелье, становясь на пути прогрессу крестьянскаго хозяйства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ положительно ужасающихъ размѣровъ. Въ Симбирской, напримѣръ, губерніи надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ за періодъ съ 61-го по 1902 годъ сокра-

---

[1]) См. сборникъ „Нужды деревни“, т. II, статья А. Чупрова „Общинное землевладѣніе“; стран. 139.

[2]) Аграрный вопросъ, сборн. П. Д. Долгорукова и Петрункевича, стран. 337.

тился съ 2,6 десятины до 0,9 десятинъ. Здѣсь ужъ прямо приходится поставить крестъ надъ всякими попытками интенсификаціи земледѣлія до тѣхъ поръ, пока обновленный общественный строй не измѣнитъ коренным образомъ теперешній бытъ крестьянства, не уничтожитъ всѣ темныя стороны, которыя сдерживаютъ пробуждающееся стремленіе въ крестьянской массѣ къ болѣе раціональному веденію хозяйства. При освобожденіи крестьянъ помѣщику по добровольному соглашенію съ крестьянами разрѣшалось (123 ст. Положенія) подарить крестьянамъ $^{1}/_{4}$ надѣла, послѣ чего остальная часть надѣльной земли поступала въ собственность помѣщику, и съ этого момента всѣ обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщикомъ прекращались. Результатомъ этого узаконенія явилось то, что значительная часть крестьянъ была отпущена на волю почти безъ земли съ однимъ „дарственнымъ" или, какъ его мѣтко называютъ сами крестьяне, „нищенскимъ" надѣломъ. Общее число „дарственниковъ" по 37 губерній равнялось приблизительно, 600.000 или 0,9% общаго числа крѣпостныхъ. И здѣсь, какъ видимъ, причины, тормазящія прогрессъ сельскохозяйственной техники, лежатъ внѣ общины. Онѣ вытекаютъ изъ той уродливой обстановки, въ которую поставило общину законодательство, онѣ обусловливаются той своеобразной системой раскрѣпощенія крестьянъ, при которой попечительное законодательство съ перваго же момента освобожденія обрекло на нищенское существованіе значительную часть освобожденнаго народа.

Много нападокъ со стороны противниковъ общины, обыкновенно, обрушивается на трехпольный сѣвооборотъ, который существуетъ въ большинствѣ общинъ. Сравнивая эту систему хозяйства съ интенсивными формами въ западной Европѣ, конечно, приходится признать трехпольный сѣвооборотъ отсталымъ способомъ веденія хозяйства. Но отсюда опять-таки не слѣдуетъ, что община, практикующая его, по существу реакціонна. Для того, чтобы установить въ данномъ случаѣ регрессивное вліяніе общины, необходимо доказать, что, во-первыхъ, трехпольный сѣвооборотъ вытекаетъ изъ самой сущ-

ности общиннаго владѣнія, является необходимымъ атрибутомъ общины и, во-вторыхъ, что при индивидуальномъ подворномъ владѣніи, при отсутствіи общинной регламентаціи крестьянское хозяйство переходитъ къ высшимъ многопольнымъ системамъ полеводства. Но вотъ этого-то какъ разъ и нѣтъ. На примѣрѣ Московской, Вятской и другихъ губерній мы можемъ видѣть, насколько совмѣстимы многопольныя системы хозяйства съ наличностью общины. Слѣдовательно, трехпольный сѣвооборотъ не можетъ быть названъ характернымъ признакомъ общины, какъ таковой. Что же касается подворнаго владѣнія, то въ смыслѣ интенсивности культуры оно не можетъ быть поставлено выше общиннаго. По словамъ статистиковъ, страшнымъ бичомъ подворнаго владѣнія является такъ называемое „пестрополье", при которомъ хлѣбъ сѣется на хлѣбъ безъ всякаго отдыха для земли.

При той острой степени малоземелья, которая наблюдается у насъ, всякій крестьянинъ старается возможно больше получить съ своей земли, запахивая каждый клочокъ, на которомъ можно посѣять хлѣбъ. Нужда заставляетъ его засѣвать участокъ, предназначенный подъ паръ.

Не стѣсняемый никакими ограниченіями, мелкій индивидуальный собственникъ быстро спускается до уровня хищническаго хозяйства безъ всякаго удобренія, безъ отдыха для полей. Такъ, напримѣръ, въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ при межеваніи повсюду былъ уничтоженъ обязательный сѣвооборотъ, „всѣ мало-мальски пригодныя земли сельскаго сословія подвергаются безпрерывной изъ года въ годъ запашкѣ; хищническое истощеніе земель сокращаетъ съ каждымъ годомъ плодородіе почвы и даетъ иногда чуть не нулевые результаты"[1]). И вотъ, крестьяне силою вещей приходятъ къ необходимости введенія трехпольнаго сѣвооборота съ принудительною толокою. По цѣлому ряду другихъ мѣстностей изслѣдователями общины приводятся данныя, указывающія на отрицательное значеніе индивидуальнаго хозяйства безъ

---

[1]) В. В. Прогресс. теченія, 169.

общей смѣны полей. — По словамъ В. В. даже богатые крестьяне „стараются выгородить свою часть изъ общей смѣны для того, чтобы имѣть право сократить толоку и расширить посѣвъ" (Прогресс. теч., 170). Такимъ образомъ, положительныя черты свободнаго веденія хозяйства имѣютъ крайне темную обратную сторону. И это отрицательное вліяніе на общій прогрессъ сельскаго хозяйства совершенно затушевываетъ тѣ незначительныя выгоды свободнаго хозяйства, которыми могутъ воспользоваться только отдѣльныя лица, по преимуществу кулаки. Такимъ образомъ, трехпольный сѣвооборотъ, препятствующій переходу отдѣльныхъ хозяйствъ къ экстенсивному земледѣлію, представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ свободнымъ хозяйствомъ при подворномъ владѣніи.

Четвертый доводъ противъ общины — это дробность земельныхъ участковъ, прогрессивно увеличивающаяся параллельно съ ростомъ населенія. Но дробленіе участковъ зависитъ, во-первыхъ, отъ естественнаго прироста населенія, во вторыхъ — отъ малоземелья. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ община неповинна; эти общія причины точно такъ же вліяютъ и на подворное владѣніе, при которомъ дробность земельныхъ участковъ достигаетъ значительно большаго размѣра, чѣмъ при общинномъ. Такъ, въ Темниковскомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи) „дробленіе земельныхъ участковъ при раздѣлѣ наслѣдствъ привело къ тому, что половина владѣльцевъ (четвертныхъ) являются теперь самыми малоземельными крестьянами въ уѣздѣ" [1]). Въ западной Европѣ дробленіе земельныхъ участковъ въ силу наслѣдованія достигаетъ еще болѣе грандіозныхъ размѣровъ.

Подводя итогъ возраженіямъ противъ общины, какъ хозяйственной единицы, приходится констатировать, что всѣ они въ общей сложности бьютъ мимо цѣли, ничуть не доказывая вреда общины, какъ таковой. Часть этихъ возраженій можетъ быть отнесена вообще къ мелкому производству, — при чемъ община выступаетъ здѣсь даже какъ элементъ, нейтрализующій отрицательныя стороны мелкаго хозяйства (напр. чрез-

[1]) Н. Карышевъ. „Трудъ" и т. д., стран. 570.

полосица). Съ другой стороны, выдвигаются возраженія, усматривающія отрицательныя черты общины въ томъ, что является характернымъ свойствомъ всякой общественно-правовой организаціи, включая сюда и соціалистическое общество будущаго. Анализируя отношеніе общины къ ея отдѣльнымъ членамъ, мы видимъ, что если она и сковываетъ до нѣкоторой степени волю своихъ членовъ, то это распространяется, главнымъ образомъ, на кулаковъ и міроѣдовъ, которые дѣйствительно связаны въ своихъ дѣйствіяхъ общиннымъ строемъ. Для тѣхъ, кто въ развитіи кулачества и разслоеніи и дифференціаціи трудового крестьянства видитъ единственную панацею всѣхъ золъ современнаго строя — для тѣхъ, конечно, классъ деревенскихъ кулаковъ является необходимымъ ферментомъ прогресса; и община, подрѣзывающая крылья этимъ новымъ носителямъ культуры, должна быть признана отмирающимъ пережиткомъ прошлаго и предана анаѳемѣ на всѣхъ вселенскихъ соборахъ. Но говорить, что община связываетъ вообще крестьянство, основываясь только лишь на ея агрессивныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ сельскимъ міроѣдамъ, это значитъ не видѣть въ деревнѣ никого кромѣ кулака, и всѣ бѣды, которыя обрушиваются на послѣдняго, отождествлять съ бѣдствіями всего крестьянства.

---

8. Элементы коллективизма въ общинѣ и аграрная реформа.

Общинное владѣніе, не нося въ себѣ отрицательныхъ сторонъ индивидуальнаго подворнаго владѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ массой положительныхъ сторонъ, совершенно отсутствующихъ у послѣдняго.

Въ то время какъ при подворномъ владѣніи для производства меліоративныхъ работъ, охватывающихъ значительную площадь надѣльной земли, нужно согласіе всѣхъ заинтересованныхъ хозяевъ, при общинномъ для этой цѣли достаточно большинства. Въ первомъ случаѣ реакціонное меньшинство, или даже реакціонная единица можетъ наложить veto на всякія попытки улучшенія сельскохозяйственной культуры, во второмъ случаѣ это меньшинство принуждено подчиняться волѣ большинства. Напримѣръ, при организаціи оросительныхъ работъ, при подворномъ владѣніи достаточно нѣсколькимъ домохозяевамъ, черезъ участки которыхъ неизбѣжно должны пройти оросительные каналы, отказаться отъ участія въ этихъ работахъ, и возможность улучшенія, затрагивающаго интересы массы другихъ хозяевъ, парализуется отдѣльными реакціонными владѣльцами. Въ общинѣ, при отсутствіи у отдѣльныхъ ея членовъ права распоряженія земельными надѣлами, обстановка совершенно иная. И вотъ, здѣсь мы наблюдаемъ широкое развитіе всякаго рода общественныхъ работъ, производимыхъ общиной. Нерѣдко для производства общественныхъ работъ нѣсколько общинъ объединяются вмѣстѣ, образуя, такъ сказать, временный хозяйственный союзъ. „Такъ 33 селенія (837 ревизскихъ душъ) Туксинской дачи Олонецкаго уѣзда, нуждаясь въ сѣнѣ, порѣшили (въ концѣ 60-хъ годовъ)

осушить большое болото. Два года они міромъ проводили канавы, два года жгли орошенное пространство, послѣ чего засѣяли его хлѣбомъ, сняли три превосходныхъ урожая, а затѣмъ запустили подъ покосъ, который не только удовлетворяетъ потребность общинниковъ въ сѣнѣ, но и позволяетъ продавать его до 500.000 пудовъ ежегодно"[1]). Въ Московской губерніи еще Орловымъ зарегистровано много общинъ, предпринимавшихъ коллективныя работы по улучшенію надѣла (въ нѣсколькихъ уѣздахъ зарегистровано 200 общинъ, что составляетъ 16% всѣхъ общинъ этихъ уѣздовъ). Такія же данныя имѣются по Новгородской, Ярославской, Тверской, Оренбургской, Смоленской и другихъ губерніяхъ. Тамъ гдѣ крестьяне сознали необходимость какихъ-либо меліоративныхъ работъ, они быстро, нерѣдко всѣмъ міромъ, принимаются за нихъ, не останавливаясь передъ самыми обширными сооруженіями. Напр., въ с. Якиманскомъ крестьяне прорыли канаву въ 5 верстъ длины.

Въ мѣстахъ, гдѣ посѣвы страдаютъ отъ засухи, община часто организуетъ искусственное орошеніе. Забайкальскіе крестьяне въ рѣдкихъ случаяхъ орошаютъ свои пашни и луга въ одиночку или товариществами; въ большинствѣ случаевъ эту работу беретъ на себя община. Въ Европейской Россіи также замѣчается во многихъ мѣстахъ стремленіе крестьянъ устраивать орошенія полей. „Такъ общество крестьянъ с. Борисоглѣбовки въ теченіе 1883—1885 годовъ издержано 5000 р. на устройство запрудъ, при помощи которыхъ можно оросить до 1000 десятинъ земли"[2]). Такія огромныя для мелкихъ хозяевъ затраты возможны только въ рамкахъ тѣсной, плотно-спаянной коопераціи при наличности общиннаго права распоряженія землей, и совершенно немыслимы при подворномъ владѣніи съ широко-развитымъ индивидуальнымъ правомъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Значительнымъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія оросительныхъ сооруженій являются бѣдность и отсутствіе техническихъ знаній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне

---

1) В. В. Прогресс. теченія, стран. 205.
2) В. В. Прогресс. теченія, 214.

роютъ канавы, устраиваютъ запруды, но, въ виду недостатка техническихъ свѣдѣній, эти канавы оказываются непригодными, уклонъ не вѣренъ — и вся работа пропадаетъ даромъ.

Крестьяне Самарской и друг. губерній заботятся о разведеніи лѣсовъ и для этой цѣли производятъ лѣсонасажденія. Въ Таврической, напримѣръ, губерніи, гдѣ пахатныя земли заносятся пескомъ, крестьяне засаживаютъ шемогой мѣста, которымъ грозитъ заносъ пескомъ.

Въ Чистопереволочной вол., Оханскаго у., Пермской губ. крестьяне отвели подъ лѣсонасажденіе всѣ неудобныя мѣста на своихъ поляхъ. Нерѣдко община коллективными усиліями расчищаетъ участки отъ зарослей и лѣса подъ пахать. Часто та земля, которая коллективнымъ трудомъ приведена въ пригодное для обработки состояніе, не дѣлится по душамъ, а засѣвается и обрабатывается всей общиной, при чемъ только убранный хлѣбъ дѣлится между отдѣльными хозяевами.

На почвѣ отсутствія частной собственности на землю въ общинѣ развивается коллективное начало, которое и проявляется во всѣхъ случаяхъ, гдѣ во имя общихъ интересовъ требуется значительная затрата труда. Здѣсь отдѣльные хозяева тотчасъ же объединяются въ артель и общими усиліями достигаютъ такихъ результатовъ, которые не подъ силу мелкимъ изолированнымъ хуторскимъ хозяйствамъ. Но кромѣ этихъ, сравнительно рѣдкихъ случаевъ, когда требуется трудъ всей общины, въ повседневной жизни крестьянства (даже и при подворномъ владѣніи) можно видѣть массу мелкихъ артелей, организующихся часто для какого-нибудь отдѣльнаго акта и тотчасъ же по его окончаніи распадающихся впредь до новой нужды въ нихъ.

Въ Малороссіи широко развита обработка земли такъ называемой „супрягой". При недостаткѣ орудій производства или скота отдѣльные малоскотные хозяева „складываются", соединяютъ свой скотъ, и обрабатываютъ землю сообща. Такое соединеніе и носитъ названіе „супряги". Супряжники пользуются сборнымъ плугомъ по очереди, пропорціонально количеству скота каждаго хозяина, участвующаго въ производствѣ. О распространенности супряги даютъ нѣкоторое пред-

ставленіе слѣдующія цифры по Черниговской губ. Въ Козелецкомъ у., по даннымъ А. Карелина, 34% всѣхъ хозяевъ обрабатываютъ землю супрягой, въ Борзенскомъ 90% запахиваютъ какъ свои такъ и снятыя земли супрягой (l. c., стран. 176). Другая форма совмѣстной работы — „помочь“ встрѣчается чуть ли не вездѣ въ Россіи. Организуется она при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ для различныхъ работъ. Иногда „помочь“ устраивается съ чисто-филантропическими цѣлями. Такъ, въ какой-либо праздникъ крестьяне всей деревней обрабатываютъ землю или убираютъ хлѣбъ маломочныхъ хозяевъ, больныхъ, вдовъ или сиротъ. Во Владимирской, напримѣръ, губерніи въ холерные годы міръ высылалъ по наряду бабъ для уборки хлѣба больныхъ односельчанъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ видѣ платы за „помочь“ хозяева кормятъ обѣдомъ и ставятъ „угощенье“. Въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ Вяземскомъ у., „для бѣдныхъ, вдовъ и убогихъ — помочь (напротивъ) обходится очень дешево, такъ какъ косцы не требуютъ отъ нихъ большого угощенія, а работаютъ „для ради Христа“ [1]). Наконецъ, самая идея помочи настолько глубоко проникаетъ въ жизнь народа, что помочь безъ всякаго предварительнаго уговора чисто естественнымъ путемъ возникаетъ тамъ, гдѣ ощущается въ ней нужда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при жнивѣ, напримѣръ, „окончившая раньше всѣхъ работу женщина переходитъ на полосу сосѣдки, онѣ вдвоемъ дожинаютъ хлѣбъ, идутъ на третью полосу и такъ до тѣхъ поръ, пока на полосѣ самой слабой изъ женщинъ собирается цѣлая помочь, быстро сжимающая хлѣбъ“ [2]).

Многія общины выдѣляютъ у себя нѣкоторую часть земли, которую обрабатываютъ сообща коллективнымъ трудомъ. Хлѣбъ, полученный съ этого поля, идетъ или на заполненіе общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ или на удовлетвореніе какихъ-либо иныхъ мірскихъ потребностей. Въ однѣхъ общинахъ эти общественныя запашки существуютъ непрерывно,

---

1) А. Карелинъ, 173.
2) Ibid. 174.

въ другихъ устраиваются по мѣрѣ надобности и прекращаются вслѣдъ за удовлетвореніемъ потребности, ихъ вызвавшей. Въ дореформенное время общественныя запашки производились крестьянами по приказанію начальства. Результатомъ этого явилось недружелюбное отношеніе крестьянъ вообще къ общественной запашкѣ, такъ что послѣ освобожденія крестьянъ общественныя запашки значительно сокращаются. Но затѣмъ снова замѣчается возобновленіе общественныхъ запашекъ тамъ, гдѣ онѣ вызываются самой жизнью, гдѣ крестьяне начинаютъ сознавать ихъ полезность[1]). Болѣе широкое развитіе общественныхъ запашекъ задерживается все тѣми же общими условіями, которыя и въ другихъ случаяхъ накладываютъ путы на развитіе сельскохозяйственной техники. Малоземелье, въ связи съ крайней бѣдностью отдѣльныхъ домохозяевъ, не даетъ возможности выдѣлить часть надѣльныхъ земель подъ общественныя запашки. Деревенскіе кулаки также въ значительной степени способствуютъ разложенію этой формы коллективнаго труда.

Резюмируя сказанное раньше, мы должны признать, что схема историческаго развитія, принятая марксистами, безжалостно разбивается жизнью. Разложеніе общины, давно предсказывавшееся ихъ теоретиками, не только не совершается, но, наоборотъ, блестящая разработка цифровыхъ данныхъ, сдѣланная Качоровскимъ, указываетъ на неуклонный ростъ общиннаго права, на постепенное усовершенствованіе и приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни общиннаго передѣльнаго механизма. Даже марксисты „несмотря на пролетарскую точку зрѣнія, являющуюся для нихъ чѣмъ-то въ родѣ зеркала съ неровной поверхностью, отражающаго дѣйствительность въ самомъ уродливомъ видѣ — не могли не замѣтить этого процесса.

И вотъ, г. Масловъ въ своей книгѣ съ душевной болью сознается, что „все-таки общинное землевладѣніе, какъ форма владѣнія и пользованія, является *гибкимъ и способнымъ для*

---

[1]) „Такъ, въ Пензенской губ. въ 1881 г. подъ запашками (974) было 9407 дес., а весною 1886 г.—13667 дес. (крестьяне этой губерніи относились къ запашкамъ съ предубѣжденіемъ, но потомъ практика заставила ихъ перемѣнить свои взгляды)“. А. Карелинъ, 180.

приспособленія къ другимъ хозяйственнымъ условіямъ" [1]). Это ли не прогрессъ! Тамъ же, нѣсколькими страницами раньше г. Масловъ допускаетъ „что при однихъ хозяйственныхъ условіяхъ община является наиболѣе благопріятной формой землевладѣнія для хозяйственнаго развитія, при другихъ является тормазомъ" [2]). Къ сожалѣнію, г. Масловъ отдѣлывается только подобнаго рода замѣчаніями, не пытаясь глубже проанализировать общину, не пробуя опредѣлить степень „гибкости" этой формы владѣнія, учесть болѣе точно ея способность приспособленія къ другимъ хозяйственнымъ условіямъ. Еще нѣсколько шаговъ въ сторону болѣе детальнаго анализма дѣйствительности — и г. Маслову пришлось бы натолкнуться на цѣлый комплексъ процессовъ, кореннымъ образомъ противорѣчащихъ тезисамъ марксистской догмы. Но свойственное въ этомъ отношеніи с.-д-амъ благоразуміе накладываетъ запрещеніе на дальнѣйшія изысканія г. Маслова, могущія завести его въ концѣ концовъ въ дебри исканія новыхъ цѣнностей. Вотъ поэтому-то, вмѣсто яснаго и опредѣленнаго рѣшенія вопроса, г. Масловъ ограничивается отдѣльными ни къ чему не обязывающими замѣчаніями. Подобное отношеніе имѣетъ для насъ большое чисто симптомастическое значеніе, указывая на то, что и въ самомъ лагерѣ воинствующихъ марксистовъ съ вопросомъ объ общинѣ не такъ-то ужъ благополучно. Приходится и здѣсь прибѣгать къ оговоркамъ и пояснительнымъ замѣчаніямъ для того, чтобы хоть сколько-нибудь затушевать бьющее въ глаза противорѣчіе между марксистской догмой и условіями нашей сельскохозяйственной дѣйствительности.

Соціалъ-демократическая теорія на Западѣ также болѣе или менѣе прогрессируетъ по линіи послѣдовательнаго смягченія первоначальной категоричности своихъ доктринъ. Фатальная неизбѣжность гибели мелкаго производства и пролетаризація крестьянъ, являющіяся лейтмотивомъ всѣхъ прежнихъ марк-

[1]) П. Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. С.-Пб. 1903 г. стран. 362 (курсивъ мой В. У.).

[2]) Ibid. 355.

систкихъ произведеній, теперь уже отрицаются самими защитниками догмы. Цѣлый рядъ расширенныхъ толкованій и комментаріевъ до неузнаваемости измѣняютъ прежнюю точку зрѣнія ортодоксальнаго марксизма. Въ 90-хъ годахъ Энгельсъ писалъ, что „мелкій крестьянинъ невозвратно осужденъ на гибель, какъ и всякій пережитокъ старой формы производства. Онъ — будущій пролетарій“ [1]). Ученикъ и послѣдователь Энгельса, Каутскій, въ своемъ отвѣтѣ на книгу Давида признается, что „мы (т.-е. с.-д-ты. *В. У.*) не ждемъ болѣе исчезновенія мелкаго хозяйства (К. Каутскій, Соціализмъ и сельское хозяйство, стр. 33.). „Крестьянинъ исчезаетъ не такъ быстро, какъ мы ожидали. За послѣднія десятилѣтія онъ потерялъ очень мало земли, а, пожалуй, и совсѣмъ не потерялъ ся“ (ibid., стран. 29). Какъ видимъ, между категорическимъ утвержденіемъ Энгельса и робкими вынужденными оговорками Каутскаго, готоваго даже совершенно разстаться съ мыслью объ исчезновеніи мелкаго хозяйства дистанція огромнаго размѣра. И этотъ путь постепеннаго очищенія старыхъ позицій подъ напоромъ фактовъ жизни западно-европейская соціалъ-демократія принуждена была совершить въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Тотъ же Каутскій въ Эрфуртской программѣ рѣшительно приговаривалъ къ смерти мелкое хозяйство. По его словамъ „въ итогѣ оказывается, что самостоятельное мелкое хозяйство исчезаетъ и тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе не тѣснитъ его“ [2]). А теперь ему самому же приходится отказываться отъ своихъ старыхъ положеній, расписываться въ ихъ полномъ банкротствѣ.

Этотъ поворотъ во взглядахъ западно-европейской соціалъ-демократіи отразился въ извѣстной мѣрѣ и на ихъ отношеніи къ крестьянству, которое уже не игнорируется какъ безнадежный въ смыслѣ усвоенія соціалистическаго ученія элементъ. Аграрная программа французской рабочей партіи (принятая въ 1894 году въ Нантѣ) вводитъ нѣсколько крайне инте-

---

[1]) Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи, изд. „Молодой Россіи“, 48.

[2]) К. Каутскій. Эрфуртская программа, изд. „Соціалдемократъ“, 27.

ресныхъ пунктовъ, ярко отмѣчающихъ „новый курсъ“. Такъ, напримѣръ, по 3-му и 4-му пунктамъ требуется:

„§ 3. Воспрещеніе общинамъ отчуждать свои общинныя земли; предоставленіе государствомъ въ распоряженіе общинъ государственныхъ, приморскихъ и всякихъ другихъ необработываемыхъ земель; употребленіе излишковъ общинныхъ бюждетовъ па увеличеніе общинной собственности“.

„§ 4. Передача общиной уступленныхъ ей государствомъ, собственныхъ, купленныхъ земель отдѣльнымъ или соединеннымъ въ группы безземельнымъ, которые должны пользоваться только доходомъ съ нихъ, но не имѣютъ права употреблять наемный трудъ и обязуются вносить извѣстную часть своего дохода въ пользу бюджета коммунальнаго призрѣнія“)[1].

Бельгійская рабочая партія въ своей аграрной программѣ требуетъ „постепенной экспропріаціи земли государствомъ или общинами“[2]). Аналогичныя тенденціи въ той или иной формѣ замѣчаются въ Баварской, Венгерской, Швейцарской и другихъ соціалистическихъ программахъ. Нигдѣ мелкое хозяйство и особенно община не придаются тому безпощадному остракизму, который у насъ, съ легкой руки г. Волгина, примѣняется марксистами ко всякой формѣ народнаго быта, гдѣ только не усматривается отраднаго для нихъ процесса „буржуазнаго развитія“. Въ то время, когда на Западѣ при жалкихъ остаткахъ общины соціалистическія партіи крайне бережно относятся къ этимъ обломкамъ народнаго права, наши соціалъ-демократы съ настойчивостью достойной лучшаго примѣненія все еще твердятъ о разрушеніи общины. Безаппеляціонность, обусловленная въ значительной мѣрѣ слабымъ знакомствомъ съ эволюціей русской общины, составляетъ характерную черту этихъ разсужденій. Одинъ изъ новыхъ соціалъ-демократическихъ публицистовъ, г. Станиславъ (А. Вольскій), доходитъ положительно до геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ нападкахъ на общину. „Роль общины для насъ, марксистовъ, — говоритъ онъ, — ясна и не подвергается никакимъ сомнѣніямъ“[3]). Но Масловъ, на котораго такъ

---

[1]) Агр. прогр. соціалист. партій въ Западной Евр. и Россіи, составилъ Н. С., стран. 13.

[2]) Ibid., стран. 17 (курс. вездѣ мой В. У.).

[3]) Станиславъ (А. Вольскій). Націонализація земли, стран. 72.

любитъ ссылаться г. Станиславъ, и котораго онъ несомнѣнно не можетъ не причислить къ марксистамъ — какъ разъ указываетъ на сложность вопроса объ общинѣ, на то, „что категоричное рѣшеніе вопроса и въ ту и въ другую сторону совершенно неправильно“ [1]). На дѣлѣ оказывается, что роль общины не такъ-то ужъ ясна даже и марксистамъ, какъ хотѣлъ бы того г. Станиславъ. Въ полемическомъ увлеченіи авторъ брошюры видитъ въ общинѣ даже элементъ, „отравляющій сознаніе пролетарскихъ слоевъ крестьянства“, и откровенно заявляетъ, что „никакія тактическія соображенія не могутъ заставить насъ (т.-е. г. Станислава) занять по отношенію къ ней нейтральную позицію“. Община должна быть разрушена въ интересахъ „коммерческаго принципа“, а нынѣшніе общинники, исповѣдующіе право каждаго трудящагося на землю, должны быть поставлены въ условія, благопріятныя для ихъ скорѣйшей пролетаризаціи. Таковъ основной припѣвъ г. Станислава.

Единственной положительной чертой литературныхъ упражненій г. Станислава является извѣстная доля откровенности, отсутствущая у его собратьевъ по оружію. Стремленіе насадить въ деревнѣ капитализмъ затушевывается обыкновенно у марксистовъ потоками трескучей и туманной фразеологіи, у г. Станислава выступаетъ ярко и рельефно, демонстрируя во всей неприглядной наготѣ внутреннюю сущность соціалъ-демократической позиціи въ аграрномъ вопросѣ. Въ этомъ, и только лишь въ этомъ его несомнѣнная заслуга.

Это стремленіе насадить индивидуализмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ расходится съ эволюціей формъ народной жизни, представляющей въ общинѣ послѣдовательный ростъ коллективнаго права, неуклонное смягченіе и вытѣсненіе индивидуалистическихъ началъ. Для народа, выставившаго трудовыя соціальныя требованія, подобная точка зрѣнія является тѣмъ же пережиткомъ прошлаго, какимъ для ортодоксальнаго марксиста рисуется община. Аграрная программа должна расчистить путь для широкаго и свободнаго развитія

---

[1]) П. Масловъ. Условія развитія и т. д., 355.

въ деревнѣ коллективизма, зачатки котораго мы наблюдаемъ даже въ современной общинѣ. А для этого, прежде всего, надо разбить тѣ соціальныя и политическія оковы, которыя затрудняютъ въ деревнѣ свободное развитіе общественныхъ формъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ задерживающихъ факторовъ, какъ мы уже не разъ это констатировали, является малоземелье. Никакія коренныя соціальныя преобразованія, никакой прогрессъ въ области сельскохозяйственной культуры немыслимы при сохраненіи этого бича современнаго крестьянскаго хозяйства. Только полный переходъ въ руки трудящихся слоевъ населенія всей земельной собственности можетъ гарантировать возможность дальнѣйшей эволюціи крестьянскаго хозяйства. И партія соціалистовъ-революціонеровъ, выставившая въ своей программѣ-minimum въ качествѣ одного изъ требованій соціализацію земли, т.-е. „изъятіе ея изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе“, наиболѣе полно выражаетъ интересы трудящихся массъ, синтезируя въ своей программѣ трудовыя воззрѣнія народа въ связи съ намѣтившейся эволюціей въ области аграрныхъ отношеній въ стройную цѣлостную политическую и соціальную программу, съ рѣзко наступательной тенденціей по отношенію къ основнымъ устоямъ буржуазнаго строя.

Право на трудъ, проникающее собой всю эволюцію русской общины, по необходимости замкнутое сравнительно узкими рамками этого хозяйственнаго союза, въ этой программѣ выростаетъ въ болѣе широкое и столь же субъективное право каждаго гражданина на приложеніе своего труда къ землѣ. Это право является въ такой же мѣрѣ неотъемлемымъ аттрибутомъ личности, какъ и остальныя публичныя права — свобода слова, печати и проч. Соціализація земли не есть переходъ земли изъ собственности отдѣльныхъ лицъ въ собственность государства, общины или какого-либо иного общественнаго союза. Она является, не какъ то думаетъ г. Масловъ, проектомъ насажденія „мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ вмѣсто помѣщика.“ „Нѣтъ, если мы дѣйствительно хотимъ послѣдовательной

борьбы съ собственническимъ началомъ, то мы неминуемо должны придти не къ идеѣ товарищеской или общинной, или земской, или, даже, государственной собственности — мы придемъ къ установленію общенародныхъ правъ на землю, къ идеѣ полнаго освобожденія земли отъ путъ „священной собственности", къ идеѣ превращенія земли *„въ общенародное достояніе"* [1]). Такимъ образомъ, личность не будетъ задавлена государствомъ или общиной. Въ рукахъ общества она не будетъ послушнымъ орудіемъ, пассивно подчиняющимся его велѣніямъ. Она сама, по отношенію къ тому же обществу, будетъ надѣлена неотъемлемымъ правомъ, которое она можетъ всюду защищать — правомъ на землю. При этихъ условіяхъ право каждаго отдѣльнаго гражданина ограничивается суммой правъ всякаго другого гражданина.

Община, съ ея отрицаніемъ индивидуальной собственности на землю, является наиболѣе удобнымъ соціальнымъ институтомъ, способнымъ усвоить и претворить въ жизни это новое соціальное право. Динамическій процессъ эволюціи общинныхъ формъ даетъ намъ прочный базисъ для построенія дальнѣйшихъ этаповъ развитія общины, которое въ новой соціальной и политической обстановкѣ, при отсутствіи задерживающихъ элементовъ, пойдетъ столь же неуклонно, но болѣе быстрымъ темпомъ по пути всесторонняго развитія зародышей будущаго коллективизма.

Увеличивая крестьянское землепользованіе, соціализація земли разрушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ другихъ темныхъ сторонъ народной жизни, неразрывно связанныхъ съ частной собственностью на землю.

Продовольственная аренда и система „отработковъ" поглощаютъ громадную часть крестьянскаго труда. Земельный фондъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ является средствомъ порабощенія крестьянскихъ массъ. Необходимость въ арендѣ вынуждаетъ крестьянъ платить чудовищныя цѣны за землю, нерѣдко превышающія ея доходность. Для того, чтобы выра-

---

[1]) Народный Вѣстникъ, № 2, „Соціализація земли".

ботать хотя бы на уплату за аренду, крестьянину приходится до послѣдней степени напрягать свой трудъ, но тяжелыя условія дѣйствительности только сильнѣе запутываютъ его положеніе, отдавая его во власть кулаку. Такимъ образомъ, уничтоженіе частной собственности на землю является уничтоженіемъ самой отрицательной формы эксплуатаціи, при которой капиталъ, отнимая значительную долю продукта у непосредственныхъ производителей, способствуетъ регрессу въ области сельскохозяйственной техники, не внося съ собой творческихъ началъ въ самый процессъ производства.

Не вдаваясь въ детальную разработку способовъ конкретнаго проведенія въ жизнь общихъ принциповъ аграрной реформы, такъ какъ это не входитъ въ задачу настоящей работы, мы попытаемся отвѣтить на тѣ возраженія, болѣе или менѣе общаго принципіальнаго характера, которыя, — главнымъ образомъ соціалъ-демократами, — выдвигаются противъ соціализаціи земли. Къ сожалѣнію, приходится съ первыхъ же шаговъ констатировать, что большинство этихъ возраженій или на прямомъ непониманіи сущности проектируемой реформы, или на намѣренномъ извращеніи изъ чисто стратегическихъ соображеній взглядовъ противника. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ со стороны марксистскихъ публицистовъ мы можемъ наблюдать все, что угодно — вплоть до рыцарскихъ турнировъ съ призраками, созданными досужей фантазіей защитниковъ „единой“ догмы, но отнюдь не научную критику программы. Трудно себѣ представить какое-либо обвиненіе, которое бы не взводилось тѣмъ или инымъ марксистомъ на соціализацію земли. Въ одномъ случаѣ ея сторонниковъ упрекаютъ въ „мелкобуржуазности“ ихъ программы, въ другомъ случаѣ, со стороны тѣхъ же „критиковъ“, сыпятся нападки за то, что они будто бы хотятъ немедленно же ввести въ деревнѣ соціализмъ. И вся эта груда взаимно уничтожающихъ другъ друга обвиненій обильно сдабривается каскадами звонкихъ фразъ и боевыхъ словечекъ, не имѣющихъ подъ собой никакой твердой почвы и разсчитанныхъ на довѣрчивость читателя. Тотъ же г. Масловъ,

напримѣръ, съ самымъ серіознымъ видомъ увѣряетъ, будто „народники“ своей аграрной программой „надѣются упразднить пролетаріатъ“[1]). Доказавъ всю несбыточность подобныхъ мечтаній, г. Масловъ празднуетъ побѣду. Къ сожалѣнію, ни въ одной книжкѣ с.-р-овъ, посвященной аграрной программѣ, не говорится объ упраздненіи пролетаріата. Наоборотъ, вездѣ положительно всѣми авторами, затрагивающими этотъ вопросъ, указывается на то равновѣсіе между городомъ и деревней, которое наступитъ послѣ соціализаціи земли и при которомъ борьба городскихъ рабочихъ съ капиталомъ будетъ поставлена въ болѣе нормальныя условія. Проглядѣть этого г. Масловъ, конечно, не могъ. „Упраздненіе пролетаріата“ — чистѣйшій вымыселъ, и отвѣтственность за него мы оставляемъ на литературной совѣсти г. Маслова, который, въ пылу полемики, повидимому, готовъ „упразднить“ всякое чувство мѣры въ искаженіи чужихъ программъ.

Наиболѣе серіознымъ возраженіемъ противъ соціализаціи земли является указаніе на практическую неосуществимость ея въ рамкахъ буржуазнаго строя. Критики находятъ, что разлагающее вліяніе капиталистическаго строя слишкомъ глубоко проникло въ деревню, пустило тамъ прочные корни; и изъятіе земли изъ товарнаго оборота, при наличности всѣхъ прочихъ сторонъ буржуазнаго строя, не можетъ избавить деревню отъ той или иной формы капиталистической эксплуатаціи. Но вѣдь и сторонники соціализаціи менѣе всего склонны преувеличивать результаты аграрной реформы, которая еще не можетъ, разумѣется, создать идеальнаго строя. Они всегда проводили рѣзкую демаркаціонную линію между соціализаціей земли какъ соціальной реформой, возможной въ рамкахъ буржуазнаго общества, и полнымъ обобществленіемъ производства, предполагающимъ общій крахъ всего буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ.

Несомнѣнно, что соціализація земли однимъ взмахомъ не сможетъ уничтожить эксплуатацію хотя бы ростовщическаго капитала, который въ настоящій моментъ душитъ деревню

[1]) Критика аграрн. программъ, 19.

въ своихъ тискахъ. Слѣдовательно, статически, на другой день послѣ осуществленія аграрной реформы, мы предполагаемъ въ деревнѣ наличность этого вида эксплуатаціи. Точно также и послѣ соціальной революціи, несомнѣнно, останется масса пережитковъ прошлаго капиталистическаго періода, которые быстро растворятся въ новой соціальной атмосферѣ. Малоземелье, въ связи съ непосильнымъ обложеніемъ и обнищаніемъ крестьянина, явилось факторомъ развитія въ деревнѣ кулацкаго капитала. Съ переходомъ всей земельной собственности въ руки народа, съ измѣненіемъ политическаго строя, а, слѣдовательно, и системы податного обложенія — эти причины исчезаютъ. Кабальная зависимость по отношенію къ собственникамъ смѣнится свободнымъ пользованіемъ земельнымъ фондомъ. Съ исчезновеніемъ причинъ, вызвавшихъ разложеніе деревни, будетъ съ большей или меньшей быстротой уменьшаться и слѣдствіе, явившееся въ результатѣ дѣйствія этихъ причинъ. Слѣдовательно, если мы будемъ разсматривать аграрную реформу со стороны динамики, то мы увидимъ, что соціализація земли положитъ начало быстрому вытѣсненію изъ деревни ростовщическаго капитала и вообще капиталистической эксплуатаціи непосредственныхъ производителей въ различныхъ формахъ, не уничтожая ея вполнѣ. Такимъ образомъ, мы не надѣемся чисто механически приспособить народную жизнь къ программѣ. Наоборотъ, аграрная программа и ея осуществленіе въ жизни, сливаясь съ тенденціями общинной жизни, только расширитъ дорогу для развитія тѣхъ процессовъ, которые и теперь не трудно разсмотрѣть за тяжелыми пластами посторонних наслоеній.

Противники соціализаціи земли особенно любятъ указывать, на отсутствіе инвентаря у крестьянъ какъ на одинъ изъ аргументовъ, доказывающихъ утопичность этой реформы. „Прожектеры даже не говорятъ, — восклицаетъ г. Масловъ — откуда возьметъ безхозяйное населеніе орудія производства и инвентарь, чтобы уравнительно пользоваться землею“ [1]). П. Вихляеевъ, въ своихъ очеркахъ изъ сельскохозяйственной

---

[1]) Критика аграрн. программъ, 23.

дѣйствительности", даетъ талантливую разработку цифровыхъ данныхъ военно-конскихъ переписей. По этимъ даннымъ у крестьянъ замѣчается значительный избытокъ конской силы сравнительно съ количествомъ обрабатываемой земли. Такимъ образомъ расширеніе крестьянской запашки только дастъ возможность использовать этотъ избытокъ силы, которая въ настоящій моментъ не всегда находитъ себѣ примѣненіе. Да и въ настоящее время значительная часть помѣщичьей земли обрабатывается крестьянами, при чемъ эта обработка носитъ въ большинствѣ случаевъ кабальный характеръ отработочной системы. А. Чупровъ приводитъ по этому вопросу очень интересныя данныя:

По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1905 годъ площадь владѣльческихъ ржаныхъ посѣвовъ опредѣлялась для Московской губ. лишь 4,7% всей площади этихъ посѣвовъ, для Тверской губ. — 8,4%, а для пяти подмосковныхъ губ. — 13,5%. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ Нижегородской губ. въ крестьянской эксплуатаціи находится $^9/_{10}$ всей пашни и $^6/_7$ всѣхъ сѣнокосовъ; въ Ржевскомъ у. Тверской губ. въ обработкѣ крестьянъ находится болѣе 90 % всей земли; въ Ярославской губ. «частновладѣльческіе посѣвы занимаютъ 10% общей посѣвной площади". Въ Черниговской губ. „широко распространенная испольная система фактически привела къ тому, что землевладѣльцы въ наибольшей своей части не располагаютъ болѣе ни живымъ ни мертвымъ инвентаромъ, необходимымъ для сельскаго хозяйства и т. д. [2]).

Переходъ всей этой земли въ трудовое пользованіе народа только лишь уничтожитъ ту ненормальную обстановку, при которой крестьянину въ настоящее время приходится на чисто кабальныхъ условіяхъ пользоваться этой же самой землей. Соціализація этихъ земель дастъ толчокъ развитію сельскохозяйственной культуры, которая теперь, особенно на арендныхъ земляхъ, носитъ крайне экстенсивный характеръ. Итакъ въ общей сложности крестьянскаго инвентаря оказывается достаточно для того, чтобы „осилить" землю послѣ соціализаціи ея.

Но, вотъ, какъ быть безлошаднымъ хозяевамъ, уже уте-

---

[2]) Цитир. по Л. Шишко. По программнымъ вопросамъ, 52.

рявшимъ живой инвентарь? Смогутъ ли они пристроиться къ землѣ? Этотъ вопросъ сильно озабочиваетъ соціалъ-демократовъ, и въ ихъ рукахъ является чуть ли не главнымъ аргументомъ противъ соціализаціи земли. Но и это возраженіе не такъ-то ужъ убѣдительно. Неудобства, сопряженныя съ отсутствіемъ или недостаткомъ у отдѣльныхъ домохозяевъ живого инвентаря, могутъ быть въ значительной мѣрѣ устранены раціональной постановкой кредитнаго дѣла, организаціей мелкихъ кредитныхъ товариществъ для выдачи ссудъ на обзаведеніе инвентаремъ, широкой организаціей меліоративнаго кредита и т. п. Мы видимъ, что даже теперь, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ существованія, при наличности наиболѣе тяжелыхъ формъ эксплуатаціи — крестьянство стойко борется за свое существованіе, удерживая въ своихъ рукахъ землю и даже расширяя запашку путемъ аренды и покупки помѣщичьей земли. Эта стойкость въ борьбѣ является лучшей гарантіей жизнеспособности крестьянскаго хозяйства, лучшимъ залогомъ его способности къ дальнѣйшему развитію. Вѣра въ значительную роль товарищескихъ кассъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія крестьянскаго хозяйства, не можетъ быть названа наивной утопіей, какъ то думаютъ марксисты. Примѣръ Западной Европы доказываетъ намъ, до какой мощи могутъ развиться эти мелкія товарищества, какую огромную роль они могутъ играть въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго прогресса. Въ Германіи, напримѣръ, „Всеобщій союзъ германскихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ“ въ 1900 г. насчитывалъ 4343 мѣстныхъ кассы. Число участниковъ этихъ кассъ, составлявшее въ 1895 г. только 93417 — въ 1900 г. возросло до 319.483. Такой же колоссальный ростъ ихъ денежнаго оборота даетъ намъ картину быстраго усвоенія крестьянами выгодъ мелкаго кредита. Такъ въ 1895 г. денежный оборотъ товариществъ равнялся 166,56 милл. марокъ, а въ 1900 г. 765,75 милл. марокъ. Другой кредитный союзъ, такъ называемый „Нейвидскій“, также имѣетъ большое значеніе, насчитывая до 3850 организацій (1902 г.) при годовомъ денежномъ оборотѣ въ 540 милл.

марокъ. Денежный же оборотъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ кассъ въ 1901 году составлялъ 1.920 милліоновъ марокъ противъ 119,58 милліоновъ въ 1894 года.

Компетентный изслѣдователь аграрныхъ отношеній Эд. Давидъ придаетъ большое значеніе этимъ кассамъ. „Деревенскій ростовщикъ", говоритъ онъ, „которому марксисты—теоретики въ 60-хъ годахъ приписывали такую большую роль въ процессѣ перехода отъ крестьянскаго къ капиталистическому землевладѣнію, этотъ деревенскій кулакъ обреченъ на гибель"[1]). Гарантіей того, что эти кассы не выродятся въ капиталистическія кредитныя учрежденія могутъ служить тѣ общіе принципы, на которыхъ онѣ построены. Вкладчики въ эти кассы совершенно не пользуются дивидендомъ, получая за свои вклады очень низкій процентъ.

При учетѣ возможности развитія у насъ мелкаго кредита послѣ осуществленія аграрной реформы не надо забывать, что развитіе кредитныхъ товариществъ въ Германіи происходило въ крайне неблагопріятной атмосферѣ широко развитаго собственническаго индивидуализма мелкаго крестьянства при наличности огромныхъ латифундій помѣщиковъ, желѣзнымъ кольцомъ сковавшихъ мелкое хозяйство. Если же мы представимъ себѣ все это въ той обстановкѣ, которая создается при уничтоженіи частной собственности на землю, въ атмосферѣ глубоко вошедшихъ въ народную жизнь общинно-трудовыхъ воззрѣній крестьянства—эта картина будетъ еще болѣе блестяща, еще болѣе богата красками.

Нерѣдко соціалистовъ-революціонеровъ упрекаютъ еще и въ томъ, что они хотятъ насадить въ деревнѣ мелкое индивидуальное производство, изгнавъ крупное капиталистическое. А такъ какъ крупное производство несомнѣнно экономически выгоднѣй мелкаго, то отсюда стремленіе соціалистовъ-революціонеровъ насаждать мелкое хозяйство является безплодной попыткой вернуться къ отжившимъ хозяйственнымъ формамъ и можетъ быть квалифицировано, выражаясь на марксистскомъ жаргонѣ, какъ „вредная реакціонная утопія". Единственно,

[1]) Эд. Давидъ. „Соціализмъ и сельское хозяйство", 459.

что вѣрно, въ этомъ возраженіи — это то, что осуществленіе аграрной реформы, отстаиваемой нами, предполагаетъ вытѣсненіе изъ деревни капиталистическаго хозяйства вообще, независимо отъ его размѣра, и замѣну его трудовымъ хозяйствомъ непосредственныхъ производителей безъ эксплуатаціи наемнаго труда. Но поскольку капиталистическое хозяйство можетъ обладать самыми различными размѣрами, отъ небольшихъ формъ и до гигантскихъ латифундій, постольку и понятіе „трудовое" хозяйство не носитъ въ себѣ опредѣленія его размѣра. Каждая изъ этихъ двухъ хозяйственныхъ формъ, рѣзко отличаясь одна отъ другой качественно, могутъ быть равными количественно, т.-е. въ смыслѣ размѣра площади, количества занятыхъ въ производствѣ рабочихъ рукъ и т. п. Отождествлять „трудовое" хозяйство съ мелкимъ производствомъ мы не имѣемъ права, такъ какъ при кооперацін и вообще артельныхъ соединеній возможно самое крупное производство при сохраненіи во всей чистотѣ трудовыхъ принциповъ. Каутскій, еще въ своей книгѣ „Аграрный вопросъ", отказавшійся отъ мысли о возможности полнаго изчезновенія мелкаго производства, въ настоящее время допускаетъ, что „при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ возможно, что самой раціональной величиной будетъ какъ разъ мелкое хозяйство въ духѣ Давида"[1]), ставя превосходство послѣдняго передъ крупнымъ въ зависимость отъ условій „техники, почвы и рода производства". Соціализація земли точно также не можетъ опредѣлить размѣра и способа производства, которые установятся въ зависимости отъ техническихъ преимуществъ той или иной формы хозяйства. Она только создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для развитія тѣхъ же „производительныхъ силъ", которыя, несмотря на самое горячее желаніе марксистовъ, никакъ не хотятъ развиваться въ рамкахъ буржуазной собственности на землю.

Въ дальнѣйшей эволюціи хозяйство непосредственныхъ производителей будетъ приспособлятьтя къ новымъ условіямъ жизни, вырабатывая болѣе раціональные способы обработки.

[1]) Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство, 42.

Процессъ обобществленія производства, который, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, можетъ наступить только послѣ періода капиталистическаго хозяйства, какъ антитеза послѣдняго, въ трудовомъ хозяйствѣ пойдетъ безболѣзненно путемъ постепеннаго совершенствованія формъ, какъ результатъ внутренней работы созиданія.

Община и въ этомъ отношеніи является наиболѣе удобнымъ соціальнымъ институтомъ, въ рамкахъ котораго можетъ происходить эволюція хозяйственныхъ формъ. Мы уже теперь можемъ наблюдать при общинномъ землевладѣніи коллективное пользованіе нѣкоторыми видами угодій: пастбищами, иногда лугами, лѣсомъ и рыболовными угодьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и часть пашни находится подъ общественной запашкой. Наконецъ, всякаго рода артельныя соединенія, какъ мы уже видѣли, сильно развиты въ крестьянскомъ быту, а тѣмъ болѣе въ общинѣ. При осуществленіи общенародныхъ правъ на землю эти полузадавленные политическимъ и экономическимъ гнетомъ общинные навыки быстро разовьются въ новой соціальной средѣ. Агрономическая наука также придетъ на помощь своими знаніями, пропагандируя выгоду новыхъ способовъ хозяйства и коллективнаго труда. Пріобрѣтеніе общиной улучшенныхъ орудій производства, будетъ только сильнѣй спаявать индивидуальныя хозяйства въ одно цѣлое, постепенно обобществляя то одну, то другую его отрасль.

Трудно заранѣе предугадать, въ какой сторонѣ сельскаго хозяйства начнется процессъ обобществленія. Быть можетъ, онъ прямо отъ общественной запашки быстрыми шагами пойдетъ по линіи полнаго обобществленія орудій производства. Весьма возможно, что онъ скорѣе наступитъ не въ области производства, а въ сферѣ сбыта продуктовъ труда и покупки орудій производства и удобреній, а затѣмъ уже захватитъ и самый процессъ производства. Наконецъ, въ различныхъ мѣстахъ могутъ намѣчаться различные пути, иногда же и тотъ и другой попутно. Мы не можемъ во всѣхъ деталяхъ предугадать дальнѣйшую эволюцію хозяйственныхъ отношеній. Достаточно, если мы въ общихъ чертахъ опредѣлимъ ее, какъ

процессъ усовершенствованія сельскохозяйственной техники и обобществленія индивидуальныхъ хозяйствъ на почвѣ растущаго въ крестьянскихъ массахъ коллективизма. Для этихъ общихъ положеній имѣется достаточно фактическихъ данныхъ. Динамика русской общины въ связи съ ростомъ „права на трудъ“ даетъ возможность учесть дальнѣйшій ростъ принциповъ коллективизма въ новой соціальной обстановкѣ.

Въ западной Европѣ за послѣднее время наблюдается сравнительно быстрый ростъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ. По словамъ Булгакова, „сельско-хозяйственныя товарищества растутъ повсюду, гдѣ только существуетъ извѣстная гарантія правъ личности и свобода отъ полицейской опеки государства, необходимыя условія для развитія всякой общественной самодѣятельности“[1]). Во Франціи, гдѣ число сельско-хозяйственныхъ въ 1884 году составляло только—5, въ концѣ 1899 года ихъ насчитывалось уже 2133 съ болѣе 500.000 членовъ. Въ Германіи за послѣдніе годы начинаетъ широко распространяться идея товарищеской организаціи сбыта хлѣба путемъ устройства общихъ хлѣбныхъ амбаровъ. „Комиссія германскихъ хлѣбныхъ амбаровъ“ энергично ведетъ агитацію идеи товарищеской ссыпки устраиваетъ лекціи, на которыхъ знакомитъ участниковъ съ раціональной постановкой дѣла техническими приспособленіями и т. п. Въ Баваріи въ настоящее время имѣется 55 товариществъ имѣющихъ (въ 1900 г.) 26,476 членовъ. Черезъ амбары этихъ товариществъ прошло 423,000 центнеровъ хлѣба. Общее же количество хлѣба, проданное всѣми товариществами, считая Прусскія, Вгортембергскія и пр., достигаетъ 4 милліоновъ центнеровъ на сумму около 30 милліоновъ. Производительныя товарищества особенно сильно развиты въ молочномъ хозяйствѣ. Данія въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто. Въ ней, по словамъ Эд. Давида, „производство крестьянами масла почти цѣликомъ вовлечено въ товарищескую организацію“ [2]). При 1,110,000 молочныхъ коровъ въ Даніи

[1]) Булгаковъ. „Капитализмъ и земледѣліе“, II т., стран. 286.
[2]) Давидъ. „Соціализмъ и сельское хозяйство“, 424.

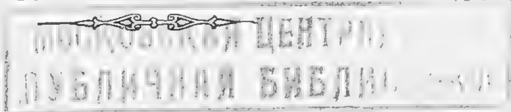
въ 1900 г. молоко 900,000 коровъ сдавалось въ товарищескія фермы. Тоже явленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, мы можемъ наблюдать и въ другихъ странахъ.

Вообще Западная Европа даетъ богатый матеріалъ для наблюденія тѣхъ способовъ борьбы за свое существованіе, къ которымъ прибѣгаетъ крестьянское хозяйство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кооперативныя товарищества пріобрѣтаютъ извѣстную долю элементовъ, присущихъ капиталистическимъ предпріятіямъ, теряютъ свою первоначальную чистоту. Вообще же, характеръ этихъ товариществъ въ большинствѣ случаевъ трудовой. Но при наличности всѣхъ отрицательныхъ сторонъ существующаго строя, при ужасающихъ размѣрахъ парцеляціи въ связи съ господствомъ индивидуальной собственности на землю — всѣ эти коопераціи на Западѣ являются только лишь палліативами, слегка подлѣчивающими язвы современнаго буржуазнаго строя. Вмѣсто созидательной работы, при которой вся энергія направляется въ одно русло соціальнаго строительства, западноевропейскому крестьянину приходится вести изнурительную борьбу на два фронта. Значительную долю силъ ему приходится удѣлять на то, чтобы отстоять свои позиціи въ борьбѣ съ крупнокапиталистическимъ производствомъ и всѣми формами капиталистической эксплуатаціи въ деревнѣ. Понятіе частной собственности, которымъ успѣли проникнуться западноевропейскіе крестьяне, тамже сильно тормазитъ развитіе въ ихъ средѣ коллективистическихъ началъ. Вообще, коопераціи въ атмосферѣ свободной спекуляціи земельной собственностью скорѣе служатъ средствомъ самозащиты для мелкаго хозяйства, чѣмъ ферментомъ соціальнаго прогресса, способнымъ толкнуть деревню на путь послѣдовательнаго обобществленія производства. И только полное освобожденіе земли отъ оковъ частной собственности можетъ создать благопріятную почву для развитія кооперативныхъ началъ, только въ этомъ случаѣ у насъ будетъ гарантія, что эти коопераціи не выродятся въ буржуазныя предпріятія, не обратятся въ свою собственную противоположность. Только при этомъ условіи затоптанные ростки

артельныхъ началъ, которыми такъ богата народная жизнь, разовьются въ мощныя, проникнутыя трудовымъ принципомъ товарищескія организаціи непосредственныхъ производителей.

Вліяніе соціализаціи земли, установляющей общегражданскія права на землю, не ограничится только деревней. Право на землю, какъ субъективное публичное право всякаго гражданина, одинаково распространяется и на городскихъ рабочихъ, которые, не осуществляя этого права въ смыслѣ непосредственнаго пользованія землей, осуществляютъ его косвенно постольку, поскольку это право, являясь ихъ неотъемлемымъ аттрибутомъ, можетъ быть ими въ каждый моментъ осуществлено, разъ условія труда окажутся неудовлетворительными. Громадный процентъ рабочихъ не порвалъ связи съ семьей, живущей въ деревнѣ. Эта часть рабочихъ можетъ всегда приложить свой трудъ къ землѣ при расширеніи крестьянской запашки и наличности живого инвентаря. Значительную часть крестьянъ изъ деревни гонитъ малоземелье. Соціализація земли устранитъ это зло, поставивъ деревню въ нормальныя условія развитія. Конечно, измѣнившіяся условія не заставятъ весь городской пролетаріатъ уйти въ деревню, но та резервная рабочая армія, которая въ настоящій моментъ парализуетъ борьбу труда съ капиталомъ, перестанетъ поставляться деревней, откуда ес въ настоящій моментъ гонитъ голодъ. При такихъ условіяхъ капиталистъ всегда принужденъ будетъ считаться съ наличностью „общенародныхъ правъ на землю“ и улучшить условія труда настолько, чтобы жизнь рабочихъ въ городѣ была выгодна и привлекательна, не опускаясь ниже извѣстнаго уровня.

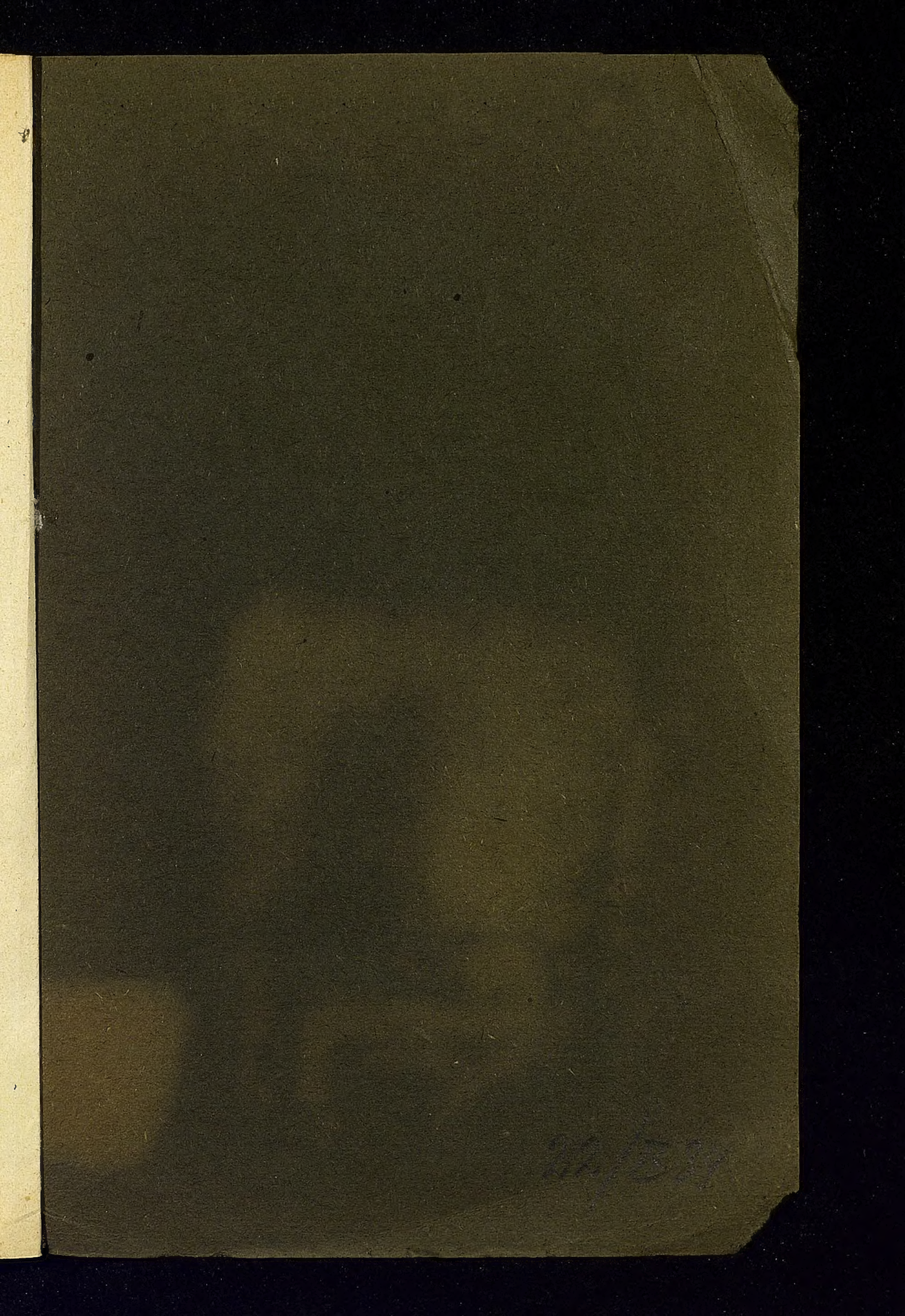
Такимъ образомъ, широкая соціальная реформа въ видѣ соціализаціи земли является лозунгомъ какъ трудового крестьянства такъ и городского пролетаріата, кристаллизуя ихъ интересы въ одно общее требованіе. Это требованіе должно быть написано на революціонномъ знамени трудящихся массъ. Его осуществленіе будетъ первой брешью, пробитой въ твердыняхъ буржуазнаго строя, первымъ завоеваніемъ трудящихся массъ, поднявшихъ руку на священное право собственности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Введеніе 3
2. Опредѣленіе общины 11
3. Захватное владѣніе и зарожденіе общины. 18
4. Система разверстокъ:
   - А) Система ревизской разверстки 27
   - Б) Производительныя разверстки 31
   - В) Потребительная разверстка. 40
5. Пользованіе различными угодіями:
   - А) Пашней 45
   - Б) Усадьбами. 49
   - В) Пастбищами. 51
   - Г) Сѣнокосами. 53
   - Д) Лѣсами 55
   - Е) Пользованіе другими угодьями 57
6. Вліяніе законодательства на общину 59
7. Община и сельскохозяйственная культура 75
8. Элементы коллективизма въ общинѣ и аграрная реформа. . 96

Книгоиздательство
„Новыя Силы“.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

А. Бахъ. Экономическіе очерки. Часть II-я . . 15 коп.

А. Бахъ. Экономическіе очерки. Часть I-я . . 15 коп.

В. Украинскій. Крестьянская община и аграрная реформа . . . . 50 коп.

Н. Ивановъ-Охлонинъ. Земельный вопросъ въ городахъ . . . . 15 коп.

Ф. Волховскій. Швейцарская военная система. 20 коп.

ВЪ ПЕЧАТИ:

М. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и соціальдемократія.

Э. Вандервельдъ. Соціалистическій строй. Съ предислов. *Дм. Самойлова* . . 15 коп.

Н. Сухановъ. Земельное обложеніе и соціализація земли. Съ предисловіемъ *В. Чернова.*

Складъ изданій { С.-ПБ. Кн. скл. „Прометей“, Пушкинская
Москва. Кн. магаз. „Трудъ“, Тверская.